

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина)

Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)

Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, Университет Лейдена)

Вендиня Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)

Войтак М., д-р, проф. (Польша, Университет Марии Склодовской-Кюри)

Джусмайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Южный Федеральный университет)

Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)

Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)

Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента

России Б. Н. Ельцина)

Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, Университет Тампере)

Саксена Р., д-р, проф. (Индия, Университет Дели)

Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)

Фээр-Дюпэрг А., д-р, доц. (Франция, Университет Пуатье)

Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, СПбГУ)

Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Арутюмова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)

Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Кушинина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Мишиланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Мишиланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Похаленков О. Е., д. филол. н., доц. (Россия, КГУ
им. К. Э. Циолковского)

Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Шляхова С. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литературы, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen)
Anne Faivre Dupâigre (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

Irina Novokreshchennykh – *Editor-in-Chief*
(Perm State University)
Irina Rusinova – *Associate Editor*
(Perm State University)
Natalya Shutemova – *Associate Editor*
(Saint Petersburg State University)
Vladimir Abashev (Perm State University)
Marina Abasheva (Perm State
Humanitarian-Pedagogical University)
Larissa Alekseeva (Perm State University)
Anna Arustamova (Perm State University)
Elena Bazhenova (Perm State University)
Natalya Boronnikova (Perm State University)
Alexandr Bratukhin (Perm State University)
Svetlana Burdina (Perm State University)
Natalya Danilevskaya (Perm State University)
Liliya Duskaeva (Saint Petersburg State University)
Elena Erofeeva (Perm State University)
Boris Kondakov (Perm State University)

Irina Kochkareva (Perm State University)
Ludmila Kushnina (Perm National Research
Polytechnic University)
Valeriy Mishlanov (Perm State University)
Svetlana Mishlanova (Perm State University)
Natalya Nesterova (Perm National Research
Polytechnic University)
Ivan Podyukov (Perm State Humanitarian-
Pedagogical University)
Oleg Pohalenkov (Kaluga State University
named after K. E. Tsiolkovski)
Boris Proskurnin (Perm State University)
Tamara Serova (Perm National Research
Polytechnic University)
Olga Sidorova (Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Svetlana Shlyakhova (Perm National Research
Polytechnic University)

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>
Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Алексеев А. В. Инструментарий исследования протестных социально-политических кампаний (на примере движения Pray For Paris)	5
Антонова Н. В. Лингвистические манипуляции, используемые для создания негативного образа России в массовом сознании жителей Европы: на примере текста Википедии	14
Дымант Ю. А., Княжева Е. А. Функция метатекста в переводах и автопереводах В. В. Набокова	24
Мерзликина О. В. Мотивационная база наименований баров и ресторанов Испании с прецедентной основой	34
Подюков И. А., Свалова Е. Н. Космические и атмосферные образы в русских и финно-угорских народных приметах и суевериях.....	44
Савельев В. С. Личные местоимения в грамматиках второй половины XVIII – начала XIX века и антропоцентричность русского языка.....	53
Тюленёва А. М., Ерофеева Е. В. Коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края	62
Хадзиева М. М. Аналитические формы глагола со значением перфектности в ингушском и немецком языках	74
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	80
Азарова В. Н. Образы учителей и учеников на страницах дореволюционных изданий Сибири.....	80
Воронцова С. С. Антиномия «земля – небо» и элегический топос в сборнике К. Д. Бальмонта «Под северным небом»	90
Ибрагимова К. Р. Bard, скальд, «макар»: поэт и поэзия в шотландской придворной перебранке	99
Иванова Е. А. Переосмысление традиционного портального фэнтези в романе Эрин Моргенштерн «Беззвёздное море»	108
Лебедева А. И. Карусель и планетарий: диалектика драматизма и эпичности в интеллектуальном театре	117
Перевалова Е. М. Страх в новелле В. Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца» в связи с особенностями нарративных модальностей	129

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY.....	5
Alekseev A. V. Tools for Studying Protest Socio-Political Campaigns (a case study of the Pray For Paris Movement).....	5
Antonova N. V. Linguistic Manipulations Used to Create a Negative Image of Russia in the Mass Consciousness of European Residents: Using the Example of a Wikipedia Text.....	14
Dymant Yu. A., Knyazheva Ye. A. The Role and Place of Metatext in Vladimir Nabokov's Translations and Self-Translations	24
Merzlikina O. V. The Names of Bars and Restaurants in Spain with Precedent Phenomena Used: The Motivational Features	34
Podyukov I. A., Svalova E. N. Cosmic and Atmospheric Images in Russian and Finno-Ugric Folk Sayings and Superstitions.....	44
Savelyev V. S. Personal Pronouns in Grammars of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries and the Anthropocentricity of the Russian Language	53
Tiuleneva A. M., Erofeeva E. V. The Komi-Permyak Language in the Linguistic Situation of Perm Krai	62
Khadzieva M. M. Analytical Verb Forms in the Perfect Aspect in the Ingush and German Languages.....	74
 LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	80
Azarova V. N. The Representation of Teachers and Students in Pre-Revolutionary Siberian Periodicals.....	80
Vorontsova S. S. The Antinomy 'Earth – Heaven' and an Elegiac Topos in the Book of Poems 'Under the Northern Sky' by Konstantin Balmont.....	90
Ibragimova K. R. Bard, Skald, Makar: A Poet and Poetry in Scottish Court Flyting.....	99
Ivanova E. A. Reinterpreting the Traditional Portal Fantasy in Erin Morgenstern's Novel 'The Starless Sea'	108
Lebedeva A. I. Carousel and Planetarium: The Dialectic of the Dramatic and the Epic in the Intellectual Theater	117
Perevalova E. M. Fear in Vladimir Odoevsky's Short Story 'The Mockery of the Corpse' in Connection with the Features of Narrative Modalities.....	129

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'42:32

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-5-13

<https://elibrary.ru/bktags>

EDN BKTEGS

Инструментарий исследования протестных социально-политических кампаний (на примере движения Pray For Paris)

Алексеев Александр Владимирович

к. филол. н., доцент кафедры английского языка № 6

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 76. alexander1990alekseev@gmail.com

SPIN-код: 1384-2003

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8193-8740>

Статья поступила в редакцию 13.06.2024

Одобрена после рецензирования 01.09.2024

Принята к публикации 05.10.2024

Информация для цитирования

Алексеев А. В. Инструментарий исследования протестных социально-политических кампаний (на примере движения Pray For Paris) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-5-13. EDN BKTEGS.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается хештег современной виртуальной коммуникации #PrayForParis, который пользователи сетей Интернета второго поколения стали активно использовать в период террористических атак в Париже в 2015 г. Материалом исследования послужили тексты, включающие цифровую лексическую единицу #PrayForParis. Методология исследования включает в себя три основных этапа. При сопоставительном анализе работ различных ученых, рассматривавших феномен хештегирования на примере лексемы #PrayForParis, установлено, что гипертекстовые лексемы следует изучать с двух различных позиций. Были отображены данные ученых о феномене #PrayForParis по различным соцсетям, а также проведен авторский анализ данной цифровой лексической единицы в интернет-сервисе Google Trends. Затем был выполнен собственный критический анализ дискурса, в котором функционирует хештег #PrayForParis в настоящее время. Актуальность исследования определяется итерационным характером использования лексических единиц, выраженных в форме хештегов, что говорит о важности осмыслиения событий прошлого для понимания текущей ситуации, когда лексическая единица #PrayForParis обозначает противостояние коммуникантов, представляющих арабский мир, с их оппонентами в новых условиях, в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке, повторяя в определенном смысле ситуацию в 2015 г. во Франции. Комплексный подход к анализу функционирования и распространения цифровой лексемы #PrayForParis в современной виртуальной коммуникации (в частности, на социальных платформах) позволяет не только рассмотреть феномен с точки зрения коммуникантов во Франции, но и показать лексическую единицу, выражающую протест в современной виртуальной коммуникации.

Ключевые слова: соцсети; #PrayForParis; Google trends; гипертекст; виртуальная коммуникация; медиадискурс.

Процесс коммуникации в большой степени сегодня подвергается процессам цифровизации и глобализации социума, в котором функционируют сети Интернета второго поколения. Под сетями второго поколения понимают веб-сайты, акцентирующие внимание на пользовательском контенте, удобстве использования (простота использования даже неспециалистами) и интероперабельности (веб-сайт хорошо работает с другими системами и устройствами) для пользователей [O'Reilly 2007]. В настоящее время к ним относят социальные сети и другие платформы для коммуникации в современном медиапространстве. Данные процессы становятся важными структурными элементами формирования не только цифрового пространства, но и реальных общественных, политических и культурных трансформаций. Немаловажную роль при этом в современной коммуникации играют социально-политические протестные движения [Tufekci & Wilson 2012; Patel et al. 2017; Nandagiri, Leena 2018]. Как показало исследование О. И. Агнистиковой, в медиаповестке преобладают «гражданские протесты» [Агнистикова 2022: 140] Одним из наиболее масштабных протестных движений в Европе стала акция, проводимая под хештегом #PrayForParis [Silva 2019; Sichynsky 2016]. Гипертекстовый элемент коммуникации #PrayForParis в данной работе будет рассмотрен в трех наиболее популярных на сегодняшний день социальных сетях: Twitter, Facebook и Instagram¹ на основании исследований зарубежных ученых.

Верификация сведений, как правило, обеспечивается текстовым материалом [Guille et al. 2013; Strippel 2014; Сергеева 2017: 52]. При исследовании взаимосвязи текста и изображений во время терактов во Франции в ночь на 13 ноября 2015 г. аналитики Ср. Цветоевич и Х. Хохмайр выбрали реакцию французского социума на шесть атак (массовые расстрелы и взрывысмертников), рассмотрев то, как впоследствии посты по данной теме, опубликованные пользователями во Франции, были распространены в другие страны мира через соцсеть Twitter. Твиты были систематизированы как по формату, так и по содержанию. По формату публикации были выделены три основных класса: твиты с хештегами, твиты с изображениями и твиты с ключе-

выми словами. Посты на ресурсе Твиттер, которые относились к трагедии, репрезентируя фото и видео террористических атак, инициировали возникновение большего количества ретвитов, чем посты, выражающие поддержку (лозунги #PrayForParis и фотографии Франции с призываами скорби по погибшим). Ученые полагают, что это стало возможным ввиду более ёмкого информационного содержания, которое было установлено в первой группе твитов [Cvetojevic, Hochmair 2018: 2].

Благодаря насыщенному визуальному информационному компоненту посты с изображениями характеризуются большим количеством ретвитов по сравнению с постами с хештегами или ключевыми словами, которые коррелируют с событиями. Твиты с хештегами становились более популярными в сравнении с постами с ключевыми словами, связанными с атаками, что объясняется тем, что лексемы, выраженные в форме хештегов, представляют собой посты, которые являются более доступными для поиска как подписчикам, так и другим коммуникантам, функционируя в виде ссылок на другие твиты, которые включают их. В итоге Ср. Цветоевич и Х. Хохмайр установили, что в чрезвычайных ситуациях, которые схожи по масштабам с терактами во Франции, Твиттер стал использоваться как журналистами, так и обычными коммуникантами. В то же время твиты с изображениями, загруженные журналистами, обладали более масштабным влиянием на одного подписчика, чем посты с изображениями, отправленные обычными коммуникантами социальной сети. Этот факт свидетельствует о том, что журналисты в рамках своей ежедневной работы и плотного сотрудничества с влиятельными медиакомпаниями уже обладали своей сетью подписчиков, доверяющих представленной им информации [ibid.: 6–7]. Данное исследование особенно актуально сегодня, так как многие каналы Telegram работают именно по этому принципу, когда журналисты с большим охватом аудитории своего канала оказывают более значительное влияние, чем отдельные пользователи или пользователи с меньшей аудиторией канала Telegram.

Исследуя лексическую единицу, выраженную хештегом #PrayForParis, в социальной сети Facebook² (соцсеть Facebook запрещена на территории

¹ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

² Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

РФ), А. Висмара в статье «Общественный траур или слэктивизм?» ставит вопрос о мотивах движения, сравнивая его с другими социально-политическими кампаниями в Интернете: #Kony2012 (протестная акция против угандийского диктатора Джозефа Кони) и #BringBackOurGirls (протесты против массового похищение девочек в Нигерии). Автор исследует вопрос активизма в соцсетях, выявляя мотивы акции, предлагая три основных варианта: коммуниканты стремятся продемонстрировать искреннее сочувствие к жертвам теракта в Париже; коммуниканты лишь реализуют свою внутреннюю интенцию высказывания слов поддержки; поддержка происходит в результате навязывания своей позиции другими коммуникантами в Facebook³. А. Висмара утверждает, что в контексте последних тенденций, когда происходит трагедия, в обществе возникает потребность в переменах. Так, коммуникант начинает формулировать поддержку в Facebook⁴, ставя лайк под постом или медиаконтентом или меняя изображение профиля. Эти действия А. Висмара характеризует не как период структурирования политической акции в соцсетях посредством хештега #PrayForParis, а как этап ее окончания [Vismara 2015].

Социальные сети предоставляют отличную возможность оперативно сообщить о проблеме. В Facebook⁵ был запущен механизм под названием *Safety Check* (в переводе с английского языка – проверка безопасности); а лексема, выраженная хештегом #PorteOuvertes (открытая дверь), оповещала о ночлеге для нуждающихся парижан, являясь информативной, но не распространенной единицей. В заключении статьи А. Висмара приходит к выводу о том, что размещение хештегов во

время чрезвычайных событий, как было в Париже, в определенное время может морально поддержать коммуникантов, но в то же время приводит к мысли о том, что существует возможность помочь кому-то, опубликовав пост в сетях Интернета второго поколения.

Значительной работой по изучению лексической единицы, которая выражена хештегом #PrayForParis, в другой социальной сети Instagram⁶ (соцсеть Instagram запрещена на территории РФ) стало исследование О. Лорана о том, каким образом проходили сутки после терактов. В общей сложности на этой социальной платформе коммуниканты осуществили порядка 430 миллионов действий. Основными из них стали посты, лайки и комментарии, публикуемые акторами из более чем 200 стран мира. Логотип Ж. Жюльена *Peace for Paris* (*Мир Парижу*) ознаменовал волну поддержки движения, особенно после того, как Instagram поделился изображением на своей официальной странице, насчитывающей на тот момент порядка 114 миллионов подписчиков [Laurent 2015].

Коммуниканты также применяли лексические единицы, выраженные в форме хештегов, находившиеся в тренде значительную часть времени в период терактов в Париже. Ими стали следующие гипертекстовые лексемы: #paris, #prayforparis, #jesuisparis, #prayersforparis, #france, #pray, #peace, #prayfortheworld, #love, #peaceforparis.

Эмодзи, выражающие скорбь (разбитые сердца, грустные лица и т. п.), также стали достаточно популярными единицами в процессе современной виртуальной коммуникации на платформах Интернета второго поколения. Наиболее распространенные эмодзи – французский флаг и сложенные в молитве руки. Высокая степень интерактивности возникла спустя несколько недель после событий, когда Instagram⁷ объявил, что он выделит больше ресурсов на руководство информационным контентом. Так, соучредитель Instagram К. Систром в интервью журналу Time заявил: *We believe you can*

³ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

⁴ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

⁵ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

⁶ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

⁷ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

see the world happening in real time through Instagram («Мы верим, что посредством Instagram вы можете видеть, что происходит в режиме реального времени в мире») [Trianni 2015].

На основании представленной выше информации следует подчеркнуть важность исследования цифровой лексической единицы *#PrayForParis* на различных социальных платформах: Twitter, Facebook и Instagram⁸. Понятие цифровой лексической единицы мы отмечали ранее в своих работах [Алексеев 2022: 126]. Именно указанные выше платформы отображают корректную статистику по использованию цифровой лексической единицы *#PrayForParis* коммуникантами как в диахроническом аспекте, затрагивая события 2015 г. и ситуацию во французском социуме в наши дни, так и в синхроническом.

Для более наглядных результатов в рамках уровня интереса к социально-политической акции, распространяемой в Интернете посредством хештега *#PrayForParis*, были отобраны 30 стран, население которых было наиболее встремлено терактами в Париже. Эти данные отражены в Таблице. В ходе анализа мы пришли к выводу, что для стандартизации данных о движении следует изучить данную лексическую единицу с помощью инструмента Google Trends. Во-первых, указанный ресурс предоставляет нам информацию относительно всей ситуации в Сети, охватывая не только упомянутые платформы Интернета второго поколения, но и многие другие (Reddit, Flickr, Telegram и т. п.). Во-вторых, сервис позволяет продемонстрировать полную географическую картину распространения лексической единицы, выраженной гипертекстовой лексемой *#PrayForParis*, которая отражена на рис. 1.

В таблице продемонстрировано, что наибольший интерес тематика террористических атак в Париже вызвала не во Франции, а в Новой Зеландии. Наибольший интерес тематика террористических атак в Париже вызвала не во Франции, а в Новой Зеландии. Данный факт следует объяснить двумя причинами. Во-первых, в соответствии с примечаниями ресурса Google Trends, маленькой стране, где запросы с исследуемой цифровой лексической единицей составляют 80 % от всего количества запросов, будет отдано в два раза больше баллов, чем большому государству, где только 40 % всех запросов включа-

ют это слово (см.: Google trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=%23PrayForParis&hl=ru> (дата обращения: 11.06.2024)). Во-вторых, цифровая лексическая единица *#PrayForParis* представляется наиболее популярной в мире вследствие того, что английский язык на сегодняшний день является в мире lingua franca. В-третьих, у движения против террористических актов во Франции, как было указано выше, были и другие цифровые лексические единицы, выраженные в форме хештегов, которые отображали сочувствие коммуникантов относительно сложившейся ситуации в Париже. Самой популярной из них стала лексема *#JesuisParis*. Данные по ней представлены на рис. 2.

Из рис. 2 видно, что уровень интереса к тематике интернет-движения под лозунгом *#PrayForParis* во Франции более чем в полтора раза больше, чем в Канаде. В целом разрыв между первыми местами огромен в сравнении с данными в таблице.

Консолидировав информацию об общих трендах, приведенную на двух рисунках, мы можем отметить, что как первая цифровая лексема, выраженная хештегом *#PrayForParis*, так и вторая, представленная хештегом *#JesuisParis*, охватывают прежде всего страны Европы.

Исходя из данных таблицы, можно заключить, что лишь пятая часть всех стран, проявивших интерес к тематике терактов во Французской Республике в ноябре 2015 г., располагается не в Европе, что может быть аргументировано высокой степенью обеспокоенности европейского населения терактами, так как ситуация, которая сложилась во Франции, характерна и для других стран этого континента. В общем ситуация демонстрирует, что акция под лозунгом-хештегом *#PrayForParis*, несмотря на мировой охват, становится приоритетной в первую очередь для самих французов, а во вторую – для граждан остальных стран Европы.

Протестные акции на соцплатформах нередко носят итерационный характер. В подтверждение данного тезиса можно привести в качестве примеров движения под цифровой лексемой *#BLM* (сокращение от *#BlackLivesMatter* – «Жизни чернокожих имеют значение»), которые повторялись в США в 2013, 2016 и 2020 гг., и протесты в Гонконге с *#HongKong* в 2014 и 2019 гг. Данная тенденция также сохраняется и с хештегированной лексемой *#PrayForParis*, которая возникла в 2015 г. и продолжает активно функционировать в современном медиадискурсе.

⁸ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

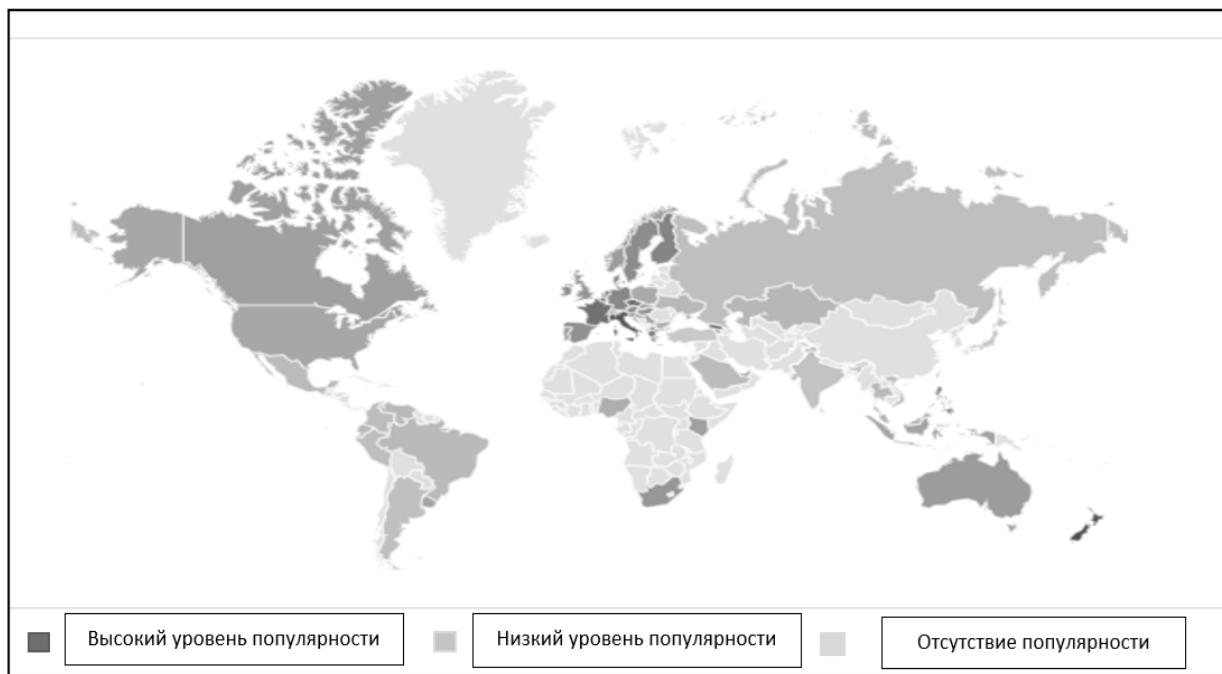

Рис. 1. Популярность лексемы, выраженной хэштегом #PrayForParis по регионам
Fig. 1. The popularity of the token expressed by the hashtag #PrayForParis by region

Страны по уровню интереса к тематике #PrayForParis

Countries by level of interest in the #PrayForParis topic

Страна	Уровень интереса	Страна	Уровень интереса
Новая Зеландия	100	Германия	54
Италия	93	Словения	52
Реюньон	93	Ирландия	51
Грузия	83	Хорватия	51
Северная Македония	77	Швеция	50
Чехия	76	Австрия	48
Франция	72	Испания	46
Армения	67	Великобритания	44
Греция	63	Венгрия	42
Филиппины	63	ЮАР	42
Нидерланды	62	Португалия	40
Бельгия	60	Люксембург	39
Исландия	60	Австралия	38
Дания	56	Словакия	38
Финляндия	56	Норвегия	37

Рис. 2. Страны по уровню интереса к тематике #JesuisParis
Fig. 2. Countries by level of interest in the topic of #JesuisParis

В первом примере (датируется 2022 г.) представлена информация о том, что память о терактах жива в сознании французов.

Пользователь 1: *Mass shootings happening in Paris... what is the world coming too?! It's frightening to read| hear/ Hope everyone keeps safe and not many more are killed or injured. #PrayForParis* (Twitter. <https://twitter.com> (дата обращения: 22.01.2021)). «В Париже происходят массовые расстрелы... что же будет с миром?! Печально читать | слышать. Надеюсь, что все будут в безопасности, и больше никто не будет убит или ранен. #МолитесьЗаПариж». (Здесь и далее перевод наш. – А. А.)

Второй пример использования цифровой лексической единицы #PrayForParis коррелирует с событиями, происходящими сегодня на Ближнем Востоке. Автор поста проводит аналогию между событиями, которые имеют место в Палестине 2023–2024 гг., и событиями во Франции в 2015 г. В сообщении мы можем наблюдать сочетание трех элементов: стандартного текста, гипертекстового конструктора, выраженного цифровыми лексемами #Israël #Hamas #PrayForParis, и фотографии.

Пользователь 2: *Le Hamas frappe Israël et fait des victimes françaises. Des familles inquiètes attendent des nouvelles à Tel-Aviv. La tension est à son comble, suivez l'actualité en direct! #Israël #Hamas #PrayForParis.* «ХАМАС наносит по территории Израиля удары, жертвами которых становятся и французы. Обеспокоенные семьи ожидают новостей в Тель-Авиве. Напряжение находится на пике, следите за новостями в прямом эфире! #Израиль#Хамас#МолитесьЗаПариж».

Третий пример использования хештегированной лексемы #PrayForParis также касается событий, происходящих на Ближнем Востоке. Протекает озабоченность автора разделением общества в кризисный период, как это случилось во Франции в 2015 г.

Пользователь 3: *Do the leftoids that get fake mad about this post and others like it realize that they're being posted in response to 260 people being gunned down at a music festival and it is just a social media movement akin to #PrayforParis or #BostonStrong. «Понимают ли левые, которые притворно злятся из-за данного поста и ему подобных, что их публикуют в ответ на расстрел 260 человек на музыкальном фестивале, и это всего лишь движение в соцсетях, похожее на #PrayforParis или #BostonStrong?»*

Итак, в процессе анализа сокращенной цифровой лексемы, выраженной хештегом #PrayForParis, удалось установить, что данная гипертекстовая лексическая единица, представляя собой важный инициирующий компонент протестного движения, направленный против распространения террористических угроз и за освещение данной проблемы как перед властными структурами Франции, так и перед мировым сообществом, также обладает интенцией, заключающейся в выражении сочувствия к жертвам парижской трагедии. Анализируя ситуацию, сложившуюся во французском медиаполе в контексте террористических атак, мы приходим к выводу о том, что выражение сочувствия к жертвам становится приоритетом у коммуникантов в сети Интернет.

Было также отмечено, что анализ лексем, выраженных в форме хештегов, следует проводить с двух различных позиций. Так, в первой части данного исследования были предложены результаты научных изысканий хештега *#PrayForParis* в различных социальных сетях (Twitter, Facebook, Instagram⁹). Далее нами был проведен авторский анализ данной цифровой лексемы в интернет-сервисе Google Trends. Принимая во внимание результаты данного анализа, следует утверждать, что исследование хештега в Google Trends обеспечивает более детальное понимание процесса функционирования *#PrayForParis*, в то же время с его помощью становится сложнее идентифицировать контекст применения и установить точное время и число коммуникантов, которые задействованы в рассматриваемой социально-политической кампании.

Следует отметить также и общемировой характер использования цифровой лексической единицы, выраженной словосочетанием-призывом *#PrayForParis*. Несмотря на тот факт, что события касались населения Франции, в процессе анализа данного гипертекстового конструкта нам удалось определить уровень обеспокоенности (тематикой терактов в Париже) общества в разных странах, где Франция является государством, которое в наибольшей степени заинтересовано в тематике терактов в ноябре 2015 г., а Европа – наиболее заинтересованным регионом мира. Следует также обратить внимание на франкоговорящие и англоговорящие страны, где уровень заинтересованности представленной тематикой выше, чем в остальных странах мира, что может быть аргументировано распространением именно англоязычных цифровых лексических единиц, выраженных *#PrayForParis*, *#paris*, *#france*, и в меньшей степени – франкоязычной *#Jesuisparis*.

Проблема управления социумом в связи с развитием искусственного интеллекта и глобализации становится всё более актуальной. В данной работе был осуществлен анализ функционирования хештега *#PrayForParis* в популярных социальных сетях, раскрывающий лингвистические аспекты социальной инженерии. Понимание процесса хештегирования и его последствий в медиакоммуникации является одним из элементов для формирования средств, направленных на обеспечение информационной безопасности общества.

⁹ Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

Итерационный характер использования цифровых лексических единиц также подтверждается использованием хештега *#PrayForParis* в современной виртуальной коммуникации. На основании контекстного анализа текстов и медиаматериала, включающего видеоконтент, фотографии, аудиофайлы и другие гипертекстовые элементы современной виртуальной коммуникации, следует сделать вывод о том, что французский социум стремится к разделению на проарабски настроенных граждан и их оппонентов, как это случилось в кризисный период в 2015 г., а также отражает сохранившуюся память французов о событиях девятилетней давности.

Список литературы

Агнистикова О. И. Особенности формирования медиаповесток неинституциональными акторами журналистского поля // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 136–144. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-136-144

Алексеев А. В. Методы измерения манипулятивной воздействующей силы инфлюэнсеров в социальных сетях в рамках исследования цифровых лексем // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 11-2. С. 126–130. doi 10.37882/2223-2982.2022.11-2.03

Сергеева Д. С. Языковые модели стратегии самопрезентации в виртуальном пространстве (на материале анализа твитов Хилари Клинтон) // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 3. С. 52–55.

Cvetojevic S., Hochmair H. Analyzing the spread of tweets in response to Paris attacks // Computers, Environment and Urban Systems. 2018. Vol. 71. P. 14–26.

Guille A. et al. Information Diffusion in Online Social Networks: A Survey / A. Guille, H. Hacid, C. Favre, D. A. Zighed // ACM SIGMOD Record. 2013. Vol. 42. Iss. 2. P. 17–28. doi 10.1145/2503792.2503797

Laurent O. 70 Million People Shared Their Prayers for Paris on Instagram This Weekend // Time. 2015. 16 Nov. URL: <https://time.com/4114288/paris-instagram/> (дата обращения: 22.01.2024).

Nandagiri V., Leena Ph. Impact of Influencers from Instagram and YouTube on their Followers // International Journal of Multidisciplinary Research and Modern Education. 2018. Vol. 4. Iss. 1. P. 61–65.

O'Reilly T. What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // Communications & Strategies. 2007. No. 1. P. 17–37.

Patel N., Cédric L., Partalas I., Avouac P. A., Segond F. Detecting Influential Users in Social Network Conversations: A Linguistic Approach // Proceedings of AI4KM 2017 (IJCAI'17). 2017. P. 1–6.

Sichynsky T. These 10 Twitter hashtags changed the way we talk about social issues // Washington Post. 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2016/03/21/these-are-the-10-most-influential-hashtags-in-honor-of-twitters-birthday/> (дата обращения: 22.01.2024).

Silva R. #PrayFor (insert tragedy here) Mapping interactivity throughout the use of hashtags on Facebook and Instagram - the case of the Manchester attack (22nd May 2017). 2019. Available at: https://www.researchgate.net/publication/337496193_Prayer_for_insert_tragedy_here_Mapping_Interactivity_throughout_the_use_of_hashtags_on_Facebook_and_Instagram_-_the_case_of_the_Manchester_Attack_22nd_May_2017.

Strippel C. Dhiraj Murthy (2013): Twitter. Social Communication in the Twitter Age // Medien & Kommunikationswissenschaft. 2014. № 62(1). P. 110–111. doi 10.5771/1615-634x-2014-1-110.

Trianni F. This Is What the Future of Instagram Looks Like // Time. 2015. URL: <https://time.com/collective-post/4059656/this-is-what-the-future-of-instagram-looks-like/> (дата обращения: 22.01.2024).

Tufekci Z., Wilson C. Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations From Tahrir Square // Journal of Communication. 2012. Vol. 62, iss. 2. P. 363–379. doi 10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x

Vismara A. Deuil public ou Slacktivism? URL: <http://www.mabucom.ch/deuil-public-ou-slacktivism/> (дата обращения: 22.01.2024).

References

Agnistikova O. I. Osobennosti formirovaniya mediapovestok neinstitusional'nyimi aktorami zhurnalistskogo polya [Media agendas built by non-institutional actors of the journalistic field: specific features]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 136-144. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-136-144. (In Russ.)

Alekseev A. V. Metody izmereniya manipulyativnoy vozdeystvuyushchey sily influenserov v sotsial'nykh setyakh v ramkakh issledovaniya tsifrovyykh leksem [Methods of measuring manipulative influencing the forces of influencers in social networks as part of the study of digital tokens]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities], 2022, issue 11-2, pp. 126-130. doi 10.37882/2223-2982.2022.11-2.03. (In Russ.)

Sergeeva D. S. Yazykovye modeli strategii samoprezentsatsii v virtual'nom prostranstve (na materiale analiza twitov Khilari Clinton) [Self-presentation strategy on virtual space (as exemplified on Hillary Clinton's twitter account)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik* [Verhnevolzhskiy Philological Bulletin], 2017, issue 3, pp. 52-55. (In Russ.)

Cvetojevic S., Hochmair H. Analyzing the spread of tweets in response to Paris attacks. *Computers, Environment and Urban Systems*, 2018, vol. 71, pp. 14-26. (In Eng.)

Guille A. et al. Information diffusion in online social networks: A survey. *ACM SIGMOD Record*, 2013, vol. 42, issue 2, pp. 17-28. doi 10.1145/2503792.2503797. (In Eng.)

Laurent O. 70 million people shared their prayers for Paris on Instagram this weekend. *Time*, 2015, 16 Nov. Available at: <https://time.com/4114288/paris-instagram/> (accessed 22 Jan 2024). (In Eng.)

Nandagiri V., Leena Ph. Impact of influencers from Instagram and YouTube on their followers. *International Journal of Multidisciplinary Research and Modern Education*, 2018, vol. 4, issue 1, pp. 61-65. (In Eng.)

O'Reilly T. What Is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. *Communications & Strategies*, 2007, issue 1, pp. 17-37. (In Eng.)

Patel N., Cédric L., Partalas I., Avouac P. A., Segond F. Detecting influencial users in social network conversations: A linguistic approach. *Proceedings of AI4KM 2017 (IJCAI'17)*, 2017, pp. 1-6. (In Eng.)

Sichynsky T. These 10 Twitter hashtags changed the way we talk about social issues. *Washington Post*, 2016. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2016/03/21/these-are-the-10-mostinfluential-hashtags-in-honor-of-twitters-birthday/> (accessed 22 Jan 2024). (In Eng.)

Silva R. #PrayFor (insert tragedy here) Mapping interactivity throughout the use of hashtags on Facebook and Instagram - the case of the Manchester attack (22nd May 2017). 2019. Available at: https://www.researchgate.net/publication/337496193_Prayer_for_insert_tragedy_here_Mapping_Interactivity_throughout_the_use_of_hashtags_on_Facebook_and_Instagram_-_the_case_of_the_Manchester_Attack_22nd_May_2017.

Strippel C. Dhiraj Murthy (2013): Twitter. Social communication in the Twitter Age. *Medien & Kommunikationswissenschaft*. Cambridge, Polity Press, 2014, issue 62, pp. 110-111. doi 10.5771/1615-634x-2014-1-110. (In Eng.)

Trianni F. This is what the future of Instagram looks like. *Time*. 2015. Available at: <https://time.com/collective-post/4059656/this-is-what-the-future-of-instagram-looks-like/> (accessed 22 Jan 2024). (In Eng.)

Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*, 2012, vol. 62, issue 2, pp. 363-379. doi 10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x (In Eng.)

Vismara A. Deuil public ou Slacktivism? Available at: <http://www.mabucom.ch/deuil-public-ou-slacktivism/> (accessed 22 Jan 2024). (In Fr.)

Tools for Studying Protest Socio-Political Campaigns (a case study of the Pray For Paris movement)

Alexander V. Alekseev

Associate Professor in the Department of English Language No. 6

MGIMO University

76, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. alexander1990alekseev@gmail.com

SPIN-code: 1384-2003

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8193-8740>

Submitted 13 Jun 2024

Revised 01 Sep 2024

Accepted 05 Oct 2024

For citation

Alekseev A. V. Instrumentariy issledovaniya protestnykh sotsial'no-politicheskikh kampaniy (na primere dvizheniya Pray For Paris) [Tools for Studying Protest Socio-Political Campaigns (a case study of the Pray For Paris Movement)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-5-13. EDN BKTEGS (In Russ.)

Abstract. This article deals with the hashtag #PrayForParis in modern virtual communication. Users of second-generation Internet networks began to actively use this element throughout the terrorist attacks in Paris in 2015. The research material comprised texts including the digital lexical unit #PrayForParis. The research methodology consisted of three main stages. Using a comparative analysis, the author studied research works of different scholars investigating the phenomenon of hashtagging with the example of the lexeme #PrayForParis, which showed that hypertext lexemes should be analyzed in two different ways. The researchers' data on the #PrayForParis phenomenon as represented on various social networks were displayed, and the author's analysis of this digital lexical unit was performed in the Google Trends service. The author also carried out critical analysis of the discourse in which the hashtag #PrayForParis currently operates. The relevance of the study is determined by the iterative nature of the use of lexical units expressed in the form of hashtags, which indicates the importance of reflecting upon and comprehending the events of the past in order to gain a proper understanding of the current situation. Currently, the lexical unit #PrayForParis indicates a new milestone in the confrontation between communicants representing the Arab world and their opponents, which occurs against the background of the aggravation of the situation in the Middle East, repeating to a certain extent the situation in France in 2015. An integrated approach to analyzing the functioning and distribution of the digital lexeme #PrayForParis in modern virtual communication (in particular, on social platforms) makes it possible not only to look at the phenomenon from the point of view of communicants in France but also to show a lexical unit expressing protest in modern virtual communication.

Key words: social networks; #PrayForParis; Google trends; hypertext; virtual communication; media discourse.

УДК 811.111:03

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-14-23

<https://elibrary.ru/chowxj>

EDN CHOWXJ

Лингвистические манипуляции, используемые для создания негативного образа России в массовом сознании жителей Европы: на примере текста Википедии

Антонова Наталья Васильевна

к. ист. н., доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. natallin1710@hotmail.com

SPIN-код: 4696-1813

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3547-9459>

ResearcherID: U-3973-2017

Scopus author ID: 56236796400

Статья поступила в редакцию 01.04.2024

Одобрена после рецензирования 26.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Информация для цитирования

Антонова Н. В. Лингвистические манипуляции, используемые для создания негативного образа России в массовом сознании жителей Европы: на примере текста Википедии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 14–23. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-14-23. EDN CHOWXJ

Аннотация. В статье рассматривается фрагмент англоязычного текста Википедии, посвященный СВО (в английской версии – Russian invasion of Ukraine). Выбор объекта исследования обусловлен тем, что в современном мире Википедия является одним из наиболее популярных источников энциклопедической информации для массового читателя и, следовательно, оказывает сильное влияние на формирование взглядов обычных людей. Цель работы – выявление приемов манипуляции общественным мнением, используемых создателями статьи Википедии, и определение цели применения данных манипулятивных технологий. Анализ фрагмента статьи Википедии позволил определить ряд искажений, подмен и логических несоответствий, которые используются ее авторами для создания негативного образа России в сознании жителей европейских стран. Данный факт свидетельствует о намеренном распространении русофобии, что является составляющей частью современной политики Запада. Автор проводит пошаговый анализ текста выбранного фрагмента и определяет степень его объективности с точки зрения языкового оформления и смысловой нагрузки. Кроме того, выявлены формы стилистического оформления информации, позволяющие авторам статьи Википедии добиться желаемого эффекта, а именно создания негативного образа России в массовом сознании жителей Европы. В результате исследования выделяются основные методы, применяемые создателями энциклопедического ресурса для манипулирования общественным сознанием, и формируется образ России, который они стремятся создать посредством вышеуказанных приемов.

Ключевые слова: манипуляции; образ России; языковые искажения; Википедия; СВО.

Введение

С течением истории мир меняется: меняются условия повседневной жизни, мода, культурная панорама, язык. Сегодня окружающий нас мир – это мир обилия информации, поэтому особенно

важно понять, как ориентироваться в информационном пространстве, как распознавать правду и ложь, как не дать обмануть себя пустыми обещаниями, как не поддаться манипуляциям недобросовестных людей.

В процессе сосуществования на одной территории люди оказывают друг на друга влияние. Е. В. Сидоренко определяет психологическое влияние следующим образом: «воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека с помощью исключительно психологических средств, с предоставлением ему права и времени отвечать на это воздействие» [Сидоренко 2000: 148]. Однако не всякое влияние является позитивным. Тот же автор выделяет 10 видов психологического влияния: убеждение, самопропдвижение, внушение, заражение, пробуждение импульса к подражанию, формирование, просьба принуждение, деструктивная критика, манипуляция [там же: 149]. При этом конструктивными считаются лишь первые два вида влияния, остальные – спорны или неконструктивны. Мы остановимся на манипуляции как неконструктивном виде психологического влияния, или, другими словами, нелегитимной социальной практике [Dijk 2006: 360], активно развивающемся в современном мире. Итак, согласно Е. В. Сидоренко, манипуляция – «скрытое побуждение адресата к переживанию определенных состояний, принятию решений и/или выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей» [Сидоренко 2000: 149].

Е. Л. Доценко выделяет следующие ключевые характеристики манипулятивного воздействия. 1. Тайное воздействие (адресат в неведении относительно намерений манипулятора). 2. Опора на «ключики», «слабости», стремление «взять на крючок», «зацепить за живое» и т. п. (воздействие на автоматизмы). 3. Стремление создать у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения – он как бы сам захотел сделать то, чего добивается манипулятор [Доценко 1997: 179]. Так, манипуляция – «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [там же: 43].

П. Б. Паршин предлагает собственную формулировку: «вид взаимодействия, при котором манипулирующий сознательно пытается осуществить контроль над поведением манипулируемого, который не считает себя объектом манипуляции, побуждая его вести себя определенным образом» [Паршин 2000: 57]. Т. А. ван Дейк, в свою очередь, понимает манипуляцию как «практику коммуникации и взаимодействия, при которой манипулятор осуществляет контроль над другими людьми против их воли или вопреки их интересам», при этом манипулирование является негативным фактором как действие, нарушающее социальные нормы [Dijk 2006: 360].

Важно четко разграничивать манипулирование и другие формы влияния на человеческое сознание (информирование, обучение, убеждение), которые также формируют мировоззрение человека. Убеждение подразумевает свободу действия собеседника, в зависимости от степени приятия им аргументов убеждающего субъекта, в то время как объекту манипулирования отводится пассивная роль восприятия, поскольку адресат не в состоянии осознать истинные намерения и полноту последствий убеждений и действий, навязанных манипулятором [Wodak 1987: 392]. Вполне естественно, что при оценке лишь с точки зрения степени активности реципиента граница между убеждением и манипулированием не может быть четкой, поэтому Т. А. ван Дейк выделяет еще два фактора, разделяющие данные понятия, а именно: высокую степень заинтересованности манипулятора в искажении информации и направленность неосознанных действий реципиента против собственных интересов [Dijk 2006: 360].

Итак, манипуляцию можно определить как коммуникативную практику, при которой один из акторов осуществляет скрытое влияние на собеседника вопреки его интересам с целью достижения собственных целей.

Методы

Аспекты исследования манипулятивных практик могут варьироваться (социальный, интерактивный, дискурсивный и когнитивный [Dijk 2006: 360]), мы остановимся на когнитивном подходе, поскольку именно человеческое сознание и предотвращение манипулирования общественным мнением представляют интерес в условиях существования современного мира.

Исследователи выделяют две группы критерии, определяющих возможность управления сознанием людей. С одной стороны, это социальные факторы, связанные с социальным положением действующих лиц, обществом, в котором мы живем, его привычками и устоями. С другой стороны, это личностные психологические характеристики, такие как черты характера, образование, уровень интеллекта и пр. [Dijk 2006: 362]. Предметом исследования в настоящей статье стали социальные факторы манипулирования общественным сознанием, поскольку именно они отражают процессы влияния на формирование общественного мнения. Материал анализа – первый абзац вводного фрагмента англоязычной статьи Википедии, посвященной СВО (Russian invasion of Ukraine). Краткость объема рассматриваемого фрагмента обусловливает необходимость провести максимально глубокий и всесторонний анализ текста с целью выявить скрытые искажения, установить, каким образом и для чего

применялись технологии манипулирования массовым сознанием. Выбор предмета и материала исследования детерминирован тем, что в условиях информационной войны очень важно определить тактику создания негативного образа России в сознании людей с тем, чтобы сформировать максимально возможное ясное восприятие событий, освобожденное от домыслов и ярлыков, логических искажений и подмен.

Анализ

Изученный фрагмент статьи содержит значительное количество информационных искажений, подмен и манипуляций. Рассмотрим их в порядке появления в тексте.

Уже в заглавии “Russian invasion of Ukraine” («Российской вторжение на Украину») (здесь и далее перевод наш. – Н. А.) мы сталкиваемся с термином “invasion” (вторжение), используемым в Западной Европе по отношению к СВО. Вопрос о правомерности использования такого лежит в компетенции политологов. Однако с точки зрения применения лингвистических технологий воздействия можно отметить, что из широкого спектра возможных слов в Европе принято выбирать именно термин «вторжение», однозначно позиционирующий российскую сторону вооруженного конфликта как агрессора. При обращении к практике наименования военных конфликтов в английском языке было обнаружено, что вооруженные столкновения XX–XXI вв. традиционно именуются “war” (война), “crisis” (кризис), “operation” (операция) [см.: 21st century; How east – west dynamics define Europe; Timeline of 20th and 21st century wars] и пр., слово «вторжение» применяется исключительно в контексте СВО. Даже в отношении к осуждаемой Европой практике нацизма применяется вполне нейтральный термин «Вторая мировая война»¹. Данный факт свидетельствует о явной политической антагонистичности авторов термина.

Во фрагменте “The invasion became the largest attack on a European country since World War II” («Вторжение стало крупнейшей атакой на европейскую страну со времен Второй мировой войны») (Russian invasion of Ukraine) под «европейской страной» автор подразумевает Украину. С точки зрения географической это верно, Украина принадлежит к Европе, равно как и Россия, с той лишь оговоркой, что традиционно Россия и Украина позиционируются как «Западная Европа», которая противопоставлена «Восточной Европе» или просто «Европе» [см.: How east – west dynamics define Europe, Orlando Figes]. Таким образом, становится очевидной подмена термина: позиционируя Украину как «европейскую страну», автор пользуется неоднозначностью

данного наименования, что можно рассматривать как манипуляцию, целью которой выступает вызов негативной реакции со стороны жителей Западной Европы, так как заявление об «атаке на европейскую страну» (Russian invasion of Ukraine) подразумевает прямую угрозу интересам стран Евросоюза.

Далее по тексту следует фраза: “It is estimated to have caused tens of thousands of Ukrainian civilian casualties and hundreds of thousands of military casualties” («По оценкам, СВО стала причиной десяток тысяч жертв среди мирного населения Украины и сотен тысяч среди военнослужащих») (Russian invasion of Ukraine). При этом не оговаривается, какая из сторон спровоцировала эти потери и каково процентное соотношение пострадавших от каждой из сторон военного конфликта. Иными словами, с учетом того, что вина за конфликт полностью возложена авторами статьи на российскую сторону, ответственность за смерть всех пострадавших от военных действий, в том числе граждан ДНР и ЛНР и пр., убитых в ходе военных действий украинской стороной, также автоматически приписывается Россия. Принимая во внимание, что число жертв с российской стороны, пострадавших от агрессии со стороны Украины, не приводится, отметим, что из текста статьи фактически следует, что украинская сторона не спровоцировала никаких жертв, что звучит крайне неубедительно. В данном случае манипулирование основано на умолчании и обобщении, влекущем за собой искаженное восприятие информации.

Отсутствие в тексте статьи упоминания потерь среди военных и гражданского населения с российской стороны (в частности, пострадавшие от атак ВСУ мирные жители приграничных регионов России, в том числе ДНР и ЛНР, среди которых превалирует этническая самоидентификация «русский» [Черкашин, Теркулов, Тамерьян 2023: 126]) противоречит нормам объективного описания военных действий, при котором должны указываться потери обеих сторон. Можно заключить, что происходит манипуляция сознанием посредством умолчания релевантной информации и одностороннего представления ситуации читателю.

Затем приводится информация о перемещении 8 миллионов украинцев внутри страны и о 8,2 миллиона беженцев, с акцентом на том, что данные перемещения вызвали “Europe's largest refugee crisis since World War II” («величайший миграционный кризис в Европе со времен Второй мировой войны») (Russian invasion of Ukraine). Вновь, не подвергая сомнению цифры, обратим внимание на акценты: речь в статье идет о конфликте между Россией и Украиной, однако авторы ставят в центр миграционный кризис в

Европе, который не имеет прямого отношения к данным событиям и является лишь фоновым фактом с точки зрения релевантности материала. При этом языковое оформление данного комментария можно охарактеризовать как эмоционально окрашенное (превосходная степень “the largest”, яркая негативная коннотация словосочетания “refugee crisis” (миграционный кризис), которое в нейтральном варианте можно заменить на «миграционный поток», «приток мигрантов», «приток беженцев») по сравнению с основным текстом. С учетом композиции предложения (помещение эмоционально окрашенного фрагмента в постпозицию по отношению к основному тексту) акцент в нем ставится на факт кризиса, спровоцированного, согласно автору, СВО, но не на проблемы беженцев.

Для пояснения коннотации данной формулировки обратимся к определению слова “crisis” (кризис): “a situation in which something or someone is affected by one or more very serious problems; a time of great danger, difficulty or doubt when problems must be solved or important decisions must be made” («ситуация, в которой человек находится под воздействием одной или более серьезных проблем; период серьезной опасности, сложностей или сомнений, когда необходимо решить проблемы или принять важное решение») [Collins dictionary; Oxford learner’s dictionary online]. Налицо манипулирование посредством использования эмоционально окрашенной лексики с целью фокусирования внимания аудитории на информации, выгодной автору.

При оценке масштабов миграции вновь возникает вопрос: как понимать слово “Europe” (Европа) – Западная Европа или следует включать в это понятие Россию и Белоруссию? [ООН оценила число прибывших в Европу украинских беженцев в 7,96 млн человек]. Данные вновь представлены неоднозначно. Возникает вопрос: включают ли упомянутые в статье 8,2 миллиона беженцев в себя 2,5 миллиона переселенцев, принятых российской стороной, или это количество мигрантов, поселившихся только в Западной Европе? Согласно данным, представленным в другой статье той же самой онлайн-энциклопедии (Ukrainian Refugee Crisis), в Европе зарегистрировано приблизительно 6 миллионов украинцев. При этом по отношению к Европе миграционный приток однозначно трактуются как «миграционный кризис», то есть негативный фактор с точки зрения качества жизни обитателей региона, а по отношению к России то же самое явление именуется «насильственная депортация» в страну, при этом сопровождается созданием концентрационных лагерей (Ukrainian Refugee Crisis, Russian filtration camps for Ukrainians).

По какой же причине происходит такая кардинально противоположная трактовка одного и того же феномена (миграционного потока) по отношению к разным странам? В данном случае можно говорить о двойных стандартах и с большой долей вероятности предположить, что такая интерпретация фактов является очередной манипуляцией авторов статьи энциклопедии с целью исказить реальное положение дел и представить Россию в сугубо отрицательном свете, а страны Западной Европы – в роли жертвы.

Далее в статье описывается ущерб, наносимый войной окружающей среде и именуемый авторами “ecocide” (экоцид): “extensive environmental damage” («широкомасштабный ущерб окружающей среде») [Legal experts worldwide draw up historic definition of “ecocide”], который позиционируется как одна из причин “food crises worldwide” (продовольственных кризисов по всему миру) (Russian invasion of Ukraine).

Начнем с того, что формулировка крайне размытая. Лексема “contribute” (вносить вклад) имеет следующее значение: “to be one of the causes of something” (быть одной из причин чего-либо) [Oxford learner’s dictionary online], то есть таких причин может быть две, а может быть два миллиона. При этом не оговаривается, какова величина «вклада» СВО в ухудшение экологической ситуации в мире. Строго говоря, неоднозначность формулировки данного заявления позволяет с равным успехом применить его как по отношению к гражданину, курящему на собственном балконе, так и к массовой вырубке лесов Амазонии. Такое обобщение дает повод к исаженной трактовке и преувеличению роли военной операции на Украине в ухудшении экологической ситуации на планете.

Теперь обратимся к клише «широкомасштабный ущерб окружающей среде» и «мировой продовольственный кризис» (Russian invasion of Ukraine). Оба определения имеют значение по-всеместного распространения определяемого феномена. Иными словами, автор энциклопедической статьи ответственно заявляет, что локальные военные действия стали причиной внезапного глобального экологического кризиса, который коснулся всех стран мира и спровоцировал серьезные продовольственные проблемы на всем Земном шаре. Вполне естественно, что любое нарушение природного баланса может откликнуться далеко за пределами эпицентра, однако согласно автору статьи в случае СВО оно достигает глобального масштаба (широкомасштабный, мировой). Данное заявление представляется спорным с точки зрения диапазона пагубного воздействия на экологию и нуждается в конкретизации. Поскольку в контексте статьи

утверждение о экологическом кризисе представлено как явление повсеместное без обоснования факта изменения автором местного масштаба на мировой, его можно квалифицировать как намеренное искажение фактов и манипуляцию общественным сознанием с целью вызвать агрессию со стороны аудитории по отношению к России и ее народу.

Кроме того, в рамках данного утверждения присутствует логическая ошибка: приравниваются два понятия, не являющиеся равнозначными. В судебной практике Великобритании предложено понимать «экоцид» как “unlawful or wanton acts committed with knowledge that there is a substantial likelihood of severe and widespread or long-term damage to the environment being caused by those acts” («незаконные или самовольные действия, совершенные при осознании существенной вероятности серьезного и широкомасштабного или долгосрочного ущерба окружающей среде, нанесенного этими действиями») [Legal experts worldwide draw up historic definition of “ecocide”]. Данное понятие не равно по содержанию понятию “damage” (вред), определяемому как “harm or injury” [Cambridge online dictionary] (вред или ущерб), поскольку в случае экоцида понятие ущерба дополнено характеристикой преступной намеренности данного действия, следовательно, суждение “extensive environmental damage caused by the war, widely described as an ecocide” (широкомасштабный ущерб окружающей среде, вызванный войной, широко известный под названием «экоцида») логически неверно. Применение причастного оборота при введении понятия «экоцид» в структуру предложения позволяет представить оборот «широко известный под названием экоцида» как известное читателям фоновое знание об ущербе окружающей среде, тем самым прикрывается сам факт существования его неоднозначности. Отсюда можно сделать вывод, что данное суждение является собой искажение информации, представление ложного утверждения как общеизвестной истины, иными словами, это манипуляция общественным сознанием.

Утверждение о вызванном явлением, трактуемым автором статьи как «экоцид», продовольственном кризисе в различных регионах мира (слово «кризис» стоит во множественном числе) рождает сомнение с точки зрения правомерности построения причинно-следственных связей. Закон достаточного основания в логике гласит, что для того, чтобы быть истинной, мысль должна быть основана на аргументах [Новосёлов, Курбатов, Бернштейн]. В рассматриваемом суждении вывод о возникновении продовольственного кризиса в ряде регионов в результате пагубного влияния военных действий на экологию этих

стран ничем не обоснован, то есть не может рассматриваться как непреложная истина. Это утверждение является лишь предположением автора, в то время как в тексте статьи оно представлено как закономерный вывод из ранее указанных автором посылок.

Более того, в публикациях The New York Times за 2022 г. присутствуют прямые указания на тот факт, что возможные сложности с продовольствием вызваны ростом цен на пшеницу, при этом нет никаких упоминаний об экологических проблемах [Russia attacks Ukraine]. В том же издании говорится о непосредственном намерении Европы при помощи США отказаться от поставок топлива из России [Russia attacks Ukraine], то есть рост цен и, следовательно, проблемы с продовольствием спровоцированы рядом разнородных факторов. Итак, заявление авторов статьи Википедии о непосредственной связи между экологическими проблемами в зоне военных действий и продовольственным кризисом по всему миру является не только необоснованным, но и искаженным, поскольку авторы статьи намеренно умалчивают о других факторах, а именно политических, ставших причиной сложностей с продовольствием по всему миру. Таким образом, есть все основания, чтобы квалифицировать вышеуказанное утверждение как элемент манипулятивного дискурса, используемого с целью создания негативного образа России в мировоззрении жителей Европы.

При оценке композиции и стилистической окраски вводного абзаца привлекает внимание тот факт, что часть информации, а именно информация о военном конфликте между Украиной и Россией, представлена в виде констатации фактов (не всегда находящих свое подтверждение, как было отмечено выше), оставшаяся часть содержит эмоционально окрашенную лексику, примененную адресно исключительно в отношении проблем, коснувшихся Европы, а отнюдь не Украины или России, которым, согласно заглавию, посвящена статья.

Если извлечь из текста лексические единицы с повышенной экспрессивной нагрузкой, выстраивается следующая цепочка: “largest attack on a European country” – “largest refugee crisis” – “extensive environmental damage”, “ecocide” – “food crises worldwide” (наиболее масштабная атака на европейскую страну – величайший миграционный кризис – широкомасштабный ущерб окружающей среде, экоцид – продовольственный кризис по всему миру). Именно эта информация, наиболее яркая по своей стилистической окраске, вероятнее всего, привлечет внимание и глубоко отпечатается в сознании читателей. Перед нами пример манипуляции, заключающейся в

акцентировании второстепенной информации, намеренном замутнении и обобщении фактов, имеющих непосредственное отношение к делу, а также стилистического выделения установки, которую авторам статьи необходимо запечатлеть в общественном сознании.

Дискуссия

Итак, можно предположить, что целью данного фрагмента статьи Википедии является насаждение русофобии в Европе. О явлении русофобии говорит, в частности, А. С. Гурова: «Респонденты сталкиваются с таким основным элементом лексического противостояния как русофобия в дискурсе зарубежных стран» [Гурова, Малыгина, Слыскин 2022: 30]. В рамках рассмотренного вводного абзаца явно присутствуют признаки манипуляции общественным сознанием с целью создать негативный образ России, преувеличить ее роль в проблемах, сложившихся в Европе, возложить на Россию ответственность за экологические проблемы во всем мире, за вопросы, связанные с миграционным потоком в страны Европы, остро стоящие на протяжении не одного десятилетия, и за продовольственные проблемы, снимая при этом ответственность с правящей верхушки европейских стран.

Автор статьи явно пользуется правилом рамки, открытым в XIX в. Г. Эббингаузом [Сосиденко], которое гласит, что наиболее воздействующими являются начало и конец выступления. Первый абзац содержит максимум манипуляций, так как передает основные установки, которые автор с их помощью стремится навязать аудитории. Далее следует сравнительно нейтральное с точки зрения применения манипулятивных приемов повествование, и в заключении представлен список прямых обвинений в адрес президента России В. В. Путина.

Как отмечает В. З. Демьянков, «есть несомненное сходство недостоверной информации с эпидемией, с биологическим оружием и с ядерным взрывом, которые заражают окружающее пространство» [Демьянков 2017: 8], а потому необходимо предпринимать активные действия для борьбы с ними, в частности, необходимо «повышать уровень медиаграмотности аудитории» [Гурова 2022: 34], учить людей расшифровывать информацию посредством тщательного критического анализа [Zhdanko 2019: 41].

Выводы

Итак, резюмируя вышесказанное, можно получить следующий мировоззренческий стереотип, который автор статьи в Википедии посредством манипулирования языковыми и стилистическими средствами, а также применения ряда

логических подмен стремится создать в сознании своей аудитории.

1. Произошло крупнейшее вторжение на территорию Европы со стороны России, сравнимое по масштабу со Второй мировой войной и повлекшее за собой сотни тысяч жертв со стороны Украины. Россия при этом фактически не пострадала.

2. Приток мигрантов в Европу вызвал миграционный кризис, и виновата в нем Россия и только Россия.

3. Приток мигрантов в Россию – это насильственная акция со стороны российского правительства. Люди вывозились насильно и помещались в концентрационные лагеря.

4. Россия виновата в экологических проблемах во всем мире, ее действия преднамеренны.

5. Россия виновата в повсеместных проблемах с продовольствием по всему миру.

Рассмотренный фрагмент статьи Википедии, de jure посвященный военным действиям на Украине, de facto описывает мировые проблемы, возникшие по различным причинам, нередко задолго до начала СВО. Если рассчитать в знаках, доля фрагмента, реально освещая события на Украине, составляет 314 знаков, в то время как доля текста, посвященная проблемам Европы и общемировым катаклизмам, – 379 знаков. Даный дисбаланс между заявленной темой и реальным содержанием является показательным с точки зрения объективности данного фрагмента статьи электронной энциклопедии. Принимая во внимание вышеупомянутое правило рамки, согласно которому для эффективного воздействия на реципиента именно начало повествования должно содержать максимум информации, которую необходимо донести, можно заключить, что авторы статьи Википедии ставили своей задачей не столько констатацию фактов относительно событий вооруженного конфликта на Украине, сколько создание негативного образа России в сознании массового читателя. Сходное явление скрытой политизации априори нейтрального текста описывает в своей статье Е. В. Исаева [Isaeva 2022].

На основании всего сказанного можно сделать предположение, что в изученном фрагменте автор преследует следующие цели.

1. Вызвать негативную эмоциональную реакцию со стороны жителей Европы по отношению к России, позиционируя ее как виновницу всех бед.

2. Максимально вовлечь читателей в события на Украине, убедив их, что все проблемы, которые коснулись Европы и всего мира, спровоцированы Россией и событиями на Украине.

3. Ввести аудиторию в заблуждение относительно реальных событий, происходящих на территории вооруженного конфликта.

Для достижения своих целей авторы пользуются рядом манипулятивных технологий.

1. Применение негативных наименований в отношении объекта информационной атаки.

2. Обобщение, влекущее за собой искаженное восприятие ситуации.

3. Подмена терминов и наименований.

4. Умолчание релевантной информации и одностороннее представление ситуации читателю.

5. Использование эмоционально окрашенной лексики для фокусирования внимания аудитории на информации, выгодной авторам.

6. Двойные стандарты.

7. Безосновательное заявление, представленное как непреложная истина с целью очернения образа объекта информационной атаки.

8. Логические подмены, приравнивание неравнозначных понятий – софизмы.

9. Акцентирование второстепенной информации, намеренное замутнение и обобщение фактов, имеющих непосредственное отношение к делу, и стилистическое выделение установки, которую авторам статьи необходимо запечатлеть в общественном сознании.

Изученный отрывок статьи является ярким примером манипулятивного дискурса, призванного создать негативный образ России в мировоззрении аудитории.

Примечания

¹ Например, в Википедии статья, посвященная вооруженному конфликту между странами нацистского блока и государствами антигитлеровской коалиции, именуется “World War II” (Вторая мировая война) (World War II).

Список источников

Russian filtration camps for Ukrainians. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Russian_filtration_camps_for_Ukrainians#:~:text=Filtration%20camps%2C%20also%20referred%20to,part%20of%20forced%20population%20transfers (дата обращения: 25.06.2024).

Russian invasion of Ukraine. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Russian_invasion_of_Ukraine (дата обращения: 27.11.2023).

Ukrainian Refugee Crisis. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Ukrainian_refugee_crisis_\(2022–present\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Ukrainian_refugee_crisis_(2022–present)) (дата обращения: 27.11.2023).

World War II. Wikipedia. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/World_War_II (дата обращения: 17.06.2024).

Список литературы

Гурова А. С., Малыгина Л. Е., Слышик Г. Г. Дискурс иноагентов: комизм – способ воздействия на сознание реципиента // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4(31). С. 30–36. doi 10.20323/2499_9679_2022_4_31_30_36

Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (53). С. 5–13.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.

Новосёлов М. М., Курбатов В. И., Бернштейн В. О. Законы логики // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6922> (дата обращения: 27.11.2023)

ООН оценила число прибывших в Европу украинских беженцев в 7.96 млн. человек // Известия. 12.01.2023. URL: <https://iz.ru/1453455/2023-01-12/oon-otcenila-chislo-pribyvshikh-v-evropu-ukrainskikh-bezhentsev-v-796-mln-chelovek>.

Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. С. 55–73.

Сидоренко Е. В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию // Социальная психология в трудах отечественных психологов / сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000. С. 148–170.

Сосиденко Л. В. Конфликтность и барьеры в общении: преодоление барьеров // Всероссийская научная библиотека Порталус. URL: https://portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1177738200&archive=1375266216&start_from=&ucat=& (дата обращения: 27.11.2023).

Черкашин К. В., Теркулов В. И., Тамерьян Т. Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 113–128. doi 10.26170/1999-2629_2023_01_13

Cambridge online dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 27.11.2023).

Collins dictionary. URL: <https://www.collins-dictionary.com/dictionary/english/irredentist> (дата обращения: 27.11.2023).

Dijk. T.A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). 359–383 р.

21st century. Helion and company. URL: <https://www.helion.co.uk/periods/21st-century.php> (дата обращения: 27.11.2023).

Figes O. Rusia y Europa // La búsqueda de Europa. Visiones en contraste. BBVA Open Mind, 2024. P. 386–402.

How east – west dynamics define Europe // The review of democracy. 03.07.2021. URL:

<https://revdem.ceu.edu/2021/07/03/how-east-west-dynamics-define-europe/>

Isaeva E. V. Topic Modelling in Computer Security Discourse: a Case Study of Whitepaper Publications and News Feeds // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 18–26. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-18-26

Legal experts worldwide draw up historic definition of “ecocide” // The Guardian. 22.06.2021. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jun/22/legal-experts-worldwide-draw-up-historic-definition-of-ecocide> (дата обращения: 27.11.2023).

Oxford learner’s dictionary online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 27.11.2023).

Russia attacks Ukraine // The New York Times. 24.02.2022. URL: <https://www.nytimes.com/live/2022/02/24/world/russia-ukraine-putin>.

Timeline of 20th and 21st century wars. Imperial war museums. URL: <https://www.iwm.org.uk/history/timeline-of-20th-and-21st-century-wars> (дата обращения: 27.11.2023).

Wodak R. “And Where Is the Lebanon?” A Socio-Psycholinguistic Investigation of Comprehension and Intelligibility of News // Text. 1978. № 7(4). P. 377–410.

Zhdanko A. Identification of cognitive manipulations that have the greatest impact on students in the internet // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). 2019. № 7(1). P. 35-42.

References

Gurova A. S., Malygina L. E., Slyshkin G. G. Diskurs inoagentov: komizm – sposob vozdeystviya na soznanie retsipienta [Discourse of foreign agents: comedy as a way of influencing the consciousness of the recipient]. Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik [Verhnevolzhskiy Philological Bulletin], 2022, issue 4 (31), pp. 30-36. doi 10.20323/2499_9679_2022_4_31_30_36. (In Russ.)

Dem'yankov V. Z. Transfer znanii y kognitivnyaya manipulyatsiya [Knowledge transfer and cognitive manipulation]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 2017, issue 4 (53), pp. 5-13. (In Russ.)

Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: feniomeny, mekhanizmy i zashchita [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, and Defense]. Moscow, CheRo Publ., Lomonosov Moscow State University Press, 1997. 344 p. (In Russ.)

Novoselov M. M., Kurbatov V. I., Bernstein V. O. Zakony logiki [Laws of Logic]. Gumanitarnyy portal [Humanities web portal]. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/6922> (accessed 27 Nov 2023). (In Russ.)

OON otsenila chislo pribyvshikh v Evropu ukrainskikh bezhentsev v 7.96 mln. chelovek [The UN estimates the number of Ukrainian refugees in Europe at 7.96 million people]. Izvestiya [The News], 2023, 12 Jan. Available at: <https://iz.ru/1453455/2023-01-12/oon-otcenila-chislo-pribyvshikh-v-evropu-ukrainskikh-bezhentsev-v-796-mln-chelovek> (In Russ.)

Parshin P. B. Rechevoe vozdeystvie: osnovnye sfery i raznovidnosti [Verbal influence: Main spheres and types]. Reklamnyy tekst: semiotika i lingvistika [Advertising Text: Semiotics and Linguistics]. Moscow, International Institute of Advertising Publ.; Publishing House of Grebennikov, 2000, pp. 55-73. (In Russ.)

Sidorenko E. V. Lichnostnoe vliyanie i protivostoyanie chuzhomu vliyaniyu [Personal influence and resistance to other people's influence]. Sotsial'naya psikhologiya v trudakh otechestvennykh psikhologov [Social Psychology in the Studies of Russian Scholars]. Comp. by A. L. Sventsitskiy. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, pp. 148-170. (In Russ.)

Sosidenko L. V. Konfliktnost' i bar'ery v obshchenii: Preodolenie bar'erov [Conflict-proneness and barriers in communication]. Vserossiyskaya nauchnaya biblioteka Portalus [All-Russian scientific library Portalus]. Available at: https://portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1177738200&archive=1375266216&start_from=&ucat=& (accessed 27 Nov 2023). (In Russ.)

Cherkashin K. V., Terkulov V. I., Tamer'yan T. Yu. Etnicheskaya samoidentifikatsiya zhiteley Donbassa [Ethnical self-identification of Donbass citizens]. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics], 2023, issue 1 (97), pp. 113-128. doi 10.26170/1999-2629_2023_01_13. (In Russ.)

Cambridge Online Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 27 Nov 2023). (In Eng.)

Collins Dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/irredentist> (accessed 27 Nov 2023). (In Eng.)

Dijk T. A. van. Discourse and manipulation. Discourse and Society, 2006, issue 17 (2), pp. 359-383. (In Eng.)

21st Century. Helion & Company. Available at: <https://www.helion.co.uk/periods/21st-century.php> (accessed 27 Nov 2023). (In Eng.)

How east – west dynamics define Europe. The Review of Democracy, 2021, 3 Jul. Available at: <https://revdem.ceu.edu/2021/07/03/how-east-west-dynamics-define-europe/>. (In Eng.)

Isaeva E. V. Topic modelling in computer security discourse: a case study of whitepaper publications and news feeds. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology],

2022, vol. 14, issue 2, pp. 18-26. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-18-26. (In Eng.)

Legal experts worldwide draw up historic definition of 'ecocide'. *The Guardian*, 2021, 22 Jun. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2021/jun/22/legal-experts-worldwide-draw-up-historic-definition-of-ecocide> (accessed 27 Nov 2023). (In Eng.)

Figes O. Rusia y Europa. La búsqueda de Europa. Visiones en contraste. BBVA Open Mind, 2024, pp. 386-402.

Oxford Learner's Dictionary Online. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 27 Nov 2023). (In Eng.)

Russia attacks Ukraine. *The New York Times*, 2022, 24 Feb. Available at:

<https://www.nytimes.com/live/2022/02/24/world/russia-ukraine-putin> (accessed 27 Nov 2023). (In Eng.)

Timeline of 20th and 21st century wars. *Imperial War Museums*. Available at: <https://www.iwm.org.uk/history/timeline-of-20th-and-21st-century-wars> (accessed 27 Nov 2023). (In Eng.)

Wodak R. 'And where is the Lebanon?' A socio-psycholinguistic investigation of comprehension and intelligibility of news'. *Text*, 1987, issue 7 (4), pp. 377-410. (In Eng.)

Zhdanko A. Identification of cognitive manipulations that have the greatest impact on students in the internet. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2019, issue 7 (1), pp. 35-42. (In Eng.)

Linguistic Manipulations Used to Create a Negative Image of Russia in the Mass Consciousness of European Residents: Using the Example of a Wikipedia Text

Natalia V. Antonova

Associate Professor in the Department of Foreign Languages for International Relations

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russia. natallin1710@hotmail.com

SPIN-code: 4696-1813

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3547-9459>

ResearcherID: U-3973-2017

Scopus Author ID: 56236796400

Submitted 01 Apr 2024

Revised 26 Sep 2024

Accepted 30 Sep 2024

For citation

Antonova N. V. Lingvisticheskie manipulyatsii, ispol'zuemye dlya sozdaniya negativnogo obrazza Rossii v massovom soznanii zhiteley Evropy: na primere teksta Vikipedii [Linguistic Manipulations Used to Create a Negative Image of Russia in the Mass Consciousness of European Residents: Using the Example of a Wikipedia Text]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 14–23. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-14-23. EDN CHOWXJ (In Russ.)

Abstract. The article looks at an extract from the English version of a Wikipedia entry about the Special military operation (denominated by Western media and political circles as the Russian invasion of Ukraine). This research object was chosen since in the modern world Wikipedia is one of the most popular sources of encyclopedic information for the general reader and, therefore, has a strong influence on the formation of their views. The article aims to reveal the techniques used by the authors of the entry for manipulating public opinion and to establish the purpose of these manipulations. The analysis of the extract revealed a number of distortions, logical contradictions, uses of equivocal language, all these contributing to a negative image of Russia being created in the readers' minds and constituting part of the general Russophobe trend adopted by European governments. The author conducts a step-by-step analysis of the text of the selected fragment and determines the degree of its objectivity in terms of linguistic design and semantic load. The author also pays attention to stylistic presentation of the information, which allows the Wikipedia authors to obtain the desired effect. The conclusions section presents a list of ideas the creators of the entry

wish to convey as well as enumerates the aims behind their manipulations. As a result of the research, the author identifies the basic methods used by the creators of the encyclopedic resource to manipulate public consciousness, and outlines the image of Russia which they seek to create through the use of these techniques. The study evidently shows that contemporary European policy is aimed at creating a negative picture of Russia, its people, and blames Russians for all the problems that have been recently arising in the world.

Key words: manipulation; image of Russia; equivocal language; Wikipedia; Russian invasion of Ukraine.

UDC 81'25

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-24-33

<https://elibrary.ru/mwubfm>

EDN MWUBFM

The Role and Place of Metatext in Vladimir Nabokov's Translations and Self-Translations

Yulia A. Dymant

Lecturer at the Department of Translation and Professional Communication

Voronezh State University

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia. yu.dymant@gmail.com

SPIN-code: 3742-5260

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9298-1752>

Yelena A. Knyazheva

Associate Professor at the Department of Translation and Professional Communication

Voronezh State University

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia. knel@cs.vsu.ru

SPIN-code: 9431-6867

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5104-1820>

Submitted 25 Mar 2024

Revised 17 July 2024

Accepted 30 Sep 2024

For citation

Dymant Yu. A., Knyazheva Ye. A. The Role and Place of Metatext in Vladimir Nabokov's Translations and Self-Translations. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-24-33. EDN MWUBFM (In Eng.)

Abstract. The article considers the role and place of metatext in translations and self-translations by Vladimir Nabokov. Although the functions of metatexts have been the focus of a large number of linguistic studies, they have not been thoroughly analysed yet in the context of translation. The purpose of our study was to investigate the types and functions of metatext as a result of a translator's metacommunication. We analysed the translator's forewords and commentaries in Vladimir Nabokov's translation of Alexander Pushkin's *Eugene Onegin* and compared Nabokov's approach to those of eleven other translators of the novel. We also analysed the self-translations of Vladimir Nabokov's memoirs *Drugie Berega* (Other Shores), *Conclusive Evidence*, and *Speak, Memory*. Using continuous sampling and comparative analysis methods, we selected and systematised 665 text fragments, which were then subjected to discourse analysis. According to Nabokov's idea of faithful translation, the translator's task consists in rendering the meaning of the original text as closely as possible and facilitation of its comprehension by the target text recipients. The study demonstrated that to bridge the linguocultural gap between the author of the source text and the recipients of the target text, Nabokov considered it necessary to provide the readers with metatext as an explicit way of guiding the recipients through the text. The metatext in Vladimir Nabokov's translation of *Eugene Onegin* stands out due to its scrutiny and an in-depth analysis of the structure of the original text and its cultural and historical context, which, in turn, served as a basis for making brilliant (although sometimes disputable) translation decisions. Metatextual inclusions observed in Nabokov's self-translated autobiography and, in particular, the way they are changing from version to version convincingly illustrate his ability to tell his life story to different generations of English- and Russian-speaking communities.

Key words: metatext; Vladimir Nabokov; self-translation; translator's metacommunication; translator's commentaries.

Introduction

The present paper explores one of the most distinctive features in translations and self-translations by an outstanding Russian and American writer Vladimir Nabokov, commonly termed as metatext. This area of research has recently become a matter of a particular interest among translation scholars, with quite a number of studies focusing on this aspect of translation [Kashkin 2009; Dubrovchenko 2011; Kashkin, Knyazheva, Dymant 2014; Ostapenko 2015]. In translation studies, translator's metatext is an umbrella term for a variety of genres including forewords and afterwords, footnotes, translator's and editor's commentaries, endnotes, reviews, parodies, translator's memoirs, books and films about translators [Kashkin, Knyazeva, Rubtsov 2008]. In this study, the material being reviewed is narrowed down to the translator's forewords and commentaries in Vladimir Nabokov's translations with particular reference to his translation of *Eugene Onegin* by Alexander Pushkin and self-translations of his memoirs *Drugie Berega*, *Conclusive Evidence*, and *Speak, Memory*. Using continuous sampling and comparative analysis methods, we selected and systematised 665 text fragments, which were then subjected to discourse analysis.

According to Nabokov's idea of faithful translation (which he further developed into his individual translation method) the translator's task consists in rendering the meaning of the original text as closely as possible and facilitation of its comprehension by the target text recipients [Knyazheva, Dymant 2012; Dymant 2016].

"We must dismiss, once and for all the conventional notion that a translation 'should read smoothly' and 'should not sound like a translation' (to quote the would-be compliments, addressed to vague versions, by genteel reviewers who never have and never will read the original texts). In a point of fact, any translation that does not sound like a translation is bound to be inexact upon inspection; while, on the other hand, the only virtue of a good translation is faithfulness and completeness" [Nabokov 2002: 12].

The analysis of the material in question has shown that commentaries on the socio-historical background of the source text and its culture-specific features combined with an analysis of translation problems and argumentation of translation decisions were some of the tools which Nabokov abundantly used to achieve the desired effect [Dymant 2016]. This approach was fully implemented in Nabokov's translations of *The Song of Igor's Campaign*, *A Hero of Our Time*, and *Eugene Onegin*.

Metacommunication and Metatext in Translation

The metalingual (also called metalinguistic) function of language was first described by Roman Jakobson as the use of language or "code" to discuss or describe itself. "Whenever the addresser and/or the addressee need to check up whether they use the same code, speech is focused on the code: it performs a METALINGUAL (i.e., glossing) function" [Jakobson 1960: 356].

The term *metacommunication* was coined by Gregory Bateson [Bateson, Ruesch 1951: 209], and since then the concept and different aspects of the phenomenon in question have been described in psychology, sociology, linguistics, and communication theory [Brown 1977; Wierzbicka 1978; Kashkin 2009; Esser, Reinemann, Fan 2001; Leeds-Hurwitz 2014; Mateus 2017]. In a very general sense, the term refers to adjusting the information within the text so that it would ensure effective communication and enable the addressors to reach their goal [Dubrovchenko 2011]. In oral communication, as Wendy Leeds-Hurwitz puts it, "going meta" permits participants to clarify, resolve, or even prevent misunderstanding [Leeds-Hurwitz 2014]. Otherwise stated, metacommunication refers to secondary communication which clarifies or modifies the meaning of the primary communication. According to Samuel Mateus, *communication about communication* provides "the possibility to indicate how information should be interpreted" [Mateus 2017: 83].

The latter highlights the importance of metacommunication for translation, insofar as its ultimate purpose is to bridge the linguocultural gap between the author of the source text (ST) and the recipients of the target text (TT). When it comes to the works of verbal art, translation scholars as well as translation practitioners agree that it is impossible to render every aspect and detail of a literary text [Nida 1964; Komissarov 1990; Garbovsky 2004; Eco 2001], and some cognitive information or specific connotations are bound to be lost [Lotman 2001]. Hence the importance of various translation techniques most commonly known as translation shifts, which are aimed at compensating for potential losses [Popović 1980; Komissarov 2002]. These techniques are generally favoured by translation scholars partly owing to their 'invisibility' to the target text recipients. It should be noted, however, that translators may sometimes prefer to resort to a more explicit or 'visible' way of guiding the recipients through the text they are reading. In doing so, they provide the recipients with a *metatext* which can perform quite a variety of functions, the dominant one being explanation [Ostapenko 2015].

Thus, for instance, Nabokov's translation of *The Song of Igor's Campaign* includes a very detailed foreword where he dwells on the cultural and historical background of the poem, its literary merits, the problem of the authenticity of the text, peculiarities of its language and style, and the corresponding translation problems. It should be noted that Nabokov praised the poem very highly and considered it one of the finest, even a flawless piece of Russian literature. Therefore, it was important for him to make sure that his readers understood the significance of *The Song*, and this can be viewed as the main focus of the metatext in question, which by the way was initially meant for students of Cornell University. Aspiring to provide his target audience with a complete picture of the historical events on which the story is based, Nabokov makes a genealogic tree of the Russian princes mentioned in *The Song*, and completes the foreword with a map showing the rout of Igor's raid. Nabokov also focuses on the numerous obscure pieces of the original, i.e. fragments which remain unclear or cause controversy among the researchers as to what the author of the source text actually meant. To translate them, Nabokov had to analyse the existing philological studies of *The Song* and find the most plausible explanations.

The metatext in Nabokov's translation of *A Hero of Our Time* focuses on the plot of the novel, its composition, and characters. It is interesting that Nabokov also makes some critical remarks about the individual style of the author.

"The English reader should be aware that Lermontov's prose style in Russian is inelegant; it is dry and drab; it is the tool of an energetic, incredibly gifted, bitterly honest, but definitely inexperienced young man. His Russian is, at times, almost as crude as Stendhal's French; his similes and metaphors are utterly commonplace; his hackneyed epithets are only redeemed by occasionally being incorrectly used. Repetition of words in descriptive sentences irritates the purist. And all this, the translator should faithfully render, no matter how much he may be tempted to fill out the lapse and delete the redundancy" [Nabokov 2002: 13].

These arguments are followed by a passage on his translation method with the same key principle of faithfulness to the original and speculation about translator's work aimed primarily at the reconstruction of the individual style of the author with all its flaws and blemishes. In other words, Nabokov persists that translation should be in every respect source-oriented. Borrowing Friedrich Schleiermacher's metaphor of the translator's goal and, respectively, the ultimate goal of any translation [Schleiermacher 1963], we assume that Nabokov was striving to bring the reader to the writer and follow the reader the whole way through however hard that might be.

Metatext in *Eugene Onegin*

This highly controversial translation most vividly illustrates Nabokov's dedication to the use of translator's metatext. But at this point, a digression is called for. It turns out that Alexander Pushkin has been less frequently translated into other languages than any other Russian classical author, and the value of his poetry for modern Russian literary tradition can hardly be appreciated by non-Russian readers. Once named an "encyclopedia of Russian life", *Eugene Onegin* poses a great challenge for every translator, since it portrays the Russian society of the 19th century and therefore is heavily loaded with cultural and historical connotations. Generally speaking, translators of *Eugene Onegin* face two major problems. On the one hand, they need to convey the content of the novel and make it understandable to people of different historical and cultural background. At the same time, they also need to reproduce the "bloom" of the original, making the voice of its author heard. The truth is that most often translators are bound to sacrifice either the former or the latter.

As he pointed out in the *Foreword* to the translation (Nabokov 1964), Nabokov sought to provide the English-speaking audience (first and foremost, his students at Cornell University) with a complete guide to the novel so that they could fully comprehend its significance for the Russian culture. Since his primary goal was to convey the 'sense' of the novel, rather than the 'spirit', he chose to sacrifice the poetic form and produced an unrhymed translation accompanied with an enormous body of metatext, which comprised the foreword, the translator's introduction, and a two-volume commentary devoted to nearly every linguistic and cultural aspect of the novel as well as the analysis of translation problems and translation decisions.

The translation is preceded by the *Translator's Introduction*, where Nabokov describes the historical period when the novel was written, as well as the entire process of its creation, starting from the moment when Pushkin got the idea of writing the novel and up to its publication, with references to the poet's drafts, diaries, and letters addressed to his family, friends, and literary people (e.g. Vyazemski, Delvig, Bestuzhev, Kuchelbecker, etc.). In fact, the *Introduction* presents an overview of the novel. It provides general information about its artistic features, the plot and the main characters, focuses on the pivotal event in each chapter, and highlights the elements of Pushkin's autobiography.

This kind of background information outlined in the *Introduction* is further detailed in the *Commentary* – a scrupulous philological and translation analysis of the original text, which is viewed as a basis for the translator's decisions. Generally speaking, the metatext presented in the *Commentary* includes

two kinds of explanations: 1) commentaries on the text of the novel, i.e. its structure, linguistic and culture-specific features, Pushkin's poetic style, and the autobiographical details; 2) commentaries on the process and the results of translation.

To illustrate commentaries of the first kind let us take a few samples of the metatext in question. In the following example, Nabokov dwells on the elegance of the split rhyme "gde vi – devi" in Russian. Opposing any attempt at a rhymed translation, Nabokov still aimed to explain how Pushkin's verse sounds, quite often using analogous literary tools in English.

E.g.: Moi bogini! Chto vi? Gde vi?: The split rhyme gde vi - devi is very beautiful. (See App. II.) In English poetry the analogy is of course not the macaronic and Byronic "gay dens" - "maidens," but rather the pristine use of "know it" - "poet" or "sonnet" - "on it," both of which by now have become trite and drab (Nabokov 1964: 85).

According to Nabokov the problem facing the translator here is to find a split rhyme in English that would not be too common. In this case, Nabokov saw his task in finding a rhyme, which does not need to reflect the meaning of the original, but rather should reproduce its form and demonstrate how unique it is. Therefore, he comes up with what he believed was a better option: "know it - poet" or "sonnet - on it".

The next example illustrates how thoroughly Nabokov makes culture specific information explicit. In particular, to ensure that his readers understand the social position of the Larins, Nabokov provides a detailed picture of their estate combining factual description with the reference to the practical linguocultural experience of the English-speaking audience. For instance, Nabokov considers it important to make it clear that, if the novel was set in Britain, Tatiana Larina would be a provincial girl living in a cottage in a small English town.

E.g.: at our country place. . . in backwoods, in the country. . . In the backwoods of a forgotten village / V derevne nashey... v glushi, v derevne... V glushi zabitogo selen'ya: In England, Tatiana Larin would have been named Rosamund Gray (see under that title Charles Lamb's unconscious parody of a sentimental novelette, with a rake, and a rape, and rural roses) and would have lived in a cottage; but the Larins live in a country house of at least twenty rooms, with extensive grounds, a park, flower and vegetable gardens, stables, cattle sheds, grainfields, and so forth. I would reckon the amount of their land at some 350 desyatins (1000 acres) or more, which is a small estate for that region, and the number of their serfs at two hundred souls, not counting women and infants. A number of these were household slaves, while the rest lived in the log cabins that constituted a village (or several small hamlets). The name of the village, or of the nearest of the hamlets, would be that

of the whole estate with its fields and forest. The Larins' neighbors, Onegin and Lenski, were considerably wealthier and might each have had more than two thousand souls. (Nabokov 1964: 390)

Commentaries comprising the second group, as we have already mentioned, mainly focus on the translation problems and translation decisions. For example, explaining his choice of the English equivalent "country place" for the Russian word *derevnya* Nabokov starts with a semantic analysis and distinguishes the following three meanings in the Russian word: *derevnya* may denote a rural area, a village, and an estate belonging to an aristocrat. The latter could actually consist of several villages. Therefore, the translator's task is to determine the meaning which is contextually relevant and should be reproduced in the translation.

*E.g.: Derevnya, gde skuchal Evgeniy: "La campagne ou s'ennuyait Eugene." The Russian *derevnya* and the French *campagne* both include the notions of "countryside" and "countryseat." The word *derevnya* has three senses, and the translator should know which not to choose: (1) *Derevnya*, in the general sense of country-side, rural life as opposed to the town; v *derevne*, "in the country," a la *campagne*. (2) *Derevnya* in the sense of a village or hamlet; synonyms: *selo*, *sel'tso*. (3) *Derevnya* in the sense of estate, place in the country, countryseat, manor, demesne, land; synonyms: *pomest'e*, *imen'e*; example: *Derevnya Pushkina v Pskovskoy Gubernii bila men'she Oneginskoy derevni* (Pushkin's country place in the province of Pskov was smaller than Onegin's place). *Derevnya* might include more than one village in the days when a village with all its souls belonged to the landowner. Instead of the correct *ma campagne* or *ma proprieté*, a Russian squire might use in French the Russism *mon village*. (See also n. To One: LII: 12.) (Nabokov 1964: 218).*

Some of the commentaries of the second group also provide reasoning for the choice of lexical equivalents based on a thorough analysis of the pragmatic aspect of certain words and expressions in the original text. For example:

*E.g.: Gave it up / Mahnul rukoyu: There is one obvious case in which literalism has to yield (and settle for an exhaustive gloss): when the phrase concerns national gestures or facial movements, which become meaningless in accurate English; the Russian gesture of relinquishment that *mahnul rukoy* (or *rukoyu*) conveys is a one-hand downward flip of weary or hasty dismissal and renouncement. If analyzed in slow motion by the performer, he will see that his right hand, with fingers held rather loose, sketches a half turn from left to right, while at the same time his head makes a slight half turn from right to left. In other words, the gesture really consists of two simultaneous little movements: the hand abandons what it held, or hoped to hold, and the*

head turns away from the scene of defeat or condemnation. Now, there is no way to translate *mahnul rukoy* by means of a verb and of the word “hand” or “with hand” so as to render both the loose shake itself and the associations of relinquishment that it has. (Nabokov 1964: 19)

Here Nabokov is dwelling on a phrase, which describes a very Russian element of the body language. The problem facing a translator is that the Russian phrase *mahnul rukoy* does not merely describe a particular movement a person makes with his/her hand, but rather conveys the emotions experienced by the person at the moment. Therefore, this commentary is two-fold: on the one hand, it is aimed at visualizing the gesture, and at the same time, it gives the idea of its referential and pragmatic meaning. For this reason, Nabokov chose a functional equivalent and rendered the phrase *mahnul rukoyu* as gave it up.

It is remarkable that Nabokov’s translation of *Eugene Onegin* became a matter of considerable debate and severe criticism [Wilson 1965; Chukovsky 1988]. Thus, K. I. Chukovsky wrote that the translation was poor if for no other reason than being prosaic [Chukovsky 1988]. And indeed, translating poetry through the prose did not comply with the existing conventional norm at all: according to the Russian translation tradition, rhyme should be translated with rhyme. Yet another reason for criticism was connected with the metatext as such.

Critics believed that making your way through the two volumes of commentaries is not what most people would call their idea of enjoying the novel. But was this translation really meant for the general public?

Being a lecturer at Cornell University and teaching Russian literature, Nabokov at first had to use the available translations, which he found by and large absolutely inadequate. Therefore, he decided to create a *proper* translation himself – a translation that would be *faithful* and would allow his students to understand how Pushkin’s novel was perceived by the Russian readers. This leads us to the conclusion that the *Commentary* in fact was initially meant for a very limited audience.

Studying Nabokov’s translation, we were also interested in how other translators of *Eugene Onegin* were trying to bridge the linguo-cultural gap between the writer and the reader. In our research, we compared 11 translations of *Eugene Onegin* by Yevgeny Bonver, Christopher Cahill, Alan D. Corré, Ch. Johnston, A. S. Kline, S. N. Kozlov, Gerard. R. Ledger, Dennis Litoshick, Clive Phillipps-Wolley, Bayard Simmons, and Henry Spalding. The research has shown that most of the translators (except for Christopher Cahill) opted for rhymed translation, and half of the translations under comparison included metatext in the form of translators’ notes and forewords (Table).

The results of comparative study of metatext in the translations of *Eugene Onegin* into English

	Foreword /Introduction	Afterword	Translator’s commentaries	Endnotes	Footnotes
V. V. Nabokov (1964)	+		+		
Yevgeny Bonver (2002–2003)					
Christopher Cahill based on the literal translation of Vladimir Nabokov (1999); the 1rst chapter					
Alan D. Corré (1999)	+				+
Ch. Johnston (1979)	+			+	
A. S. Kline (2009)					
Kozlov S. N. (1994)	+			+	
Gerard. R. Ledger (2001)					
Dennis Litoshick (2001)					
Clive Phillipps-Wolley (1917)					+
Bayard Simmons (1950)					
Henry Spalding (1881)					+

Our further research has shown that when the translators resorted to using metatext, if any, they most often employed forewords and footnotes (or endnotes, which are the same thing as footnotes, but placed at the end of each chapter or the whole novel,

rather than at the foot of the page). However, in contrast to Nabokov’ metatext, these forewords present just a brief description of the challenges faced by the translators of Pushkin’s novel, and the advantages of a particular translation (or rather what the translator

deemed to be of higher priority – the poetic style, or the cultural and historical realm).

For example, a preface by Alan D. Corré is a stanza copying the rhythm of the original and acknowledging that the translation just gives “the merest taste of his <Pushkin’s> great work” and is sometimes “a little free”. Ch. Johnston in his foreword criticises Nabokov’s translation for being unrhymed, but at the same time he still gives tribute to his work:

“Anyway, it should be possible now, with the help of Nabokov’s literal translation and commentary, to produce a reasonably accurate rhyming version of Pushkin’s work which can at least be read with pleasure and entertainment, and which, ideally, might even be able to stand on its own feet as English. That, in all humility, is the aim of the present text” (Johnston 1979).

Similarly, the footnotes and endnotes used by the translators are basically very brief comments regarding the proper names, places, and other Russian realia used in the text (e.g. *Theocritus: Greek pastoral poet, third century, B.C.E* (Corré 1999)). Some of Henry Spalding’s notes are a bit more detailed, and Alan D. Corré provides a few comments on his choice of equivalents (e.g. *In this Rousseau who loved the right, I’m sad to say just wasn’t right. Pushkin rhymes prav, the genitive plural of pravo “rights” with prav, the short form of the adjective pravyj, “right.”* (Corré 1999)).

At this point we would like to clarify that Nabokov was obviously not the only one who resorted to the use of metatext in his translations, but the way he employed it was quite unique. Besides the evident difference in the amount of background information, Nabokov’s metatext stands out due to its scrutiny and the in-depth analysis of every tiny detail regarding the structure of the original text and its cultural and historical context, which in its turn served as a basis for making brilliant (although sometimes disputable) translation decisions.

Metatext in Nabokov’s Self-Translations

The analysis of metatext as an essential part and distinctive feature of Nabokov’s translations would not be complete without a look at his self-translations. It is worth mentioning that self-translation as such presents a really promising field of study, and its fascination lies in the fact that linguistic and translation theories behind the phenomenon are rather controversial. On the one hand, a self-translating author is generally believed to be the most faithful translator, since s/he knows exactly what s/he wants to say to the readers and therefore there could hardly be any problems in understanding and decoding the original message. One might even think that a self-translated text is bound to be a precise copy of the original. But the fact is that self-translating authors more often than not considerably revise their works [Frizman 1970; McGuire 1992;

Beaujour 1995], and in this respect Nabokov was no exception. For instance, in the preface to his self-translated memoir *Conclusive Evidence*, he emphasizes that a text recreated for a different audience and in a different language is no longer “the same” (Nabokov 2004).

The material under our examination included three versions of Vladimir Nabokov’s autobiography. The first one, *Conclusive Evidence*, was written in English (Nabokov 2004). It was then translated by Nabokov into Russian and published under the title *Drugie Berega (Other Shores)* (Nabokov 2004). Later Nabokov created a new, revised, updated, and even more detailed English version *Speak, Memory* (Nabokov 1989). Using the continuous sampling analysis of the three versions we managed to sort out a large number of metatextual inclusions, which vary from version to version depending on the target audience and the language used. We differentiate between three major groups: 1) cultural and historical commentaries; 2) meta-linguistic commentaries; and 3) commentaries on translation decisions.

Commentaries of the first type are of a very typical nature for Nabokov since they are generally meant for overcoming linguistic and cultural barriers. The English versions of the autobiography were initially written for Americans, who knew little about the Russian culture and history. For instance, while addressing the English-speaking audience Nabokov focuses on Russian political realia. This can be illustrated by the following passage devoted to Nabokov’s description of his childhood and youth in Russia.

E.g.: Speak, Memory: Politically he [Nabokov’s father] was a “*Kadet*”, i.e. a member of the **KD** (*Konstitutsionno-demokraticeskaya partiya*), later renamed more aptly the party of the **People’s Freedom** (*Partiya Narodnoy Svobodi*). In 1906 he was elected to the **First Russian Parliament** (*Pervaya Duma*), a humane and heroic institution, predominantly liberal (but which ignorant foreign publicists, infected by Soviet propaganda, often confuse with the ancient “*boyar dumas*”!). (Nabokov 1989: 80)

In this paragraph Nabokov explains two realia, which refer to the first decade of the 20th century: *Kadet* (the acronym which stands for the political party under the name of *Konstitutsionno-demokraticeskaya partiya*) and *Pervaya Duma* (the first Russian Parliament). The nickname of the party is transliterated into English as *Kadet*, and followed by the abbreviation *KD*, which Nabokov also transliterates. Although later the party was renamed, Nabokov still uses the original name and the corresponding abbreviation to show the readers where the nickname *Kadet* comes from. It should be noted that this part of the text is missing in the previous version written, or, to be precise, ‘translated’ into Russian for the Russian audience.

The second group includes metalinguistic commentaries very similar to what we observed in *Eugene Onegin*. They mainly concern the meaning of specific Russian words, set phrases, or even sentences, which Nabokov found either so accurate or charming, that along with the translation he used transliteration to give the idea of the original form. Moreover, in his self-translations Nabokov quite often does not even give any translation of such phrases. Instead, he uses metatextual insertions to emphasize the culture- and language-based untranslatability of a particular word or phrase, although he still explains their meaning in the source language and their use in the source text.

For example, in the following passage Nabokov comes up with an explanation of the Russian adjective *brezgliv* which he leaves ‘untranslated’ in the target text and which is used in the Russian language to characterize a specific personal quality. While doing so Nabokov provides his readers with very expressive details of the person’s behaviour.

E.g.: Speak, Memory: *after which he marched, with the same purposeful steps, but now dripping and purblind, back to his bedroom where he kept in a secret place three sacrosanct towels (incidentally he was so brezgliv, in the Russian untranslatable sense, that he would wash his hands after touching banknotes or banisters).* (Nabokov 1989: 72)

Once again, we should note that such commentaries were only meant for the English-speaking readers. Obviously enough, Nabokov did not deem it necessary to comment on the word *brezgliv* (брэзгливый) when he used it in the Russian version. But it is interesting that in *Drugie Berega* we observe a similar technique, i.e. untranslated English words with metalinguistic commentaries. For example:

E.g.: Drugie Berega: *За брекфастом яркий памочный сироп, golden syrup, наматывался блестящими кольцами на ложку, а оттуда сползл змей на деревенским маслом намазанный русский черный хлеб.* (Nabokov 2004: 99)

In this passage of the Russian version, Nabokov explains to his Russian readers what “golden syrup” is (*яркий памочный сироп*), although the realia as such is left untranslated.

In his commentaries, Nabokov often focuses on the reasons and the necessity of copying the syntactic patterns of Russian sentences in the English text. For example:

E.g.: Conclusive evidence: “*Bozhe moj*” (*mon Dieu* – rather than “*My God*”), *where has it gone, all that distant, bright, endearing* (*Vsjo eto daljokoe, svetloe, miloe* – in Russian no subject is needed here, since these are neuter adjectives that play the part of abstract nouns, on a bare stage, in a subdued light).

(Nabokov 2004: 350)

Here Nabokov deliberately violates grammatical norms of the English language (“all that distant, bright, endearing”) striving to render the form of the original text.

Commentaries of the third type are devoted to the translation process, i.e. Nabokov speculates on the choice of the best possible equivalent. For example:

E.g.: Conclusive evidence: *Then, in June again, when the fragrant mahaleb was in foamy bloom...* (Nabokov 2004: 80)

Drugie Berega: *И опять в июне, на восхитительном севере, когда весело цвела имени безумного Батюшкова млечная черемуха...* (Nabokov 2004: 81)

Speak, memory: *Then, in June again, when the fragrant cheryomuha (racemose old-world bird cherry or simply “racemosa” as I have baptized it in my work on “Onegin”) was in foamy bloom...* (Nabokov 1989: 30)

As we can see, the original passage undergoes considerable changes in the two translated versions: in the source text written in English, we find just a neutral reference to a tree called *mahaleb*. In the Russian self-translation, the reference to the tree is quite emotional and is related to the image of the tree created by a Russian poet Konstantin Batyushkov (имени безумного Батюшкова млечная черемуха). In *Speak Memory*, Nabokov, fascinated by the sound of the Russian word *cheryomuha* (which corresponds to the English name of the tree – *mahaleb*), resorts to his customary use of transliteration and gives the following commentary: “*cheryomuha (racemose old-world bird cherry or simply “racemosa” as I have baptized it in my work on “Onegin”)*”. Here Nabokov remembers a neologism *racemose*, which he created for his translation of *Eugene Onegin*, obviously not being satisfied with conventional English equivalents. It is interesting that the neologism as well as the reference to this translation appears only in the last version of the autobiography seeing that his translation of *Eugene Onegin* was only finished in 1964.

Conclusion

Nabokov’s craftsmanship as a writer, translator, and a self-translating author is brilliantly manifested in his mastery of form and content of the literary text. Although the use of the metatext which Nabokov creates time and again in the process of translation and self-translation has been a matter of violent debates among both translation scholars and literary critics, it seems to be that modus operandi which he constantly falls back on to explore and convey the original message.

In his translations, Nabokov resorted to metatext because he believed it to be the only acceptable way to create a *faithful translation*, i.e. not merely a free adaptation, but a text that would let the readers im-

merse in the cultural, historical, and linguistic background of the original and fully apprehend its literary value.

Nabokov's translation of *Eugene Onegin* appears to be one of the most illustrative examples of his way of rendering Russian classical literature into English, where he sought to provide the English-speaking audience with a complete guide to Pushkin's novel. That was the key idea behind the translator's metatext and in particular the two-volume commentary devoted to nearly every linguistic and cultural aspect of the novel as well as the analysis of translation problems and translation decisions.

Metatextual inclusions observed in Nabokov's self-translated autobiography and the changes they underwent in *Conclusive Evidence*, *Drugie Berega*, and *Speak, Memory* convincingly illustrate his individual way of telling his life story to different generations of English- and Russian-speaking communities.

Sources

Pushkin A. *Evgeny Onegin (A Novel in Verses)*. Transl. into Eng. by Y. Bonver. 2002-2003. Available at: http://www.poetryloverspage.com/yevgeny/pushkin/evgeny_onegin.html (accessed 24 Sep 2023).

Pushkin A. *Eugene Onegin: A Novel in Verse*. Transl. into Eng. by Ch. Cahill. 1999. Available at: https://www.york.ac.uk/depts/mathsc/histstat/pml1/onegin/cahill_1999.docx.

Pushkin A. *Eugene Onegin*. Translation of Cantos 1 and 2 into Eng. by A. D. Corré. 1999. Available at: <https://pantherfile.uwm.edu/corre/www/pushkin/> (accessed 24 Sep 2023).

Pushkin A. *Eugene Onegin*. Transl. into Eng. by Ch. H. Johnston. 1979. Available at: http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/onegin_j.txt (accessed 24 Sep 2023).

Pushkin A. *Eugene Onegin*. 2009. Transl. into Eng. by A. S. Kline. Available at: <http://www.poetryintranslation.com/klineaspushkin.htm> (accessed 24 Sep 2023).

Pushkin A. *Eugene Onegin: Novel in verse*. Transl. into Eng. by S. N. Kozlov. 1994. Available at: <https://www.york.ac.uk/depts/mathsc/histstat/pml1/onegin/>

Pushkin A. *Pushkin's Yevgeny Onegin*: a dual language version. Transl. into Eng. by G. Ledger. 2001. Available at: <http://www.pushkins-poems.com/> (accessed 24 Sep 2023).

Pushkin A. S. *Eugeny Onegin*. Transl. into Eng. by D. Litoshick. 2001. Available at: <http://lib.mediaring.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/litoshik.txt> (accessed 24 Sep 2023).

Pushkin A. *Eugene Onegin*. Transl. into Eng., comment. by V. Nabokov. In four vols. New York, Bollingen Series LXXII, 1964. V. 1. 345 p. V. 2. 547 p. V. 3. 540 p. V. 4. 435 p.

Pushkin A. *Evgenie Onegin: A Romance in Verses*. Transl. into Eng. by B. Simmons. London, 1950. 134 p.

Pushkin A. *Eugene Oneguine: A Romance of Russian Life in Verse*. Transl. into Eng. by H. Spalding, 1881. Available at: <http://www.gutenberg.org/etext/23997> (accessed 24 Sep 2023).

Nabokov V. *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. New York, Random House, Inc, 1989 [1966]. 142 p.

Nabokov V. *Other Shores: A Memoir*. Moscow, Zakharov, 2004 [1954]. 448 p.

Phillipps-Wolley C. *A Russian Rake*. 1917. Available at: http://www.archive.org/stream/songsfromyoungma00philuoft/songsfromyoungma00philuoft_djvu.txt (accessed 24 Sep 2023).

References

Bateson G., Ruesch J. *Communication. The Social Matrix of Psychiatry*. New York, WW Norton & Company, 1951. 314 p. (In Eng.)

Beaujour E. K. Translation and self-translation. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York, Routledge, 1995, pp. 714-725. doi 10.4324/9780203357767. (In Eng.)

Brown A. L. *Knowing When, Where, and How to Remember: A Problem of Metacognition*. Technical Report No. 47. Psychology, 1977. (In Eng.)

Chukovsky K. *Onegin na chuzhbine* [Onegin abroad]. *Druzhba narodov* [Peoples' Friendship], 1988, issue 4, pp. 324-347. (In Russ.)

Dubrovchenko E. M. Spetsifika metakommunikatsii kak osobogo tipa obshcheniya [Specifics of metacommunication as a type of communication]. *Lingua Mobilis*, 2011, issue 2, pp. 79-82. (In Russ.)

Dymant Yu. A. Pervichnost' i vtorichnost' teksta avtorefekta v svete funktsional'noy modeli R. O. Yakobsona [Analyzing primary and secondary text features in self-translation through the use of Roman Jakobson's communication model]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow State University Bulletin. Series 22: Lomonosov Translation Studies Journal], 2016, issue 3, pp. 87-100. (In Russ.)

Eco U. *Experiences in Translation*. Transl. by Alastair McEwen. Toronto, University of Toronto Press, 2001. 135 p. (In Eng.)

Esser F., Reinemann C., Fan D. Spin Doctors in the United States, Great Britain, and Germany: Metacommunication about media manipulation. *The International Journal of Press/Politics*, 2001, issue 6, pp. 16-45. doi 10.1177/108118001129171982. (In Eng.)

Frizman L. G. Prozaicheskie avtorefekty Baratynskogo [Baratynsky's prosaic self-translations]. *Masterstvo perevoda* [The Art of Translation], 1970, issue 6, pp. 201-216. (In Russ.)

- Garbovsky N. K. *Teoriya perevoda* [Theory of Translation]: a study guide. Moscow, MSU Press, 2004. 544 p. (In Russ.)
- Jakobson R. Linguistics and poetics. *Style in Language*. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology Press, 1960, pp. 350-377. (In Eng.)
- Kashkin V. B. Metakognitivnye issledovaniya perevoda [Metacognitive studies of translation]. *Desyatye Fedorovskie chteniya* [Proceedings of the 10th Fyodorov Scientific Conference], 2009, issue 10, pp. 230-242. (In Russ.)
- Kashkin V. B., Knyazeva D. S., Rubtsov S. S. Metakommunikatsiya perevodchika v primechaniyakh i kommentariyakh [Metacommunicating in translator's footnotes and commentaries]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment], 2008, issue 6, pp. 110-119. (In Russ.)
- Kashkin V. B., Knyazheva E. A., Dymant Yu. A. Metakommunikatsiya perevodchika v perevode i avtoperevode [Translator's metacommunication in translation and self-translation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2014, issue 4, pp. 103-108. (In Russ.)
- Knyazheva E. A., Dymant Yu. A. О perevodcheskom metode V. V. Nabokova [Towards translation method of Vladimir Nabokov]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment], 2012, issue 10, pp. 231-247. (In Russ.)
- Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* [Theory of Translation (Linguistic Aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.)
- Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow, ETS Publ., 2002. 424 p. (In Russ.)
- Leeds-Hurwitz W. Metacommunication. *Key Concepts in Intercultural Dialogue*, 2014, issue 25. Available at: <https://centerforinterculturaldialogue.org/wp-content/uploads/2014/07/key-concept-metacomm.pdf>. (In Eng.)
- Lotman Yu. M. *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. I.B. Tauris, 2001. 288 p. (In Eng.)
- Mateus S. Metacommunication as second order communication. *KOME*, 2017, issue 5 (1), pp. 80-90. doi 10.17646/KOME.2017.15 (In Eng.)
- McGuire J. Forked tongues, marginal bodies: Writing as translation in Khatibi. *Research in African Literatures*, 1992, issue 23 (1), pp. 107-116. (In Eng.)
- Nabokov V. Translator's Foreword. In: Lermontov M. *A Hero of Our Time*. Woodstock, New York, Ardis Publishers, 2002. 210 p. (In Eng.)
- Nida Eu. *Toward a Science of Translating*. Brill Archive, 1964. 331 p. (In Eng.)
- Ostapenko D. I. *Perevodcheskiy metatekst: tipologiya, struktura i funktsii* [Translator's Metatext: Types, Structure, and Functions]. Moscow, 2015. 226 p. (In Russ.)
- Popovich A. *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [The Issues of Literary Translation]: a handbook. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. p. 196. (In Russ.)
- Schleiermacher F. *Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersezens* [On the Different Methods of Translating], 1963. Available at: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (accessed 24 Sep 2023). (In Ger.)
- Wierzbicka A. Metatekst v tekste [Metatext inside a text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvistika teksta* [Advances in Linguistics Abroad. Text Linguistics], 1978, issue 8, pp. 402-424. (In Russ.)
- Wilson E. The Strange Case of Pushkin and Nabokov. *The New York Review*, 1965, 15 Jul. Available at: <http://www.nybooks.com/articles/archives/1965/jul/15/the-strange-case-of-pushkin-and-nabokov/?page=1> (accessed 24 Sep 2023). (In Eng.)

ФУНКЦИЯ МЕТАТЕКСТА В ПЕРЕВОДАХ И АВТОПЕРЕВОДАХ В. В. НАБОКОВА

Дымант Юлия Александровна
к. филол. н., преподаватель кафедры перевода и профессиональной коммуникации
Воронежский государственный университет
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1. yu.dymant@gmail.com

SPIN-код: 3742-5260
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9298-1752>

Княжева Елена Александровна

к. филол. н., доцент, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации

Воронежский государственный университет

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1. knel@cs.vsu.ru

SPIN-код: 9431-6867

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5104-1820>

Статья поступила в редакцию 25.03.2024

Одобрена после рецензирования 17.07.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Информация для цитирования

Dymant Yu. A., Knyazheva Ye. A. The Role and Place of Metatext in Vladimir Nabokov's Translations and Self-Translations // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 17, вып. 1. С. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-24-33. EDN MWUBFM

Аннотация. В статье представлены результаты исследования метатекста в переводах и автопереводах Владимира Набокова. Несмотря на то что проблема функционирования метатекста в различных речевых жанрах традиционно привлекает внимание лингвистов, актуальность заявленной темы связана с ее переводческим аспектом, который в настоящее время является недостаточно изученным. Соответственно, цель нашей работы заключалась именно в том, чтобы рассмотреть виды и функции метатекста как продукта метакоммуникативной деятельности переводчика. Данное исследование выполнено на материале перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», осуществленного Владимиром Набоковым, в сопоставлении с одиннадцатью версиями других переводчиков, а также автопереводов биографического романа писателя «Другие берега», “Conclusive Evidence” и “Speak, Memory”. При отборе и систематизации эмпирического материала был использован метод сплошной выборки и сравнительно-сопоставительный метод, что позволило составить представительный корпус примеров, включающий 665 фрагментов. При обработке данного материала были использованы методы классификации и дискурсивного анализа. Проведенное исследование показало, что использование метатекста в виде эксплицирующих комментариев переводчика является практической реализацией переводческой концепции В. В. Набокова, согласно которой задача переводчика заключается в максимально полной и точной передаче смысла исходного текста. Метатекст в переводе «Евгения Онегина», созданный на основе глубокого анализа структуры оригинала и культурно-исторического контекста, направлен на снятие лингвокультурного барьера и является основой предложенных В. В. Набоковым переводческих решений. Метатекст, представленный в автопереводах мемуаров В. В. Набокова, ориентирован на разные поколения русскоязычных и англоязычных читателей. Данний вывод сделан на основании различий в объеме и характере информации, выявленных в ходе сопоставительного анализа трех версий.

Ключевые слова: метатекст; В. В. Набоков; автоперевод; переводческая метакоммуникация; переводческий комментарий.

УДК 811.134.2

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-34-43

<https://elibrary.ru/qjldvy>

EDN QJLDVY

Мотивационная база наименований баров и ресторанов Испании с прецедентной основой

Мерзликина Ольга Викторовна**к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков № 2**

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, 36. o.merzlikina@rambler.ru

SPIN-код: 7491-0631

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7308-4829>

ResearcherID: ACI-3318-2022

*Статья поступила в редакцию 22.02.2024**Одобрена после рецензирования 21.07.2024**Принята к публикации 05.10.2024***Информация для цитирования**

Мерзликина О. В. Мотивационная база наименований баров и ресторанов Испании с прецедентной основой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 34–43. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-34-43. EDN QJLDVY

Аннотация. В статье рассматриваются эргонимы – наименования баров и ресторанов Испании, образованные с привлечением прецедентных феноменов. Цель исследования – проанализировать мотивационные признаки наименований баров и ресторанов Испании, содержащих прецедентные феномены. Источником материала послужили эргонимы, отобранные из открытых интернет-источников. Эргонимы являются знаками социокультурного пространства, частью языкового ландшафта города или страны в целом, в пределах которого происходит его коммуникативная реализация. Номинация в эргонимии имеет такие особенности, как индивидуальность каждого акта номинации, связь имени с объектом номинации, с культурой и менталитетом общества, модными веяниями и развитием национального языка. Кроме информативной функции, эргоним выполняет еще и рекламную функцию. Данные единицы характеризуются важностью внутренней формы как мотивирующего признака, лежащего в основе их наименования. Анализ материала показал, что наиболее продуктивными прецедентными феноменами, к которым обращаются рестораторы, являются прецедентные антропонимы (84 %), значительно реже номинаторы обращаются к прецедентным библионимам (8,5 %), прецедентные высказывания, составляющие 2 %, являются наименее продуктивными. Проведенный анализ мотивационных признаков эргонимов показал, что наиболее продуктивным является мотивационный признак «тип национальной кухни» (66 %), также продуктивным оказываются признаки «эксклюзивности» или «оригинальности» блюд (7 %). Кроме типа кухни и характеристики подаваемых блюд номинаторы прибегали к использованию прецедентных феноменов для характеристики «интерьера и атмосферы» заведения (7 %). Немотивированными оказались 14 % изученных наименований баров и ресторанов Испании.

Ключевые слова: эргоним; заведения общественного питания; прецедентные феномены; прецедентное имя; прецедентный библионим; прецедентное высказывание; мотивационные признаки.

Введение. Материалы и методы

Необходимость изучения ономастического пространства, «являющегося неотъемлемым ат-

рибутом лексической системы каждого национального языка, обоснована тем, что онимная лексика аккумулирует материальный, культур-

ный, исторический опыт общественной среды, в которой она зарождается и функционирует» [Суперанская 1978: 52–53]. На сегодняшний день накоплен достаточный объем исследований, посвященных эргонимической лексике, которая изучалась в разных ее аспектах. Данной тематике посвящены работы таких исследователей, как В. Е. Замальдинов [Замальдинов 2021], О. Г. Никулкина [Никулкина 2020], И. Т. Вепрева [Вепрева 2019], Е. Н. Ремчукова, Т. П. Соколова [Ремчукова, Соколова 2019], И. Н. Пономаренко, В. А. Крыжановская [Пономаренко, Крыжановская, 2019], Т. В. Шмелёва [Шмелёва 2019], Т. А. Зуева [Зуева 2017], Г. Н. Старикова и Хоанг Тхи Хонг Чанг [Старикова, Хоанг Тхи Хонг Чанг 2017; Хоанг Тхи Хонг Чанг, Старикова 2017] и др. Однако эргонимы в ономастическом пространстве Испании остаются практически неизученными.

В понимании термина «эргонимы» опираемся на традиционное толкование: названия организаций, учреждений и других объединений людей. В настоящем исследовании будут изучены эргонимы – наименования баров и ресторанов Испании, основанные на актуализации прецедентных текстов и концептов и их мотивационные признаки.

Основная функция таких эргонимов, как названия заведений питания, – привлечение посетителей, клиентов с последующим направлением к действию, которое является первым этапом осуществления воздействия. Для этого владельцы используют различные средства, пытаясь сделать название конкурентоспособным, особым и ярким. Эргонимия – это динамическая, открытая система ономастического пространства, которая претерпевает постоянные изменения в связи с влиянием внеязыковых факторов.

Являясь отражением экономической и политической жизни страны, культуры, религии, обычаев, развития национального языка и модных тенденций, эргонимия активно реагирует практически на все происходящие в обществе изменения. Процесс разработки названия, как правило, понимается как специальная процедура креативного маркетинга и рекламы по поиску и подбору подходящего имени [Шевченко 2019: 47]. Эргонимы всегда связаны с духом эпохи и соответствуют культурно-историческому и идейно-эстетическому контексту общественной жизни страны и человечества вообще. В связи с этим эргоним предоставляет значительные ресурсы при решении проблем истории, культуры того или иного этноса, поскольку данные социокультурные и языковые знаки являются продуктами национального сознания, отражающего все стороны духовной и материальной жизни социума. Ономастическое пространство каждого кон-

кретного языка является важной частью национальной картины мира и по-разному представлена в языках.

Таким образом, актуальность работы обусловлена необходимостью детального изучения современных эргонимов, выявления характерных особенностей и закономерностей их возникновения и функционирования в языке, поскольку они составляют большой класс имен собственных, постоянно пополняющийся новыми лексическими образованиями и отражающий модные тенденции, царящие в стране, а также иллюстрирующий механизмы процессов языковой номинации.

Прецедентности и ее реализации в речи посвящены работы О. С. Боярских [Боярских 2008], Д. Б. Гудкова [Гудков 2003], Е. А. Нахимовой [Нахимова 2011] и др. Понятие прецедентности впервые было использовано Ю. Н. Карапуловым [Карапулов 2010]. Прецедентный феномен традиционно трактуют как национально детерминированное минимизированное представление о «культурном предмете», содержащее его атрибуты, оценку, дифференциальные признаки.

Представленное исследование направлено на выявление мотивационных признаков, послуживших базой для наименования баров и ресторанов Испании, созданных с привлечением прецедентных феноменов. Материалом работы послужили наименования баров и ресторанов Испании, образованные на основе прецедентных феноменов, отобранные методом сплошной выборки из открытых интернет-источников, содержащих информацию о заведениях питания, их концепции, типе кухни, фото и т. д. (Google Maps, TripAdvisor, Restaurant Guru). Критериями для включения эргонима в выборку для анализа стало наличие прецедентного феномена в наименованиях баров и ресторанов Испании.

Отобранные на специальных сайтах эргонимы анализировались с точки зрения их происхождения и семантики с учетом социокультурных коннотаций прецедентных феноменов. Всего было проанализировано порядка 2500 наименований баров и ресторанов Испании, из них было отобрано 148 номинаций, созданных с привлечением прецедентных феноменов.

Для анализа мотивационной базы наименований заведений питания, основанных на прецедентных феноменах, применялся семантико-мотивационный метод, который помог определить элементы акта мотивации наименований баров и ресторанов Испании, предшествующий процессу номинации; когнитивно-семиотический метод, который дополнялся этнографическими, историко-культурными и лингвогеографическими данными; метод когнитивно-ономасиологического анализа, предложенный Е. А. Селивановой [Селиванова

2011], предполагающий интерпретацию ономасиологической структуры единицы номинации и моделирование концептуальной структуры знаний об обозначаемом.

С целью изучения экстралингвистической информации для определения мотивационной базы эргонимов привлекались онлайн-ресурсы, содержащие описание баров и ресторанов, характеристики заведений, их фотографии, меню, отзывы посетителей и т. д. К анализу привлекались также презентации баров и ресторанов на собственных сайтах.

В процессе исследования была проанализирована семантика наименований баров и ресторанов Испании и выделены группы мотивирующих лексем среди прецедентных феноменов. В каждой группе наименований, основанных на прецедентных феноменах, были изучены мотивационные механизмы номинации с когнитивно-ономасиологической точки зрения.

Для исследования мотивационных механизмов номинации заведений питания мы используем концепцию мотивации, предложенную Е. А. Селивановой, «как сквозной лингвопсихоментальной операции формирования ономасиологической структуры на основании выбора мотиватора (-ов) из структуры знаний об обозначаемом в сложной системе связей различных познавательных функций сознания» [там же 2011: 172–173]. Для обозначения различных заведений

питания используются прецедентные феномены на основе уподобления.

Как показал проведенный анализ, большинство номинаций, основанных на прецедентных феноменах, благодаря мощному суггестивному потенциалу известных имен, литературных произведений, высказываний и т. д., образно репрезентируют в содержательном плане рекламируемые заведениями товары и услуги. Прецедентная мотивация эргонимов в основном имеет метафорическую природу при ассоциативной смысловой связи с определенным компонентом пропозиции [там же: 177] (например, *El Cid* – ресторан испанской национальной кухни по имени испанского национального героя, *Trattoria Pulcinella* – итальянский ресторан по имени персонажа итальянской комедии и т. д.).

Исследование и результаты

В исследовании рассматриваются мотивационные признаки с точки зрения внутренней формы эргонима, то есть признаки, положенные в основу наименования, в нашем случае обращение к прецедентным феноменам в названиях баров и ресторанов, и мотивирующая ее экстралингвистическая информация.

В таблице представлены типы прецедентных феноменов в названиях баров и ресторанов Испании, мотивационные признаки и их процентное соотношение.

Типы прецедентных феноменов и их мотивационные признаки (%)

Types of precedent phenomena and their motivational features (%)

Мотивационный признак	Типы прецедентных феноменов			
	прецедентное имя (антропоним)	прецедентное имя (библионим)	прецедентное высказывание	невербальные прецедентные феномены
Общее количество номинаций, содержащих прецедентные феномены	84	8,5	2	5,5
Тип национальной кухни	55	4,5	2	4,5
Оригинальность и эксклюзивность кухни	7	–	–	–
Атмосфера и дизайн интерьера заведения	6	–	–	1
Тип кухни + атмосфера и дизайн интерьера	2	2	–	–
Немотивированные	14	2	–	–

С точки зрения внутренней формы в мотивационную базу названий заведений питания Испании входит ономастический критерий, где зна-ки-онимы других групп, в данном случае прецедентные феномены, послужили мотивационными признаками для этих образований. Внутримоти-

вационный (ономастический) уровень связан с выбором номинатором мотивационного признака из других групп онимных названий. В качестве номинаций заведений питания с прецедентной основой выступают преимущественно имена, обладающие национально-культурным компо-

нентом с актуализацией культурной составляющей, подразумевающие наличие у адресата экстралингвистических культурных знаний (в области мировой и испанской литературы, истории, кинематографии, искусства и т. д.) [Волкова, Макаренко 2021: 88].

В традиционной классификации [Гудков 2003; Красных 2002 и др.] прецедентные феномены делятся на вербальные и невербальные. К невербальным феноменам относятся значимые в культурном смысле произведения искусства, к вербальным прецедентным феноменам относятся прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации [Гудков 2003]. Прецедентные феномены, как известно, в относительно небольшой языковой форме способны реализовать мощную ценностную, семантическую, когнитивную структуры, что способствует их использованию в названиях баров и ресторанов.

Анализ наименований баров и ресторанов Испании показал, что среди прецедентных феноменов наиболее продуктивными являются номинации, мотивированные прецедентными антропонимами, среди которых можно выделить:

- имена святых: *Club Náutico Santa Lucía* (Картахена), *Tapería Santa Clara* (Мадрид), *San Miguel* (Сеговия), *Club Náutico Santa Lucía* (Картахена), *Senador de Amós* (Сантандер), *La Bodeguilla de San Lázaro*, (Сантьяго де Компостела), *Santa Rita* (Валенсия) и др.;
- имена известных испанских личностей: *El Cid* (Сарагоса, Паленсия, Эльче, Мохакар, Ферроль), *Cervantes* (Барселона, Малага, Саламанка, Мадрид и др.), *Lorca* (Аликанте), *Tasca Sorolla* (Валенсия), *La Farola de Orellana* (Малага);
- имена известных зарубежных личностей: *Hattori Hanzo, Rasputín* (Мадрид);
- имена мифологических героев: *La Parthénope* (Сарагоса), *Kraken* (Малага), *Dionisos* (Саламанка), *La Tarasca* (Толедо);
- имена героев литературных произведений: *Don Quijote* (Бенидорм, Уэльва, Валенсия, Саламанка, Мадрид), *Trattoria Pulcinella* (Мадрид).

Также номинаторы прибегают к использованию прецедентных библионимов:

- *La Bella y La Bestia* (Гранада), *La Cabaña del Tío Tom* (Альмерия), *Mío Cid* (Пенискола), *Ci-Cut* (Барселона).

Прецедентные тексты и прецедентные высказывания наименее востребованы:

- *Quo Vadis* (Валенсия), *Bella ciao* (Гранада).

Кроме того, имеется небольшое количество наименований, образованных с привлечением невербальных прецедентных феноменов:

- *Galatea de las Esferas* (Уэска), *La Fontana di Trevi* (Бадахос и Альбасете), *Mercato Ballaró* (Мадрид), *La Mano de Fátima* (Сантандер).

Поскольку в основе номинации лежит ассоциативная природа мышления человека, то при взаимодействии с окружающей действительностью человек в своем сознании выделяет определенные характеристики в интересующих его объектах и дает им наименования. В то же время из различных признаков выбирается самый значимый, который и служит основой для наименования. За каждым прецедентным феноменом стоит определенное представление о нем, которое является общим для всех носителей той или иной лингвокультуры. Данное представление является собой инвариант восприятия, делающий все апелляции к прецедентному феномену понятными и коннотативно окрашенными.

Основными мотивационными признаками, отраженными в названиях баров и ресторанов Испании, выступает экстралингвистическая информация, которая посредством привлечения прецедентных феноменов образно указывает на тип кухни, на элитность и престижность ресторана или бара и подаваемых блюд, на характер и оригинальность оформления интерьера.

Наиболее продуктивным способом образования эргонимов является обращение к прецедентному антропониму, которое трактуется как «индивидуальное имя, связанное с прецедентным текстом или ситуацией, при употреблении которого осуществляется апелляция не к денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков, присущих этому имени» [Красных 2002: 48].

В Испании наиболее многочисленными являются названия баров и ресторанов, использующие имена святых. Практически все они ориентированы на национальную или средиземноморскую кухню (Google Maps, TripAdvisor): тапас бары *Tapearía Santa Clara, Tapas de Santa Ana* (Мадрид), рестораны *Asador San Lorenzo* (Логроньо), *San Miguel* (Сеговия), *Club Náutico Santa Lucía* (Картахена), *San Jaime, La Bodeguilla de Santa Marta, La Bodeguilla de San Lázaro*, (Сантьяго де Компостела), бары *San Julián* и *Santa Marta* (Куэнка) и др. Ресторан с прецедентным именем святого в английском варианте *St. James Taberna* (Бенидорм) предлагает также блюда и британской кухни.

Достаточно часто при выборе наименования рестораторы обращаются ко всемирно известным испанским личностям. Данные языковые единицы не сообщают посетителям прямой информации о заведении, однако через такие названия можно узнать об их специфике. В большинстве случаев использование прецедентных имен образно связано с типом национальной кухни,

предлагаемой рестораном. Так, в Испании имеется достаточное количество баров и ресторанов, носящих наименование *El Cid* (Сарагоса, Паленсия, Эльче, Мохакар, Ферроль). Название данных заведений не только образно информирует о типе кухни (испанской) (Google Maps), но и делает отсылку к национальному герою Испании, герою многих поэм, романов, преданий – Сиду Кампеладору. Другой пример – рестораны и бары, имеющие название *Cervantes* (Барселона, Малага, Саламанка, Мадрид и др.) и *Don Quijote* (Бенидорм, Уэльва, Валенсия, Саламанка, Мадрид), предлагаю блуда традиционной испанской кухни (Google Maps). Также из блуд национальной и средиземноморской кухни состоят меню бара-ресторана *Figaro* в Хаэне (Restaurant Guru) и ресторана *Goya* в Сантандере (Google Maps).

Среди других примеров, в которых прецедентные антропонимы в наименованиях ресторанов указывают на тип кухни, могут быть выделены следующие мадридские рестораны (Tripadvisor): японский ресторан *Hattori Hanzo* (известный самурай и полководец XVI в.) (Hattori), итальянский ресторан *Trattoria Pulcinella* (персонаж итальянской комедии), *Rasputin* – ресторан русской кухни (Rasputin). Ресторан *Kiosko Colón* (Касерес) ориентирован на испанскую кухню (Kiosko), а кафе-мороженное *Pinocchio* (Аликанте) не только информирует о типе заведения, но и переносит посетителей в сказку и приглашает угоститься итальянским мороженым (Gelateria). Ресторан *La Noria de Dulcinea* (Тобос) ориентирован на типичные блюда региона Ла Манча (Mesón). Один из ресторанов традиционной галисийской кухни (Colotay) в Сантьяго де Компостела носит название *Cotolay* (герой галисийской легенды). К имени своего всемирно известного земляка, поэта эпохи барокко, обратились основатели ресторана *Taberna Góngora* в Кордове, специализирующегося на национальной испанской кухне (Tripadvisor). Еще одним примером может быть название ресторана *Picasso* в Малаге (Picasso). Ресторан традиционной итальянской кухни в Сарагосе, носящий имя древнегреческой богини *La Parthénope* (Google Maps), казалось бы, не имеет ничего общего с Италией, но если обратиться к мифам, то имя богини Партенопы так или иначе связано с Неаполем. В барах-ресторанах *Frida Street Food* в Сантандере и *Frida Mexican Street Food* в Аликанте, содержащих в своем названии имя известной мексиканской художницы Фриды Кало, делается акцент на блудах мексиканской и латиноамериканской кухни (Tripadvisor).

Выбор определенного прецедентного имени в названии бара или ресторана может быть обусловлен желанием не только образно проинфор-

мировать потенциальных посетителей о типе заведения, но и внести определенные дополнительные смыслы. Так, название перуанского ресторана (*La Pachamama*) в Малаге *La Pachamama* отсылает к одному из главных женских божеств в мифологии кечуа, которая является богиней земли и плодородия. Таким образом дается дополнительная информация путем создания положительных ассоциаций, апеллирующих к знаниям и культурному опыту адресата [Шимкевич 2002: 14]. Ресторан *Juana la Loca* (Мадрид) ориентирован на аутентичную испанскую кухню, «наполненную вкусами и креативностью» (Juana). Обращение к прецедентному имени Хуана Безумная, возможно, может иметь отношение к интерпретации устойчивого выражения ‘volver loco’ (сводить с ума, ‘loco’ – умалишенный, безумный) в его переносном значении (очень нравиться), в данном случае речь может идти о еде.

Не сообщая потребителям прямой информации о заведении, через их наименования владельцы опосредованно предоставляют потенциальным посетителям информацию о том, где находится ресторан или бар, а также о его концепции и кухне. Так, ресторан *Puerto Colón* (Уэльва) расположен на мысе Пунта дель Себо, его дизайн выдержан в морском стиле и ориентирован на средиземноморскую кухню (Puerto). Таким образом создается определенный образ ресторана, сообщается о его специализации и месторасположении (Tripadvisor).

Можно предположить, что в некоторых случаях разработчики названия ориентировались на донесение до потребителей, наряду с общей лингвострановедческой информацией, определенных положительных ассоциаций, которые могут вызвать наименования заведений, имплицитно указывая на оригинальность, эксклюзивность кухни или же даже на уровень цен. Так, ресторан в Саламанке *Dionisos* (Дионис – древнегреческий бог растительности, виноградарства, виноделия, вдохновения и религиозного экстаза) носит название, указывающее не на традиционную греческую кухню, а скорее на эксклюзивность, «божественность» блуд, а также на огромный выбор вин, предлагаемый рестораном (Dionisos). Интересным с точки зрения современного осмыслиения прецедентных имен является название бара *Salomón. Rey de los Pinchitos* (Севилья), который также ориентирован на блюда испанской кухни (Tripadvisor), однако в названии прочитывается стремление номинаторов сделать акцент не столько на главном типе блюд – пинчитос, сколько на их высоком качестве и превосходном вкусе, что также отражено в названии *Rey de los Pinchitos*, то есть «Король пинчитос». Бар *Minotauro* (Гранада), согласно

отзывам посетителей, предлагает тапас по очень демократичным ценам и ориентирован прежде всего на молодежь (Minotauro).

В некоторых случаях, давая наименования своим заведениям, владельцы баров и ресторанов прибегают к прецедентным именам, стремясь передать атмосферу заведений. Так, в Вальядолиде есть бар *Kafka*, воссоздающий обстановку андерграунда (Restaurant Guru). В приведенном примере наименование бара активизирует в сознании потенциального посетителя определенный образ, реализованный в интерьере и атмосфере бара. Ночной бар *Little Bobby Speakeasy* (Сантандер) воссоздает атмосферу Чикаго 1920-х гг., время, когда был введен «сухой закон», и мафиози под прозвищем ‘Little Bobby’ открыл один из подпольных баров или “speakeasy”, как их в то время называли (Little). Название бара *Juan Sebastián* (известный мексиканский певец и композитор, мексиканец с наибольшим количеством премий Грэмми) в Уэске отражает его специфику – в нем проходят концерты живой музыки (Juan). Интерьер бара *Buddha Bar Oldtown* (Бенидорм) стилизован под буддийский храм со статуей Будды (Google Maps). В наименовании бара с названием *Inclán Brutal Bar* (Мадрид) обыгрываются особенности личности и творчества известного испанского писателя Валье-Инклана: наименование указывает на необычную и эксцентричную атмосферу бара. Интересным является обыгрывание сленгового значения прилагательного *brutal* (прекрасный, отличный). Данное значение отражено также в презентации бара: “Club de tapas <...> con una innovadora visión de la cocina tradicional española en un ambiente brutal” (Inclán).

Выбор названия *Las Espuelas del Cid* (Бургос), по всей вероятности, обусловлен созданной в ресторане атмосферой Средневековья; мадридский ресторан *La Venta del Buscón* (имя героя плутовского романа Франсиско де Кеведо) также выдержан в духе Средневековья и образно указывает на специфику кухни (Tripadvisor). В Мадриде находится ресторан с шоу-программой под названием *La Castafiore* (имя вымышленной оперной дивы из «Приключения Тинтина»); название ресторана дает отсылку к типу шоу-программ ресторана: “Oirán una mezcla de Opera y Zarzuela que llenará de alegría y emoción una cena fantástica”, – говорится на сайте заведения (Castafiore).

Менее частотными, но достаточно яркими и вызывающими различные ассоциации являются прецедентные библионимы, содержащиеся в названиях баров и ресторанов Испании.

Так, сеть тапас-баров Гранады носит название *La Bella y La Bestia*. Обращение в наименовании к одной из самых известных сказок переносит

своих гостей в сказку: в мир удивительно больших тапас и довольно демократичных цен. Вот, что говорят посетители: “<...> las tapas son enormes y muy buenas, las cañas 2.20 pero es como pagar una comida por ese precio” (Bodega). Тапас-бар *La Cabaña del Tío Tom* в Альмерии известна своими низкими ценами (Cabaña). Ресторан *Ci-Cut* (сатирическая прокаталанская газета начала XX в.) в Барселоне ориентирована на средиземноморскую кухню в каталанских традициях (Ci-Cut); владельцы ресторана японской кухни (Google Maps) *Kokoro gastro sushi* (Мурсия) ввели в наименование своего заведения название одного из значительнейших произведений современной японской литературы – романа «Сердце». Ресторан *Mío Cid* (сокращенное название эпической поэмы «Песнь о моем Сиде») в г. Пенискола также образно указывает на специфику кухни (Tripadvisor). Интересным является наименование кебаб-ресторана в Куэнке, носящего название *Alí Baba y sus 40 sabores* (Google Maps), которое переносит нас в мир популярных восточных сказок и создает эффект пространства, в котором возможны чудеса. Речь, конечно же, идет о чудесах гастрономии. Интересной в этом названии также является замена слова ‘ladrones’ (букв. «воры», в русском переводе – «разбойники») в известной восточной сказке «Али-баба и 40 разбойников» на ‘sabores’ (вкусы). А наименование ресторана средиземноморской кухни *Apicius* в Валенсии (Апициевский корпус – древнеримская кулинарная книга, которая ассоциируется с утонченной любовью к пище, название свое берет от имени римского гурмана и любителя изысканной роскоши Марка Габия Апиция), скорее намекает на изысканность и утонченный вкус блюд. Ресторан позиционирует себя как роскошный и утверждает, что в своих блюдах старается сохранять вкусы старины (Apicius). Встречаются также и заведения общественного питания, основанные на названиях известных фильмов: например, итальянский ресторан *La Vita e Bella* (Валенсия) (Google Maps).

В ономастическом пространстве Испании встречаются наименования заведений общественного питания, использующие в своих названиях прецедентные феномены из области живописи и архитектуры. Так, например, ресторан в Уэске носит название *Galatea de las Esferas* (одна из наиболее ярких картин Сальвадора Дали атомно-мистического периода творчества). Подобно тому, как Дали изобразил свою любимую женщину в виде множества сфер, меню данного заведения также основано на множестве разнообразных тапас и основных блюд, одних только закусок в данном ресторане насчитывается около двадцати (Galatea). Итальянские рестораны в Ба-

дахосе и в Альбасете носят название *La Fontana di Trevi*, ресторан андалусийской кухни в Мадриде – *Alhambra*, ресторан марокканской кухни в Сантандере – *La Mano de Fátima*, индийский ресторан в Сантандере – *Taj Mahal* (Google Maps). Не случайным оказался выбор названия итальянского ресторана в Мадриде *Mercato Ballaró*, являющегося одним из лучших итальянских ресторанов. Основатель ресторана, сицилиец по происхождению, остановил свой выбор на таком наименовании, поскольку оно ассоциируется с разнообразием продуктов и древними традициями, ведь рынок Балларо – самый древний рынок Палермо, известный еще с IX в. Ресторан предлагает простые местные блюда национальной кухни (*Mercato*).

Наименее частотным является обращение к прецедентным высказываниям, являющимися общизвестными цитатами, выражениями, крылатыми фразами. Интересным с точки зрения использования прецедентных фраз является наименование пиццерии в Валенсии *Quo Vadis*, в которой подают главным образом блюда итальянской кухни. В данном случае прецедентная фраза на латинском языке связана с христианской традицией. Согласно «Деяниям Петра» император Нерон в 64 г. начал гонение на христиан. Опасаясь, что с ним может случиться что-нибудь плохое, Петр бежит из Рима по Аппиевой дороге, на которой встречает Иисуса Христа, несущего крест и спрашивает: «*Quo vadis Domine?*» [Ефимова 2007: 259]. Ответ Иисуса заставил Петра передумать и вернуться. Таким образом, обращение к данной фразе не только образно указывает на тип кухни, но и содержит намек, что в этот ресторан стоит еще заглянуть. Еще одной прецедентной фразой, взятой из известной итальянской песни, названа пиццерия в Гранаде – *Bella Ciao* (Tripadvisor).

Следует отметить также, что прецедентные названия далеко не всегда передают какую-либо информацию о концепции ресторана, типе кухни или атмосфере. В ходе исследования были выявлены номинации, мотивация которых осталась нами не выясненной. Данные наименования были отнесены к немотивированным: бары и рестораны *Arlequín* (Бильбао, Бадахос, Жирона), *Apolo* (Мадрид, Уэльва, Малага, Витория-Гастейс и др.), *Da Vinci* (Уэска), *La Traviata* (Сеговия), *Mesón Séneca* (Хаэн), *Boabdil* (Гранада) (Google Maps).

Выводы

Таким образом, анализ материала показал, что наиболее продуктивными прецедентными феноменами, к которым обращаются номинаторы заведений питания Испании, являются прецедент-

ные антропонимы, составляющие 84 % номинаций, содержащих в своем названии прецедентные феномены; значительно реже рестораторы обращаются к прецедентным библионимам в (8,5 %) и невербальным прецедентным феноменам (в 5,5 % случаев), а прецедентные высказывания, составляющие 2 %, являются наименее продуктивными. Проведенный анализ мотивационных признаков эргонимов заведений питания позволяет утверждать, что наиболее продуктивным является мотивационный признак «тип национальной кухни» (66 %), менее продуктивными оказываются признаки «эксклюзивности» или «оригинальности» блюд (7 %). Кроме типа кухни и эксклюзивности и оригинальности подаваемых блюд номинаторы прибегали к использованию прецедентных феноменов для характеристики «интерьера и атмосферы» заведения (7 %). Указание на тип кухни и атмосферу заведения было задействовано в 4 % наименований. Немотивированными оказались 14 % наименований баров и ресторанов Испании.

Список источников

Apicius – *Restaurante Apicius*. URL: <https://www.restaurante-apicius.com> (дата обращения: 16.08.2024).

Bodega – *Bodega La Bella y La Bestia*. URL: https://www.minube.com/rincon/cafe_tapas-bar-la-bella-y-la-bestia-a66638 (дата обращения: 16.08.2024).

Cabaña – *La Cabaña del Tío Tom*. URL: <https://www.minube.co.uk/place/la-cabana-del-tio-tom--a880771> (дата обращения: 16.08.2024).

Castafiore – *La Castafiore*. URL: <https://lacastafiore.es/nuestrahistoria> (дата обращения: 16.08.2024).

Colotay – *Colotay Restaurante*. URL: <https://www.restaurantecolotay.com> (дата обращения: 16.08.2024).

Cu-Cut – *Cu-Cut. Taverna Gastronómica Barcelona*. URL: <https://www.cu-cut.cat> (дата обращения: 16.08.2024).

Dionisos – *Taberna Dionisos*. URL: <https://tabernadionisos.com> (дата обращения: 16.08.2024).

Galatea – *Galatea de las Esferas*. URL: https://www.heraldo.es/noticias/gastronomia/2015/02/14/cocina_inspirada_por_dali_galatea_las_esferas_339175_1311024.html (дата обращения: 16.08.2024).

Gelateria – *Gelateria Pinocchio*. URL: <https://www.gelateriapinocchio.eu> (дата обращения: 16.08.2024).

Hattori – *Hattori Hanzo Restaurante*. URL: <https://hattori-hanzo.com.es> (дата обращения: 16.08.2024).

Juana – *Juana la Loca*. URL: <https://juanalaloca.es> (дата обращения: 16.08.2024).

Juan – *Juan Sebastián Bar*. (Huesca) // Ir a tomajazz. URL: <https://www.tomajazz.com/web/category/contenidos/especial-contenidos/juan-sebastian-bar-huesca/> (дата обращения: 16.08.2024).

Inclán – *Inclán Brutal Bar*. URL: <https://inclanbrutalbar.com> (дата обращения: 16.08.2024).

Kiosko – *Kiosko Colón* // Turismo de Cáceres. URL: <https://turismo.caceres.es/en/node/1461> (дата обращения: 16.08.2024).

La Pachamama – *La Pachamama. Restaurante de conicna peruana*. URL: <https://barlapachamama.com> (дата обращения: 16.08.2024).

Little – *Little Bobby. Coctelería y copas en Santander*. URL: <https://www.littlebobby.es> (дата обращения: 16.08.2024).

Mercato – *Mercato Baralló*. URL: <https://mercatoballaro.com> (дата обращения: 16.08.2024).

Mesón – *Mesón La Noria de Dulcinea* // Trismo de Castilla y La Mancha. URL: <https://www.turismocastillalamancha.es/gastronomia/restaurante-meson-la-noria-de-dulcinea-528565/> (дата обращения: 16.08.2024).

Minotauro – *Minotauro* // Tapas en Granada. URL: <https://tapasengranada.es/bar/minotauro> (дата обращения: 16.08.2024).

Picasso – *Picasso Restaurante*. URL: <https://www.restaurantepicasso.com> (дата обращения: 16.08.2024).

Puerto – *Puerto Colón*. URL: <https://puertocolon.es> (дата обращения: 16.08.2024).

Rasputín – *Rasputín*. URL: <https://www.rasputin.es> (дата обращения: 16.08.2024).

Список литературы

Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 168–179. doi 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051

Волкова Р. А., Макаренко Е. Д. Роль прецедентного феномена в создании эргонимических номинаций (на примере названий предприятий общественного питания г. Краснодара) // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2021. № 5(158). С. 86–90.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

Ефимова Л. Н. Сказочный мир Клайва Степлза Льюиса («Хроники Нарнии») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 257–260.

Замальдинов В. Е. Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. № 7 (2). С. 35–43. doi 10.22250/24107190_2021_7_2_35_43

Зуева Т. А. Эргонимическая номинация в аспекте эффективности ее восприятия // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 120–128.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография. Екатеринбург, 2011. 313 с.

Никулкина О. Г. Ономастическое пространство повести А. П. Чехова «Дуэль» (к 160-летию со дня рождения писателя) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 95–108.

Пономаренко И. Н., Крыжановская В. А. Современный эргоним: основные тенденции в нейминге // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 176–186.

Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П. Лингвокреативные тенденции в сфере городской номинации // Русский язык в поликультурном мире: в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Т. 1. Симферополь: Ариал, 2019. С. 348–353.

Селіванова О. О. Ергонімікон міста Черкаси: когнітивний аспект // Записки з ономастики. 2011. Вип. 14. С. 171–179.

Старикова Г. Н., Хоанг Тхи Хонг Чанг. Тропонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 73–87. doi 10.17223/19986645/47/5

Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен. М.: Наука, 1978. 150 с.

Хоанг Тхи Хонг Чанг, Старикова Г. Н. Московские ресторонимы в аспекте графики // Язык и культура. 2017. № 38. С. 117–137. doi 10.17223/19996195/38/9

Шевченко Д. А., Полякова Н. С., Шарян Э. Г. Брендменеджмент: теория и практика. М.: Сам Полиграфист, 2019. 178 с.

Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: pragматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

Шмелёва Т. В. Аттрактивность городского имени: заведения еды // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Т. 1, № 1. С. 117–126. doi 10.33910/2687-0215-2019-1-1-117-126

References

Boyarskikh O. S. *Pretcedentnye fenomeny so sferoy-istochnikom 'Literatura' v diskurse rossijskikh pechatnykh SMI* (2004–2007). Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Precedent phenomena with the source sphere 'Literature' in the discourse of the Russian print media. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008. 24 p. (In Russ.)

Vepreva I. T. Sovremennyy ergonomikon: v poiske novykh form vyrazheniya [Modern Russian ergonomy: In search for new forms]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2019, vol. 16, issue 4, pp. 168–179. doi 10.15826/vopr_onom.2019.16.4.051. (In Russ.)

Volkova R. A., Makarenko E. D. Rol' pretcedentnogo fenomena v sozdaniy ergonimicheskikh nominatsiy (na primere nazvaniy predpriyatiy obshchestvennogo pitaniya g. Krasnodara) [The role of the precedent phenomenon in the creation of the ergonomic nomination (based on the names of the food service establishments in Krasnodar)]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2021, issue 5 (158), pp. 86–90. (In Russ.)

Gudkov D. B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 288 p. (In Russ.)

Efimova L. N. Skazochnyy mir Klayva Steplza L'yuisa ('Khroniki Narnii') [The fairytale world of Clive Staples Lewis (The Chronicles of Narnia)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2007, issue 2, pp. 257–260. (In Russ.)

Zamal'dinov V. E. Kreativnyy neyming nizhegorodskikh zavedeniy obshchestvennogo pitaniya: graficheskiy aspekt [Creative naming of Nizhny Novgorod public catering establishments: Graphic aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2021, issue 7 (2), pp. 35–43. doi 10.22250/24107190_2021_7_2_35_43. (In Russ.)

Zueva T. A. Ergonimicheskaya nominatsiya v aspekte effektivnosti ee vospriyatiya [Ergonomical

nomination in the aspect of the efficiency of its perception]. *Psikhologisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity], 2017, issue 15, pp. 120–128. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)

Krasnykh V. V. *Etnopsikhologistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]: a series of lectures. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p. (In Russ.)

Nakhimova E. A. *Pretcedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication: Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Research]. Yekaterinburg, 2011. 313 p. (In Russ.)

Nikulkina O. G. Onomasticheskoe prostranstvo povesti A. P. Chekhova 'Duel' (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) [Onomastic space of A. P. Chekhov's novella 'Duel' (to the 160th anniversary of the writer)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2020, issue 6 (2), pp. 95–108. (In Russ.)

Ponomarenko I. N., Kryzhanovskaya V. A. Sovremennyy ergonom: osnovnye tendentsii v neyminge [Actual ergonym: the main trends in naming]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2019, vol. 5 (71), issue 3, pp. 176–186. (In Russ.)

Remchukova E. N., Sokolova T. P. Lingvokreativnye tendentsii v sfere gorodskoy nominatsii [Linguistic and creative trends in the sphere of urban nomination]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian Language in a Multicultural World]: in 2 vols. Ed. by E. Ya. Titarenko. Simferopol, Arial Publ., 2019, vol. 1, pp. 348–353. (In Russ.)

Selivanova O. O. Ergonimikon mista Cherkasi: kognitivnyi aspekt [Ergonomic space of Cherkasy: a cognitive aspect]. *Zapiski z onomastiki* [Notes on Onomastics], 2011, issue 14, pp. 171–179. (In Ukr.)

Starikova G. N., Hoang Thi Hong Chang. Trofonimy (restoronom) kak osobyy tip ergonomov (na materiale imen zavedeniy obshchestvennogo pitaniya Moskvy) [Trophonyms (restauronyms) as a special type of ergonyms (on the material of Moscow eating place names)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, issue 47, pp. 73–87. doi 10.17223/19986645/47/5. (In Russ.)

Superanskaya A. V. *Yazykovye i vneyazykovye assotsiatsii sobstvennykh imen* [Linguistic and Ex-

tralinguistic Associations of Proper Names]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 150 p. (In Russ.)

Hoang Thi Hong Chang, Starikova G. N. Moskovskie restoronomiy v aspekte grafiki [Restoronomis of Moscow in the aspect of graphic]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2017, issue 38, pp. 117-137. doi 10.17223/19996195/38/9. (In Russ.)

Shevchenko D. A., Polyakova N. S., Sharyan E. G. *Brendmenedzhment: teoriya i praktika* [Brand Management: Theory and Practice]. Moscow, Sam Poligrafist Publ., 2019. 178 p. (In Russ.)

Shimkevich N. V. *Russkaya kommercheskaya ergonimiya: pragmaticscheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Russian commercial ergonmy: Pragmatic and linguistic aspects. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2002. 23 p. (In Russ.)

Shmeleva T. V. *Attraktivnost' gorodskogo imeni: zavedeniya edy* [The attractiveness of the urban name: food outlets]. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2019, vol. 1, issue 1, pp. 117-126. doi 10.33910/2687-0215-2019-1-1-117-126. (In Russ.)

The Names of Bars and Restaurants in Spain with Precedent Phenomena Used: The Motivational Features

Olga V. Merzlikina

Associate Professor in the Department of Foreign Languages No. 2

Plekhanov Russian University of Economics

36, Stremyanny pereulok, Moscow, 115054, Russia. o.merzlikina@rambler.ru

SPIN-code: 7491-0631

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7308-4829>

ResearcherID: ACI-3318-2022

Submitted 22 Feb 2024

Revised 21 Jul 2024

Accepted 05 Oct 2024

For citation

Merzlikina O. V. Motivatsionnaya baza naimenovaniy barov i restoranov Ispanii s pretsedentnoy osnovoy [The Names of Bars and Restaurants in Spain with Precedent Phenomena Used: The Motivational Features]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 34-43. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-34-43. EDN QJLDVY (In Russ.)

Abstract. The article examines ergonyms, specifically the names of bars and restaurants in Spain that are formed with the participation of precedent phenomena. The purpose of the study is to analyze the motivational features of such names. Ergonyms for the analysis were selected from open Internet sources. Ergonyms are signs of the socio-cultural space, part of the linguistic landscape of the country in which their communicative realization occurs. Nomination in ergonmy has the following peculiarities: the individuality of each act of nomination; the connection of the name with the object of the nomination, with the culture and mentality of the society, with fashion trends and the evolution of the national language. Apart from the informative function, ergonyms also have an advertising function. As the analysis has shown, the most productive precedent phenomena which the nominators use are precedent anthroponyms (84%), much less often they utilize precedent biblionyms (8,5%), the least productive are precedent statements, accounting for only 2%. According to the analysis of the motivational features of ergonyms, the most productive feature is the 'type of national cuisine' (66%); the features of 'exclusivity' or 'originality' of the dishes are also productive (7%). Besides the type of cuisine and the characteristics of the dishes served, the nominators employ precedent phenomena to characterize the 'interior design and atmosphere' of the establishment (7%). 14% of the studied names of bars and restaurants in Spain are not motivated.

Key words: ergonym; catering establishments; precedent phenomena; precedent name; precedent biblionym; precedent statement; motivational features.

УДК 81'28

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-44-52

<https://elibrary.ru/tumvgh>

EDN TUMVGH

Космические и атмосферные образы в русских и финно-угорских народных приметах и суевериях

*Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ 24-18-20015
«Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья»*

Подюков Иван Алексеевич

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языка

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

SPIN-код: 8516-2258

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Свалова Екатерина Николаевна

к. филол. н., старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН
614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. svalova87@mail.ru

SPIN-код: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Статья поступила в редакцию 28.10.2024

Одобрена после рецензирования 12.11.2024

Принята к публикации 14.01.2025

Информация для цитирования

Подюков И. А., Свалова Е. Н. Космические и атмосферные образы в русских и финно-угорских народных приметах и суевериях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 44–52. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-44-52. EDN TUMVGH

Аннотация. В статье по фактам лексики и фразеологии русских народных говоров и финно-угорских языков (удмуртский, коми-пермяцкий, коми-зырянский) рассматриваются народные космонимы (наименования планет, звезд и созвездий), исследуются названия атмосферных явлений (гроза и молния, заря, зарница, радуга). Выявляются мотивационные признаки, лежащие в основе образных номинаций и метафорических характеристик небесных событий и объектов. По диалектным данным и фольклорной речи (загадки, частушки, приметы) раскрываются мифологические основания и характер образности названий небесных явлений. Отмечается повышенная значимость небесного символизма для создания народных примет, связанных с изменениями погоды, трудовой деятельностью, историческими событиями и судьбами людей. Мифологизмы народной речи, которые используются при характеристиках непознанного, остаются востребованными в народной среде, оформляют предшествующий культурный опыт взаимодействия человека с миром природы, мотивируют приметы, остающиеся ориентирами хозяйственной деятельности человека. Кроме того, поскольку отмечается достаточно активное использование образов высшего мира в художественных и фольклорных текстах, описывается их мифопоэтический потенциал. Выявляется значительное количество типологически сходных образных наименований космических и атмосферных объектов в разноструктурных

языках, прослеживается отражение в исследуемых номинациях особенностей этнического мировосприятия. Делаются выводы о высокой лингвокультурной насыщенности лексики и фразеологии, обращенной к небесной сфере.

Ключевые слова: космоним; мифологизмы в языке; русский и финноугорские языки; символика примет.

Наименования небесных объектов и явлений привлекают внимание многих исследователей, при этом основное внимание обращается на космонимы – собственные имена отдельных небесных тел, галактик, созвездий. В трудах М. Э. Рут полно описан корпус народных космонимов русского языка, раскрыта их роль в формировании языковой картины мира [Рут 1987, 2010]. Тюркская космонимика, связанная с названиями созвездий, исследуется Л. С. Абсемиевой [Абсемиева 2019], К. Г. Ароновым [Аронов 1992]. В работах К. Г. Аронова подчеркивается, что названия небесных объектов являются частью лексического богатства казахского языка. Е. А. Айбабина и Л. М. Безносикова раскрывают особенности структуры, специфику мотивационных признаков диалектных коми номинаций космических объектов, рассматривая их в сопоставлении с космонимами других финноугорских языков (по их наблюдениям, в коми названиях созвездий отчетливо выражена охотничья тема [Айбабина, Безносикова 2013]). Исследуются и финноугорские номинации отдельных небесных явлений – особенности номинации радуги в удмуртском языке [Зверева 2015], отражение в названиях радуги мифологических представлений коми [Панюков 2011; Цыпанов 2017].

Сопоставительный анализ космонимов разных языков (например, русского, английского и китайского [Михайлова 2014]) показывает, что названия небесных объектов отражают особенности этнического мировосприятия, несут в себе отпечаток не только мировой культуры, но и культуры своего народа. Высокую культурную окрашенность космонимов отмечает О. В. Стafeева, рассматривая их функционирование в художественном тексте [Стafeева 2003].

В настоящей статье рассматривается прежде всего пермская диалектная лексика и фразеология, характеризующая звезды, созвездия и небесные события в народном восприятии (полевые материалы экспедиций в русские и коми-пермяцкие районы Пермского края). Знаки неба (падающие звезды, необычные по форме облака, свечения, напоминающие буквы или цифры) часто осмысляются как символы будущего, интерпретируются как мистические знамения. Анализ номинаций космических объектов и событий позволяет увидеть, как небо «управляет» жизнью людей: указывает на смену сезонов, очередность сельскохозяйственных работ, на грядущие исто-

рические события и предназначность человеческих судеб. Очевиднее всего знамения небес отражены в приметах, которые относят к сакральному жанру фольклора в связи с наделенностью их глубоким мифологическим подтекстом. Приметы, и особенно та их часть, которая обращена к небу и космосу, выступают как мифологические высказывания, содержащие некие жизненные правила, выраженные в иррациональной форме.

Объектам и явлениям внешнего мира, неведомым космическим силам в архаическом восприятии приписываются магические свойства, способность предвещать события и даже влиять на них: *Перед войной был знак. Видели это старые старики. На небе видели как самолёты и золотые буквы «В». «Война, война будет!» – говорили* (с. Пож Юрлинского района Пермского края); *Перед войной на небе облака шли как солдаты с ружьями, старые люди сказывали* (п. Гайны); *Перед афганской войной в воздухе везде столбы красные стояли. Девять столбов. А потом давай летать. Как ракеты. И так сейчас ребят наших жалко...* (г. Чернушка Пермского края) (ПМЦЭ). Необычные свечения в виде вертикальной полосы света на небе (речь идет о светящихся столбах, которые возникают, когда при высокой влажности резко опускается температура, то есть в воздухе появляются взвешенные столбовидные ледяные кристаллы) – распространенное оптическое явление, воспринимаемое архаическим сознанием как знак беды (количество столбов на небе даже воспринималось как указание на число военных годов).

Древнее отношение к небу, высшему миру заключается в представлении о космосе как живом организме или среде, находящейся в неразрывном единстве с человеком. Эта связь мира и человека отражена уже в самом названии мироздания *Вселенная*. Слово называет весь мир и одновременно представляет его как заселенный, обитаемый дом (ср. также образ неба-потолка в загадке о небе и звездах *Синие потолочины золотыми гвоздями приколочены*). Древний космический анимизм (А. В. Луначарский, работа «Антропоморфизм и гармония») лежит в основе масы метафорических выражений – *солнце село/встало, луна взошла, луна смотрит, облака бегут, небо плачет, звезда с звездою говорит*. Значительная часть образных номинаций объектов космической среды опирается на древнее

уподобление реалий высшего мира обжитому человеком пространству. Небесные объекты и явления отождествляются с картинами земной жизни, земными реалиями, с тем, что окружает человека. Они предстают как предметы быта: основная часть созвездия Большая медведица носит народное название *Ковш* (то же в коми-пермяцком языке *Кош* ‘ковш’, в удмуртском *Кобы Кизили* ‘ковш звезда’). Млечный Путь (а также Большая медведица, Пояс Ориона) в разных русских говорах получает название *Коромысло* (ср. марийское название Ориона *Вүдварашүйр*, букв. ‘коромысло-звезда’).

Как отмечает М. Э. Рут, русские и в целом славянские народные астронимы часто ориентированы на сельскохозяйственный быт [Рут 1987: 60]. В этом убеждают также фольклорные и поэтические образы неба как поля: загадка о небе и звездах *На чёрном поле овцы разбрелись*, строчки стихов *Небо, как поле, засеяно звёздами* (В. Константинов, «Небо, как поле...»), *Небо-поле, расскажи о том, во что мир верит* (Ю. Шевчук, группа ДДТ, баллада «Небо-поле»). С орудием крестьянского труда соотнесено в говорах Урала и Сибири название созвездия Пояс Ориона *Кичиги* (от *кичига* ‘примитивное молотило в виде изогнутой крюком палки’). В народных названиях звездного скопления Плеяды (одно из ближайших к Земле и одно из наиболее ярких созвездий) наглядно проявляется использование в основании народных примет образов хозяйственной деятельности. Плеяды в аграрной примете указывают на то, что с их появлением пришло время посева (выход Плеяд приходится на Юрьев день, праздник, с которого начинались работы в поле). В конце весны Плеяды исчезают и возвращаются на небо лишь в пору летнего солнцестояния, поэтому севернорусское название Плеяд *Стожары* соотносится также и с началом сенокоса (*стожаром* называют кол в центре стога для его устойчивости). Возможно, использование народных названий созвездия Плеяды *Сито/Решето* следует рассматривать как указание на приход времени осенних посевых работ. Эти названия (символически они представляли небо как подателя блага [Топорков 1985]) функционально связаны с инвентарем для просеивания семян; ср. также финское о Плеядах *Seula* ‘решето’ [Петрич, Авилин 2023: 4]. Как известно, в древности с появлением этого созвездия связывалось наступление сезона навигации (слово *Плеяды* этимологически родственно древнегреческому глаголу *plein* ‘плыть’) или сезона дождей (прихода ливней [Рут 1971: 154]). Возможно также осмысление названия *Стожары* как сложного слова – в связи с *жар* и *сто*, то есть как указание и на время жары, и на яркий

свет звезд, ср. комментарий К. Паустовского: «Очень благозвучно и слово «Стожары»... Это слово, по звучанию, вызывает представление о холодном небесном пожаре («Плеяды и впрямь очень яркие, особенно осенью, когда они полыхают в темном небе, действительно, как серебряный пожар» (рассказ «Словари»)). Писатель в этом случае тонко уловил значимую в народной культуре идею «прорыва» на землю благодатного космического света.

Некоторые севернорусские названия-космизмы образованы от зоонимов. Это обозначение Большой медведицы *Лось*, *Конь* [Афанасьев 1865: 606], *Лошадь* (архангельское; близко к нему удмуртское название созвездия Малая медведица *Валыыр*, букв. ‘лошадиная голова’), пермское *Свинья* о большом дождевом облаке, *небесные коровы (стада)* [там же]. Среди небесных названий встречаются также образы птиц, элементов рельефа *Утиное Гнездо* (*Утичье гнёздышко*; в пермских говорах также *Соловьевое гнёздышко*) для Плеяд (в кировских говорах это обозначение Малой Медведицы), *Гусиная лапа* созвездие Плеяды (Большая Соснова Пермского края) (ПМЦЭ), *Горы* для облаков [там же]. Ассоциативно с небом связано выражение, где использован образ кота: *Кот плакал о редком природном явлении, когда на заре, перед восходом солнца выпадает роса (в этот момент на водной поверхности образуются круги, что воспринимается как предвестие бури)* (СРЯ 1914: 2483). Выражение использовано Н. Лесковым (писателем, чей лексикон пронизан народными выражениями): *На заре, перед восходом солнца, в этот день по воде озера, щурясь, то мигали, то расширяясь, то суживаясь, маленькие кружочки. Это называют будто «кот плакал» и считают за предвестие к буре* (рассказ «Таинственные предвестия»). Достаточно экзотичный образ плачущего кота обыгрывает известную «способность» кошек предсказывать погоду и одновременно «объясняет» необычное природное явление, соотносясь с другими мифоэтическими истолкованиями редких состояний природы. Аналогично мотив плача использован в характеристиках слепого дождя *сироты плачут, солнце плачет, ведьма плачет, Бог (Богородица) плачет* [Виноградова 2016: 353]. «Ненастоящий», в виде редких капель слепой дождь, как и редкие капли падающей росы, может быть приписан существам, соотносимым с верхним миром, обладающим магическими свойствами (ненарушило роса устойчиво определяется как *Божья*; *сироты* считаются людьми особого социального статуса, приближенными к богу в силу своей обездоленности [там же: 355]). Отметим также сохранение образов облачной (лунной) кошки, лунного кота в современной поэтической

традиции (в том числе представление в виде кошки не только луны и солнца, но и радуги: *Радуга испуганною кошкой спину выгибает в небесах* (М. Безденежных); *А за окном луна, как кошка* (М. Грация); *Солнце – кот, ты для души, Ты для нас свети, живи* (И. Парамонова)). Поток света наступившего дня также ассоциируется с кошкой (как в пермской загадке о рассвете *Серая кошка лезет в окошко*). Образ плачущего кота в широком распространении обычно является шутливой оценкой чего-то крайне малого или незначительного – из соотнесения настоящего дождя и редких капель росы (ср. несколько иное осмысление выражения у А. Башлачева в стихотворении «Дым коромыслом»: *Ох, безрыбье в речушке, которую кот наплакал*). В народной традиции кот может быть наделен даром предсказания (например, в известной примете *Кот чихнул – к вестям*). Конечно, «профетические» свойства кота выведены из его способности глядеть не мигая, видеть в темноте. В целом же аналогия росы со слезами (как и примета *После слепого дождя жди обильных дождей*) отмечает повышение влажности в воздухе: вода редкими мелкими каплями начинает выпадать в осадок, потому что не может растворяться во влажной атмосфере.

Народная космонимия представлена антропонимическими образами солнца, луны, облаков, звезд, зари, радуги (орловское *солнце зевает* ‘о появляющемся и исчезающем в облаках солнце’, пермское *солнце умывается* ‘о солнце в дождь’, пермское юрлинское *Солнце умывается, это к теплу*), лунного или солнечного гало (диалектное пермское *солнце в рукавицах, солнце с ушами, солнце в шапке*, уральское *чертовы рукавицы у солнца, бородатое солнце*: *Солнце зимой «бородатое», под ним пятно как радуга, это надо ждать морозов* (Нытва Пермского края)) (ПМЦЭ). Рукавицы непосредственно указывают на близость холодов: коми *тёліс кепися* ‘о свидящемся кольце вокруг луны, что предвещает сильные морозы’: *Тёліс кепися, так кёдзыт тёлнас*. *Этадзи сылён, кепися кызд тёліс кепися / Луна в рукавицах, так будет холодно. У неё рукавицы будто, у луны*», букв. ‘луна в рукавицах’ (с. Пуксиб Косинского района Пермского края) (ПМЦЭ). Известно и название радужной зари *Заря в рукавицах* (Андрей Балдин «Московские праздные дни», 1997).

Любопытны редкие названия для облаков, вероятно, не лишенные архаических оснований типа пермского *Дед с бабкой* (выражение осмысляется как знак приближающегося дождя, то есть обозначает кучево-дожевое облако). Здесь образы покойных старших родителей ассоциативно связываются с архаичными представлениями о

пребывании душ умерших на небе (ср. также в народной примете *Покойные снятся к дождю*). Образ девушки на медведе использован в костромском обозначении также дождевого облака *Девка на медведе едет*. В выражении объединены образы медведя и девушки (близкий образ облаков отмечен А. Н. Афанасьевым: облака как *прекрасные полногрудые женщины* [Афанасьев 1865: 113]). Второй персонаж, медведь (известный как одно из воплощений бога растительности), здесь, скорее всего, соотносится с идеей плодородия.

Зарю называли женскими именами, учитывая в этом случае их христианскую символику: *Мария / Маремьяна* (реже *Варвара, Прасковья*). В первом случае небесный свет зари обозначен именем Богородицы (для нее типичны красные одеяния, символизирующие предназначеннность удела Пресвятой, ее Богоматеринство). Сходным образом красный (также и золотистый) цвет одеяний типичен для св. мученицы Параскевы, красный (киноварный) цвет одеяний на иконах (символ мученичества) характерен для св. Варвары. Атрибуты христианских персонажей отмечены в славянских названиях радуги (*Божий лук, Божий пояс, Богородицин пояс* (Агапкина 2002: 401)), то есть небесный знак осмысляется как атрибут Божества.

Одно из мифологически осмысленных небесных явлений – гроза, часто воспринимаемая как голос бога, как проявление его силы. Название *гроза*, очевидно, родственное словам *гром, греметь*, давно используется и для обозначения гнева и божьей кары, и как образное представление страха, ужаса, и как благодать, живительная сила. Отсюда устойчивые представления о том, что трава весной появляется после первого грома, приметы типа *Гроза в конце мая бывает к хорошему урожаю и сенокосу, Гроза в конце лета к сухой и тёплой осени* (несильная первая гроза считается плохим знаком: *Плохо погремит первый раз, дак и плохой год* (д. Черная Юрлинского района Пермского края)) (ПМЦЭ). Особое отношение к грозе отражено в народном эвфемическом обозначении грозовой тучи *синенький: Робьте пуще, вон синенькой идёт, замочит все сено* (с. Карагай Пермского края) (там же). Гром считался карающей силой и одновременно проявлением заботы о людях: *Долго нет грома – Бог забыл людей, будет тяжелая зима* (с. Ножовка Частинского района Пермского края); *Илья Грозный вскричал, грешим дак* (д. Щипа Бардымского района Пермского края) (там же). Молния воспринималась в прошлом как божественный огонь, «видимый с земли свет верхнего неба, когда нижнее небо открывается» (Белова 2004: 280). Отсюда ее названия *божья воля* (нижего-

родское, костромское), божья милость (ярославское, архангельское, томское), божья благодать (самарское, архангельское) [Верхотурова 2007: 87]. Она считалась проявлением доброго отношения Бога (страдания, которые она приносила, есть знак внимания Бога, способ вразумления грешника): *Первый дом у нас сгорел от детской шалости, а второй от Божьей милости. Не надо было на погорелом строиться* (д. Лидино Октябрьского района Пермского края) (ПМЦЭ). Распространено и предметное представление молнии – выпущенная Богом стрела: *Грянуло, засияло на небе, стрела вылетела – загорелось от стрелы* (соликамское). Чаще громовой стреле уподоблялся разряд молнии: *Громовая стрела, вот пойдёшь в лес – как ударит, так и дерева нету* (с. В. Мошево Соликамского района Пермского края) (там же). Широко распространено представление об огневой (громовой) стреле, камнеобразном сплаве продолговатой формы, образующемся от удара молнии в песчаную почву. Считается до сих пор, что так стрела поражает дьявола и лечит болезни, отводит опасности: *Всяка болезнь и притча боится громовой стрелы* (д. Верх-Мечка Кишертского района Пермского края); *Громовая стрела, её от суда хорошо. Со словами сделаешь человека, как оградишь, и не засудят* (с. Калинино Кунгурского района Пермского края) (там же). Иной вид может иметь деревянная, в виде лучины громовая стрела у коми-пермяков (чарньос, или чарётём пу, букв. ‘громовое дерево’): *Чарётём пу, вот сийён жельнёг-нас чертитас, лыддяс. Чистой паськом пасьтлас, кафтан и (ыжсан?) лунён лыддяс, лыддяс или би вылё, или вот кыт колё мыйён, или турун вылё. Лыддяс и вот и лечитліс сийён / Задетое молнией дерево, вот этой лучиной зачертит, наговорит (начитает), чистую одежду наденет, кафтан, и в Большой день начитает, начитает, или на огонь, или на траву* (п. Мысы Гайнского района Пермского края) (там же).

Активно задействованы в приметах названия природных явлений, воспринимаемых особенно эмоционально и мистически. Это заря (цветное свечение неба перед восходом и после заката солнца), зарница (осенняя отдаленная гроза с молниями без грома), радуга (оптическое явление в атмосфере, которое наблюдается при освещении солнцем множества водяных капелек во время или после дождя). Многие из связанных с этими объектами приметы имеют логическое объяснение. Так, приметы *Багровые зори к ветрам, Красная заря во все небо – к скорому ненастью, Утром встанешь, дозорка красная – вёдро будет* (там же) объясняются тем, что при красной заре свет солнца на восходе и закате меньше рассеивается в атмосфере (проходит по каса-

тельной большую часть земной атмосферы) и поглощается аэрозольными частицами, делающими атмосферу менее прозрачной. Примета *Заря недолгая – к ненастью* связана с тем, что более плотные слои атмосферы перед дождем делают ее менее доступной для восприятия. Примета *Тихая заря к хорошей погоде* фиксирует внимание на безветренной заре нежно-розового цвета (такой заря бывает утром при отсутствии облаков на востоке, когда встающее солнце подсвечивает облака с противоположной стороны). Это исключительно красивое время, наполненное особым покойем и таинственностью, символически соотносится с вечностью. Показательно использование мотива тихой зари в любовных частушках: *Ты играй, гармонь моя, сегодня тихая заря, тихая зориночка, послушай, ягодиночка* (здесь магическое время для влюбленного гармониста – способ передать свои чувства и желания). В названии фильма С. Ростоцкого «А зори здесь тихие» образ зари вводит тему величия и спокойствия мироздания, красоты мира, особая ценность которой осознается на фоне ужаса и бессмыслицы войны. Сочетание *Тихая заря*, отмечающее момент покоя и особой красоты мира, нередко используется как название пансионатов для пожилых (костромское), турбаз, баз отдыха (Волгодонск, Красноярск, Петрозаводск и др.).

Мистический характер носит удивительное по своей красоте небесное событие, беззвучная игра молний в конце июля – начале августа. Речь идет о зарницах, которые в народной традиции отмечают конец лета: *Как зарёночки появятся, так и огурцы пора снимать* (п. Суксун Пермского края); сп. коми примета *Востымасьё – шондёдас*, букв. ‘Зарницы полыхают – к теплу’ (там же). В разных культурах зарница представляют космический акт магического воздействия небесного огня на хлебное поле. Считается, что своим светом они побуждают высевать хлеба (на что указывают диалектные названия зарниц типа пермского *хлебозарка*). В Удмуртии (Якшур-Бодьинский район) в последнее время даже возрожден праздник зарниц *«Ворекъян»*: во время жатвы вечером идут любоваться зарницами (*ворекъяны*), воспринимая их как благословение богов.

Один из самых поэтичных фольклорных образов природы – радуга, появление ее на небе также воспринимается как момент воцарения в мире красоты и божественной тишины (одно из многих народных названий радуги – белорусское и украинское *краса, красуля* (Иванов, Супрун-Белевич 2018: 119)). Широко распространено верование, что радуга предвещает конец дождя и ясную погоду, откуда ее диалектные названия *ясна, ясновка*. Новгородской примете *Радуга беле зелёная – жди дождичка* (СРНГ 43: 267) соот-

ветствует примета к дождю у народа коми *Енёшкайён медбура тыдало зеленой визьыс, лоас зэра луныс* (букв. ‘Если у радуги больше всех видна зеленая полоса, то будет дождь: чем шире эта полоса, тем дольше будет идти дождь’) (ПМЦЭ). Основа ее – символическое восприятие зеленого цвета. В архаических культурах он был связан не просто с природой, а с водой и дождем (ср. пермское диалектное название считавшегося особенно благодатным дождя после Троицы *зелёный дождь*). Конечно, главными для приметы являются законы оптики: зеленая полоса находится в центре радуги и при высокой влажности воздуха воспринимается более широкой.

Обычно приметы с радугой выражают положительные предзнаменования: *Радуга перед хорошей погодой показывается* (с. Коса Пермского края) [ПМЦЭ]. Позитивные характеристики радуги связаны с тем, что она символизирует связь между двумя мирами – земным и небесным, человеческим и Божественным [Зверева 2015: 95]. Соотносясь с Богом (по ней спускаются и поднимаются за водой ангелы, сидит, как на престоле, Бог), радуга известна как символ изобилия, урожая и плодородия (отсюда ее белорусское название *богатка*, разнообразные приметы типа *Видеть радугу – к добру, Если долго нет радуги, будет неурожай* (ср. болгарское: долгое отсутствие радуги означает, что *дядо Господ сердится на людей*). Это явление устойчиво представляется в коми языках как имеющее мифический смысл: название *ошка-мошка* объясняют через образ небесного водяного быка (= бога), который пьет воду и поднимает ее на небо (отчего затем бывает дождь). Слово объясняют и как «бык с коровой» (*öш ‘бык’, möс ‘корова’*) [Панюков 2011]. Е. А. Щипанов, считая эту версию народно-этимологической, говорит о том, что название радуги не связано непосредственно с названиями животных, и возводит первый его компонент к прaperмскому обозначению водного источника **öс*, а второй – к приписываемой явлению функции («воду пьющий») [Щипанов 2017].

Примечательна двойственность семантики радуги: появление ее может означать и окончание дождя, и затяжное ненастье: *Радуга появляется, а ты смотри: если левая сторона появилась, то не к добру, правая – к счастью* (п. Гайны Пермского края) (ПМЦЭ). Эта двойственность ощущается также в приметах *Утренняя радуга – к дождю, вечерняя к вёдру, Низкая радуга к дождю, высокая к хорошей погоде, Радуга поперек реки к ясну, вдоль – к сильному дождю* (коми-пермяцкое *Енёжка ю пёлён – зэрны пондас, поперег – мича лоас*) (там же).

Явление, следовательно, интерпретируется в ряде случаев просто как знак изменений (откуда

ее псковское название *знамя, знаменье*). Амбивалентность радуги отражается и в ее названиях *веселка и змея* (вологодское (СРНГ 11: 303)), *небесная змея* (коми-зырянское). Способность ее причинять человеку вред менее выражена (ср. также запрет показывать на нее пальцем, купаться в том месте откуда она «пьёт» воду, чтобы не поменять пол – запрет, известный и русским, и коми: *А ошка-мошка воду, говорят, пьет. Туда не надо идти, может проглотить* (Юсьвинский район Пермского края) (ПМЦЭ).

Отраженная в космонаимах языковая модель мира имеет преимущественно антропологическую окраску, строится на переосмыслиениях личных имен, соматизмов, названий бытовых предметов, орудий труда (реже зоонимов, деталей земного рельефа). Разнообразие аналогий для народных названий космических объектов и атмосферных явлений связано с тем, что архаическим сознанием небо понималось как зеркальное отображение земли, того, что есть на земле. Видимый, но непонятный, недоступный для человека высший мир в то же время воспринимался как предсказание событий, которые произойдут в будущем. Названия атмосферных событий и небесных объектов в своем образном строе хранят древние мифологические сюжеты, указывают на участие неба в жизни и деятельности человека. Небесные объекты и явления в языковом представлении часто выступают как ориентиры и самой экзистенции человека, и его практической деятельности. Высокая лингвокультурная насыщенность лексики и фразеологии, обращенной к небесной сфере, в своей совокупности воссоздает наглядно-чувственный образ космоса, отражает народное бессознательно-художественное видение мира.

Источники

Агапкина Т. А. Радуга // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 401–402.

Белова О. В. Молния // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 280–282.

Иванов К. И., Супрун-Белевич Л. Р. Радуга в языковой картине мира славян // Контрастивные исследования языков и культур: материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 окт. 2017 г.: в 2 ч. Минск: МГЛУ, 2018. Ч. 1. С. 117–122.

ПМЦЭ – полевые материалы Центра этнолингвистики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Т. 1–

СРЯ – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / ред. акад. А. А. Шахматов. 6-е. изд. С.-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1914. Т. 4, вып. 8. 156 с.

Список литературы

Абсемиева Л. С. Функционирование названий космических объектов в крымскотатарском языке // Язык и текст. 2019. Т. 6, № 1. С. 122–125. doi 10.17759/langt.2019060120

Айбабина Е. А. Безносикова Л. М. О некоторых народных космонимах и астронимах в коми языке // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2013. Вып. 2(14). С. 96–100.

Аронов К. Г. Этнолингвистическая природа народных космонимов в казахском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Алма-ата, 1992. 22 с.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. Издание К. Солдатенкова. М., 1865. 796 с.

Верхотурова К. С. Молния в зеркале диалектной номинации // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 6. С. 87–92.

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.

Зверева Т. В. Радуга: об одном оптическом сюжете в русской поэзии конца XVIII – первой половины XIX веков. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 5. С. 95–102.

Михайлова И. С. Национально-культурная специфика космонимов в разносистемных языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 4. С. 93–98.

Панюков А. В. Радуга в фольклоре коми // Живая старина. 2011. № 3 (71). С. 25–27.

Петрич Н., Авилин Т. В. Народные названия Плеяд в словенской традиции // Живая старина 2023. Вып. 2. С. 2–6.

Рут М. Э. О происхождении русского названия Волосожары (Плеяды) // Ученые записки УрГУ. 1971. Вып. 18, № 114. С. 154–155.

Рут М. Э. Русская народная астронимия. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. 68 с.

Рут М. Э. Словарь астронимов. Звёздное небо по-русски. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 288 с.

Стafeева О. В. Естественнонаучное и филологическое знание как объект лингвистической категоризации. Космонимы «Солнце» и «Луна» в контексте языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 25 с.

Топорков А. Л. Почему решетом свету наношено? // Русская речь. М.: Наука, 1985. С. 121–123.

Цыпанов Е. А. Еще раз об этимологии слов к. ёшмёс, удм. ошмес, а также к. ёшкамошка // Пермистика-2016. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 338–344.

References

Absemieva L. S. Funktsionirovaniye nazvaniy kozmicheskikh ob"ektov v krymskotatarskom yazyke [Functioning of space objects in the Crimean-Tatar language]. *Yazyk i tekst* [Language and the Text], 2019, vol. 6, issue 1, pp. 122-125. doi 10.17759/langt.2019060120. (In Russ.)

Aybabina E. A., Beznosikova L. M. O nekotorykh narodnykh kosmonimakh i astronimakh v komi yazyke [On certain folk cosmonyms and astronyms in the Komi language]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN* [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences], 2013, issue 2 (14), pp. 96-100. (In Russ.)

Aronov K. G. *Etnolingvisticheskaya priroda narodnykh kosmonimov v kazakhskom yazyke*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The ethnolinguistic nature of folk cosmonyms in the Kazakh language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Alma-Ata, 1992. 22 p. (In Russ.)

Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of Russians on Nature]. Moscow, 1865, vol. 1. 796 p. (In Russ.)

Verkhoturova K. S. Molniya v zerkale dialektnoy nominatsii [Lightning in the mirror of dialect nomination]. *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialect Vocabulary]: a collection of scientific papers. Ed. by M. E. Rut. Yekaterinburg, M. Gorky Ural State University Press, 2007, issue 6, pp. 87-92. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Mifologicheskiy aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [The Mythological Aspect of Slavic Folklore Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)

Zvereva T. V. Raduga: ob odnom opticheskem syuzhete v russkoy poezii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX vekov [Rainbow: About one optical plot in Russian poetry of the end of XVIII – first half of XIX centuries]. *Vestnik udmurtskogo universiteta. Istorya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2015, vol. 25, issue 5, pp. 95-102. (In Russ.)

Mikhaylova I. S. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kosmonimov v raznosistemnykh yazykakh [Natural and cultural specificity of cosmonyms in multi-system languages]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2014, issue 4, pp. 93-98. (In Russ.)

Panyukov A. V. *Raduga v fol'klore komi* [Rainbow in Komi folklore]. *Zhivaya starina* [The Living Old], 2011, issue 3 (71), pp. 25-27. (In Russ.)

Petrich, Neyts, Avilin T. V. *Narodnye nazvaniya Pleyad v slovenskoy traditsii* [Folk names of Pleiades in Slovenian tradition]. *Zhivaya starina* [The Living Old], 2023, issue 2, pp. 2-6. (In Russ.)

Rut M. E. *O proiskhozhdenii russkogo nazvaniya Volosozhary (Pleyady)* [On the etymology of the Russian name of Volosozhary (Pleiades)]. *Uchenye zapiski UrGU* [Scientific Notes of the Ural State University], 1971, vol. 114, issue 18, pp. 154-155. (In Russ.)

Rut M. E. *Russkaya narodnaya astronimiya* [Russian Folk Astronomy]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1987. 68 p. (In Russ.)

Rut M. E. *Slovar' astronimov. Zvezdnoe nebo po-russki* [The Dictionary of Astronyms. The Starry Sky in Russian]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2010. 288 p. (In Russ.)

Stafeeva O. V. *Estestvennoauchnoe i filologicheskoe znanie kak ob"ekt lingvisticheskoy kategorii*

rizatsii: Kosmonimy 'Solntse' i 'Luna' v kontekste yazyka i kul'tury. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Natural-science and philological knowledge as an object of linguistic categorization: The cosmonyms 'Sun' and 'Moon' in the context of language and culture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 25 p. (In Russ.)

Toporkov A. L. *Pochemu reshetom svetu nanosheno?* [Why was the light brought in a sieve?]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 121-123. (In Russ.)

Tsypanov E. A. *Eshche raz ob etimologii slov k. öshmös, udm. oshmes, a takzhe k. öshkamoshka* [Once again on the etymology of the words öshmös ('the well' (Komi), oshmes ('stream', Udmurt), and öshkamoshka ('rainbow', Komi)]. *Permistika-2016. Dialekty i istoriya permeskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami* [Permistika-2016. Dialects and the History of Perm Languages in Interaction with Other Languages]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press, 2017, pp. 338-344. (In Russ.)

Cosmic and Atmospheric Images in Russian and Finno-Ugric Folk Sayings and Superstitions

This research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-20015 'The Komi-Permyaks in the linguistic and ethno-cultural space of Prikamye'

Ivan A. Podyukov

Professor in the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Language Teaching

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaia st., Perm, 614990, Russia. podjukov@yandex.ru

SPIN-code: 8516-2258

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Ekaterina N. Svalova

Senior Researcher in the Department of History, Archaeology and Ethnography

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614000, Russia. svalova87@mail.ru

SPIN-code: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Submitted 28 Oct 2024

Revised 12 Nov 2024

Accepted 14 Jan 2025

For citation

Podyukov I. A., Svalova E. N. *Kosmicheskie i atmosfernye obrazy v russkikh i finno-ugorskikh narodnykh primetakh i sueveriyakh* [Cosmic and Atmospheric Images in Russian and Finno-Ugric Folk Sayings and Superstitions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 44-52. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-44-52. EDN TUMVGH (In Russ.)

Abstract. Based on the facts of vocabulary and phraseology of Russian folk dialects and the Finno-Ugric languages (Udmurt, Komi-Permyak, Komi-Zyrian), the article deals with folk cosmonyms (the names of planets, stars, and constellations) and examines the names of atmospheric phenomena (thunderstorm and lightning, dawn and rainbow). The study identifies motivational attributes that underlie figurative nominations and metaphoric characteristics of celestial events and objects. On the basis of the dialect data and folklore (riddles, ditties, and folk sayings), the mythological grounds behind the figurative names of celestial events and the nature of such figurativeness are revealed. There is noted an increased significance of celestial symbolism for the emergence of folk sayings related to weather changes, labor activities, historical events, and people's destinies. Mythologisms of folk speech that are used to characterize the unknown remain in demand among the inhabitants of certain localities, they arrange the previous cultural experience of human interaction with nature and motivate the folk sayings, which continue to be the guiding points for human economic activities. Furthermore, since the images of the upper world are widely used in literary and folklore texts, the article describes their mythological and poetic potential. The study reveals a significant number of typologically similar figurative names of cosmic and atmospheric objects in languages having different structures, traces how the peculiarities of the ethnic worldview are reflected in the studied nominations. The authors draw a conclusion about a high linguocultural intensity of vocabulary and phraseology related to the celestial sphere.

Key words: cosmonym; mythologisms in a language; Russian and Finno-Ugric languages; the symbolism of folk sayings.

УДК 81'367.626.1

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-53-61

<https://elibrary.ru/vmfysw>

EDN VMFYSW

Личные местоимения в грамматиках второй половины XVIII – начала XIX века и антропоцентричность русского языка

Савельев Виктор Сергеевич**д. филол. н., профессор кафедры русского языка**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. alfertinbox@mail.ru

SPIN-код: 2780-5227

IstinaResearcherID (IRID): 4440976

*Статья поступила в редакцию 16.08.2024**Одобрена после рецензирования 21.10.2024**Принята к публикации 10.12.2024***Информация для цитирования**

Савельев В. С. Личные местоимения в грамматиках второй половины XVIII – начала XIX века и антропоцентричность русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-53-61. EDN VMFYSW

Аннотация. Статья посвящена определению особенностей сочетаемости личных местоимений и оценочной лексики в русском языке второй половины XVIII – начала XIX в. на материале грамматик русского языка. Устанавливается, что отмеченная А. П. Сумароковым особенность иллюстрирования использования личных местоимений в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова, состоящая в том, что в приводимых им примерах указываются положительные качества говорящего (1-е лицо) и отрицательные характеристики других людей (2-е и 3-е лица), свойственна также и другим грамматикам русского языка, написанным после издания ломоносовского труда. Анализ приводимых примеров позволил выделить типы конструкций, в которых положительные и отрицательные качества субъектов устанавливаются на основе их отношения к другим участникам ситуации или безотносительно к ним, выражены вербально, в том числе при помощи перформативов, или выводятся как импликатуры. Высказывается предположение, что установленная закономерность имеет объективный характер, отражая одну из норм использования русского языка, связанную с его антропоцентричностью: в большинстве случаев говорящий стремится дать положительную оценку себе и критически относится к качествам других. Обнаруживается, что отмеченное лингвистами ХХ–XXI вв. ограничение сочетаемости местоимений 1-го лица, состоящее в невозможности их использования с лексемами, отрицательное значение которых имеет коннотативный характер, также подтверждается примерами грамматик второй половины XVIII – начала XIX в. и, таким образом, имеет традиционный характер.

Ключевые слова: грамматики русского языка XVIII в.; М. В. Ломоносов; А. П. Сумароков; личные местоимения; антропоцентричность.

Введение

Одним из хорошо известных фактов истории русской словесности середины XVIII в. являются непростые отношения, существовавшие между двумя выдающимися деятелями той эпохи – М. В. Ломоносовым и А. П. Сумароковым. История их конфликта неоднократно становилась

объектом изучения в исследованиях начиная с середины XIX в. ([Булич 1854: 52–60]) и до наших дней ([Гринберг, Успенский 2001], [Осповат 2005], [Костин 2013]). В частности, в статье Ю. В. Сложениной и А. В. Растигаяева анализируется написанный А. П. Сумароковым текст «Истолкование личных местоимений, я, ты, он,

мы, вы, они», опубликованный им в апрельском номере журнала «Трудолюбивая Пчела» в 1759 г. Как указывают авторы, «сатирическим объектом первой половины сумароковской статьи <...> становится Наставление пятое, О вспомогательных или служебных частях слова; Глава I, О местоимении «Российской грамматики» Ломоносова. В этой главе всего 9 параграфов (§§ 423–432), 8 первых содержат собственно грамматический материал: классификацию местоимений и paradigmы их склонения. А вот последний, 432 параграф, имеет характер примечания и иллюстрируется ломоносовскими примерами» [Сложеникина, Растворяев 2019: 98]. Именно приводимые примеры пародируются А. П. Сумароковым, обратившим внимание на то, что в большинстве случаев М. В. Ломоносов подбирает такие предложения, в которых субъектам, называемым местоимениями 1-го лица, приписываются положительные качества (например: Я себѣ не лъщу; <...> я своихъ родителей почитаю; мы своихъ денегъ не жалѣмъ (Ломоносов 1755: 174)), в то время как называемым местоимениями 2-го и 3-го лица – отрицательные (например: Ты себя хвалишь; вы себѣ прибыли ищете; онъ самъ себѣ злодѣй; они живутъ собою (Ломоносов 1755: 174)).

А. П. Сумароков разрабатывает «правила» употребления личных местоимений, указывая в качестве основания их использования стремление говорящего дать высокую оценку себе и уничижительную – другому: «Я есть мѣстоименіе перваго лица, числа единственаго. Сіе мѣстоименіе для изъясненія чего нибудь худовани когда не полагается, но всегда для изъясненія добра, и по большей части несправедливо. На пр: Я человѣкъ разумный, ученый, честный и пр. <...> Отрицательное относится къ третьему лицу, на пр: Онъ человѣкъ неразумный, неученый, нечестный и пр: не рѣдко относится отрицаніе и къ третьему лицу множественнаго, на пр: Они люди нечестныя. В брани относится отрицаніе и ко второму лицу единственаго, на пр: Ты человѣкъ нечестный <...>» (Сумароков 1759: 225, 226). В итоге, как отмечают Ю. В. Сложеникина и А. В. Растворяев, «за простыми с точки зрения смысла и с позиций синтаксиса примерами Сумароков увидел и портрет личности Ломоносова, и картину эпохи» [Сложеникина, Растворяев 2019: 98].

Исследование

Вероятно, остроумное наблюдение А. П. Сумарокова можно было бы считать определенным показателем его личного отношения к оппоненту, однако, как показывает анализ грамматик второй половины XVIII – начала XIX в., создан-

ных после ломоносовского труда¹, отмеченная А. П. Сумароковым особенность не является уникальной: в большинстве грамматик наблюдается та же дистрибуция оценочных предложений, в которых субъект речи совпадает (1-е лицо = говорящий) vs. не совпадает (2-е и 3-е лицо = не-говорящий) с субъектом пропозиции².

1. Говорящему свойственны следующие положительные качества:

- богобоязненность <1> *Боюсь грѣха отъ Бога* (Российская грамматика 1981: 206)³;
- миротворчество <2> *Ежели ты и твой сосьѣдъ мира желаете, то я и мой пріятель не отречемся* (Российская грамматика 1981: 195), <3> *Они долго съ нимъссорились; но я ихъ помириль* (Соколов 1788: 97);
- неспособность к подлости <4> *хотябъ то жизні моей стоило я бы неучинилъ такой подлости* (Курганов 1769: 80);
- осознание своего социального статуса <5> *мы себя помнимъ* (там же: 27)⁴;
- почтение к родителям <6> *я своихъ родителей почитаю* (Краткие правила 1784: 136), <7> *Отецъ и мать моя равно мнѣ любезны* (Соколов 1788: 73);
- правдивость <8> *лгать не наше дѣло* (Курганов 1769: 56);
- способность признать свои проступки, ошибочность точки зрения <9> *я думалъ, что онъ имъ другъ* (Краткие правила 1784: 225), <10> *Признаюся въ проступкѣ* (Соколов 1788: 102);
- способность быть благодарным <11> *За ваши ко мнѣ милости во всю жизнь благодарить буду* (там же: 88), <12> *Я васъ благодарить буду, если отъ такихъ хлопотъ меня избавите* (там же: 93), <13> *Я васъ благодарю, что показали мнѣ средства къ счастливой жизни* (там же: 94);
- способность прислушиваться к советам, к критике <14> *Отнынѣ всегда совѣтамъ вашимъ послѣдовать буду* (там же: 87), <15> *Ябъ и теперь о томъ разсуждалъ несправедливо, если бы вы меня не вывели изъ заблужденія* (там же: 92), <16> *Онъ предписалъ мнѣ правила, какимъ образомъ жить должно* (там же: 94), <17> *Послѣдую мудрымъ твоимъ совѣтамъ* (там же: 105);
- способность прощать чью-л. вину <18> *мы ему вину прощаемъ, или вина ему отъ насъ прощается* (Курганов 1769: 63);
- способность прощать долги <19> *Для твоей бѣдности тебѣ прощаю* (Соколов 1788: 110);
- способность радоваться за других <20> *Услышавъ о благополучіи вашемъ, я весьма обрадовался* (Российская грамматика 1802: 240);
- стремление быть стойким, готовым к преодолению испытаний <21> *Мы должны предуготовить себя къ снесенію въ жизни всѣхъ противностей* (там же: 274);

– стремление воспитать (кого-л.) <22> Я *старался о добромъ твоемъ воспитаніи, но странія мои были тщетны* (Соколов 1788: 103);

– стремление к совершению добрых дел <23> Я *намѣренъ былъ сдѣлать доброе, но меня съпути збили* (там же: 93);

– честный труд <24> Я *живу жалованьемъ, а не взятками или лихомиствомъ* (Курганов 1769: 63).

Как видно из примеров, в некоторых из них субъект выражен только грамматически: <1>, <10>, <11>, <14>, <17>, <19>. В ряде случаев говорящий (Г) является не единственным актантом пропозиции: то, какую характеристику он получает, зависит от его отношения к другому участнику – собеседнику (С) или лицу, не участвующему в диалоге (неГС) (здесь и далее первым указывается лицо – носитель признака): а) Г – С <2>, <11>–<15>, <17>, <19>, <20>, <22>, б) Г – неГС <3>, <6>, <7>, <9>, <16>, <18>, <23>. Примечательно, что положительное качество говорящего в этом случае может быть противопоставлено отрицательной характеристике второго участника пропозиции: <3> – говорящий *мирит ссорящихся*, <18> – *простить вину можно тому, кто виноват*, <23> – *сделать доброе* говорящему *помешали третья лица, дурно на него повлиявшие*, <24> – говорящий *живет жалованьемъ*, в то время как другие живут *взятками и лихомиствомъ*. Следует обратить внимание на то, что в <23> и <24> второй участник не упоминается, информация о нем является имплицитной. Импликатуры выводятся и в тех случаях, когда говорящий является единственным участником ситуации: <4> – *неспособность к подлости* говорящего подразумевает то, что к ней способны другие, <8> – «*лгать не наше дѣло*» одновременно означает «*лгать – чужое дѣло*» и т. п. Как импликатура может выводиться и сама характеристика говорящего: в <9> слова *я думаль* могут быть оценены как релевантные только в том случае, если говорящий поменял свою точку зрения (ср. с высказыванием *Онъ имъ другъ – очевидно, что говорящий высказывает актуальное мнение*), а значит, способен признавать свою неправоту в прошлом. Необходимо также отметить, что в некоторых предложениях положительное качество говорящего становится очевидным, поскольку его высказывания содержат перформативы: <10> – *признаюся*, <13> – *благодарю*.

2. Собеседнику и/или лицу, не участвующему в диалоге, свойственны следующие отрицательные качества:

– безрассудство <25> *Безразсудность твоя ввернула тебя въ ровъ погибели* (Соколов 1788: 96);

– бесчинство <26> я *не могу терпѣть, чтобы онъ поступалъ такъ бесчинно* (Российская грамматика 1981: 216), <27> *видано ли чтобы кто поступалъ такъ бесчинно?* (там же);

– вспыльчивость, склонность ссориться <28> *Онъ за самую бездѣлицу серживался* (Соколов 1788: 87);

– грубое обхождение <29> *Не даль мнѣ выговарить ни слова, и збить съ глазъ* (там же: 93);

– деятельность во вред (субъект является источником чьих-л. бед, обижает кого-л., представляет опасность для кого-л.) <30> *горе мнѣ жить съ тобою!* (Российская грамматика 1981: 231), <31> *онъ самъ себѣ злодѣй* (Краткие правила 1784: 136), <32> *Я много досадѣ отъ него терпилъ* (Соколов 1788: 87), <33> *Хотя онъ тебѣ и обидѣль, но ты вдвое ему за то отмстѣ* (там же: 94), <34> *Мнѣ совсѣмъ, чтобы я сего остерегался* (там же: 99), а также <18>;

– злонравие <35> *Мать причиною (есть) его злонравія, и получить за то, отъ него жь самаго достойное но не пріятное воздаяніе* (Российская грамматика 1981: 230);

– избалованность <36> *Мать изнѣжила его и избаловала* (там же), <37> *Мать нѣжѣсть его чрезмѣрно, и уже весьма испортила* (там же);

– день, нерадение <38> *Вы всегда убѣгали отъ трудовъ, упражнялися въ лѣнности, теряли напрасно время, не употребляли его на науки* (Соколов 1788: 86), <39> *Твое нерадѣніе причиною, что тебѣ отрѣшили отъ мѣста* (там же: 93), <40> *Мы трудимся, а они гуляютъ* (там же: 85);

– мстительность см. <33>;

– невоспитанность см. <22>;

– неспособность к раскаянию <41> *Я ожидалъ отъ тебѣ раскаянія* (там же: 90);

– постыдное поведение <42> *стыжусь васъ въ семъ* (Российская грамматика 1981: 206);

– похвальба <43> *ты себя хвалишь* (Краткие правила 1784: 136), <44> *Онъ выдаетъ себя великимъ искусствникомъ* (Российская грамматика 1981: 211);

– присвоение чужого имущества <45> *Онъ все его имѣніе прибралъ къ своимъ рукамъ* (Соколов 1788: 95);

– равнодушіе, нежелание помочь <46> *Я самъ открылъ мои нужды, прибѣгнулъ къ вашему покровительству; но вы приять меня подъ оное отреклися* (там же: 86, 87), <47> *Онъ просялъ у тебѣ милости; но ты ему оной не здѣль* (там же: 91), <48> *Я жаловался вамъ на него, но вы мнѣ никакаго удовольствія не здѣли* (там же: 103), <49> *Я отъ васъ надѣялся покровительства, защищенія* (Российская грамматика 1802: 297);

- ростовщичество, воровство <50> «лихомство и похищениe ихъ прибытокъ» (Курганов 1769: 56);
- себялюбие <51> *ты себя любишь, вы себя любите* (там же: 27), <52> *Вы себя только изъ всѣхъ людей, изъ всего человѣческаго рода любите* (Российская грамматика 1981: 192), <53> *онъ себѣ нравится* (Курганов 1769: 27);
- склонность к обману <54> *они думали обмануть насъ* (Краткие правила 1784: 225);
- склонность к шалостям <55> *Онъ такъ привыкъ къ шалостямъ, что ничтъмъ его отъ нихъ не отвадишь* (Соколов 1788: 93), а также <3>;
- склонность насмехаться (над кем-л.) <56> *онъ надъ тобою только насмѣхается* (там же: 103);
- склонность огорчать кого-л. <57> *другомъ моимъ я огорченъ* (Краткие правила 1784: 45);
- склонность оказывать дурное влияние см. <23>;
- склонность распускать слухи <58> *Либо Петръ, либо Павелъ, у коихъ ты вчерась былъ, этотъ слухъ про тебя пустили* (Российская грамматика 1981: 188), <59> *Петръ съ Павломъ, которыхъ ты друзьями себѣ почитаешь, это о тебѣ разгласили* (там же);
- страсть к азартным играм <60> *она, великой игрокъ, проиграла* (там же: 183);
- стяжательство <61> *вы себѣ прибыли ищете* (Краткие правила 1784: 136);
- хитрость <62> *онъ самой дока, т. е. великий хитрецъ* (Курганов 1769: 27).

Так же, как и в случае с положительными характеристиками, негативное качество субъекта может проявляться в его отношении к другим эксплицитно выраженным участникам пропозиции, причем субъектная перспектива высказываний может различаться: а) С – Г <30>, <46>, <48>, <49>; б) С – неГС <33>, <47>; в) неГС – Г <18>, <29>, <32>, <34>, <54>, <57>; г) неГС – С <33>, <56>, <58>, <59>; д) неГС1 – неГС2 <35>, <36>, <37>, <45>. В некоторых случаях субъект приносит вред самому себе: а) С – С <25>, <39>; б) неГС – неГС <31>. Чаще встречаются примеры, в которых субъект действует в интересах самого себя: а) С – С <43>, <51>, <52>, <61>; б) неГС – неГС <44>, <53> – интересно, что если бы он действовал в интересах других, это характеризовало бы его положительно (ср. <51>, <52>, <53> и <6>, <7>). В ряде примеров второй участник не назван, но подразумевается: <50> – *лихомство и похищениe возможны при наличии тех, на кого они направлены*; <60> – *проигрыши возможен при наличии второго игрока*. Обнаруживаются предложения, в которых лицо-носитель признака не выражен лексически: <23> – форма 3-го лица множественного числа глагола указы-

вает на неперсонифицированный субъект, не участвующий в диалоге; <29> – по форме прошедшего времени глагола не представляется возможным установить, является ли субъект собеседником или не участвует в диалоге. В некоторых предложениях отрицательная характеристика выводится как импликатура: субъект-говорящий или выражает свое недовольство объектом (<42> *стыжусь васъ въ семъ > ваше поведение постыдно*), или сообщает о своих несбытиях ожиданиях в отношении действий объекта (<22> *Я старался о добромъ твоемъ воспитаніи, но старанія мои были тщетны > ты невоспитан*, <41> *Я ожидалъ отъ тебя раскаянія > ты не раскаялся*, <49> *Я отъ васъ надѣялся покровительства, защищенія > вы не оказали мне помощи*).

3. Некоторые из приведенных примеров показывают, что как говорящему могут быть свойственны отрицательные качества (например: <10> *Признаюся въ проступкѣ > Я совершил проступок*), так и не-говорящий может характеризоваться положительно (например: <11> *За ваши ко мнѣ милости во всю жизнь благодарить буду > Вы оказываете мне благодеяния*).

Говорящему свойственны отрицательные качества:

– вынесение несправедливых оценок <63> *Ябъ и теперь о томъ разсуждалъ несправедливо, если бы вы меня не вывели изъ заблужденія* (Соколов 1788: 92);

– нарушение установленных норм, правил, см. <10>.

Собеседнику и/или лицу, не участвующему в диалоге, свойственны положительные качества:

– доброта <64> *Онъ человѣкъ добрый* (Российская грамматика 1981: 194);

– сдержанность <65> *онъ бы не осердился хотѣбъ ты съ нимъ и не простился* (Курганов 1769: 80);

– способность к дружбе <66> *я уповаъ на твою ко мнѣ дружбу* (Соколов 1788: 83), <67> *Я чту тебя за вѣрнаго мнѣ друга* (там же: 97), <68> *Я мню, считаю, что сей человѣкъ вамъ другъ, что сія поїздка вамъ полезна, сіе происшествіе вамъ полезно, сіи люди вамъ друзья, сіи книги, дѣла, вамъ полезны* (Российская грамматика 1981: 217), а также <57>;

– способность оказывать положительное влияние <69> *Поводись съ нимъ, онъ доведетъ тебя до добра* (Соколов 1788: 91);

– способность радовать <70> *Вы, утѣха намъ всегдашия, обрадовали насъ и нынѣ* (Российская грамматика 1981: 183);

– старательность <71> *Надлежитъ отдать справедливость вашему старанію* (там же: 202);

- стремление к примирению <72> онъ думаль съ ними примириться (Краткие правила 1784: 225);
- ум <73> о! умной человѣкъ (там же: 241);
- целомудрие <74> Онъ дѣвицы честныя (Российская грамматика 1981: 194);
- честность <75> я его почитаю честнымъ человѣкомъ (там же: 211), <76> Всѣ признаютъ его за человѣка честнаго (Соколов 1788: 97).

Достаточно часто характеристика субъекта выводится на основе оценки его отношения к другому участнику ситуации, при этом во всех случаях оба участника эксплицированы: а) С – Г <66>, <67>, <70>, б) неГС – С <65>, <66>, <69>, в) неГС1 – неГС2 <72>. В <10> и <69> субъект выражен исключительно грамматически, а в <73> субъект не упоминается. В связи с этим истолкование данного предложения может быть различным, однако, и это важно, для носителя русского языка оно: а) не связано с подразумеваемым субъектом-говорящим, б) скорее будет истолковано как сообщение о признаке лица, не участвующего в диалоге⁵.

4. Рассмотренные примеры <1>–<76> иллюстрируют те положительные и отрицательные качества, которые свойственны исключительно говорящему или *не*-говорящему. Однако обнаруживаются и такие характеристики, которые, согласно грамматикам, присущи любым субъектам. В большинстве случаев речь идет о положительных свойствах:

- заботливость, проявляемая в благопожеланиях, добрых и/или мудрых советах, разъяснениях Г <77> желаю вамъ благополучія (Российская грамматика 1981: 202), <78> Я желаю вамъ здравствовать (там же: 217), <79> Я говорю сіе въ твою пользу (Соколов 1788: 82), <80> Я говорю дѣло, а ты не слушаешь (там же: 85), <81> Я вамъ подаваль добрые совѣты; но вы ихъ пренебрегали (там же: 86), а также <68>, <69> vs. С см. <13>, <15>, <17> vs. неГС <82> Онъ мнѣ часто говориваль, но я его не слушаль (там же: 87), <83> Онъ не допустить васъ до такой крайности (там же: 91), а также <16> и <34>;

– способность к положительнй оценке Г <84> ты мною поченъ (Курганов 1769: 59), <85> о какъ вы умно здѣлали! (там же: 80), а также <64>, <67>, <70>, <71>, <73>, <74>, <75> vs. неГС <86> И тотъ, и этотъ, съ которыми ты видѣлся вчера, полезнымъ образомъ послѣ о тебѣ отзывались (Российская грамматика 1981: 188), а также <76>;

– стремление помочь, оказание помощи Г <87> мы думали тѣмъ усугубить ему (Краткие правила 1784: 225), <88> И пишу письма, и хожжу, и унижаюсь предъ ними, и стараюсь о семъ дѣлъ и проч. все для тебя (Российская грамма-

тика 1981: 203), <89> охотно удовлетворю же-ланіямъ вашимъ (Соколов 1788: 83), <90> Все, что только ни попросите, для васъ здѣлаю (там же: 88), <91> ради тебя это здѣлаю (там же: 111) vs. С <92> Онъ совсѣмъ бы погибъ, если бы попеченіе ваше не спасло его отъ сихъ напастей (там же: 93), а также <11> vs. неГС <93> Онъ не допустить васъ до такой крайности (там же: 91);

– трудолюбие Г <94> Щедрость ваша къ по-несенію дальниѣшихъ трудовъ меня поощряеть (там же: 95), а также <40> vs. неГС <95> его къ должности раченіе причиною, что онъ скоро достигъ до высокаго достоинства (там же: 92);

– щедрость Г <96> мы денегъ своихъ не жалѣмъ (Краткие правила 1784: 136) vs. С см. <94>.

В большинстве случаев характеристика субъекта устанавливается на основании оценки его отношения к другому участнику ситуации, причем оба участника эксплицированы: а) Г – С <67>, <68>, <77>–<81>, <84>, <88>–<91>, б) Г – неГС <75>, <87>, в) С – Г <11>, <13>, <15>, <17>, г) С – неГС <92>, д) неГС – Г <16>, <82>, е) неГС – С <83>, <86>, <93>, ё) неГС1 – неГС2 <76>. При этом в <11>, <77>, <89>–<91> субъект, а в <17> второй участник выражены исключительно формами глаголов 1-го лица единственного числа. В <34> лицо – носитель признака не выражен лексически: форма множественного числа прошедшего времени глагола указывает на неперсонифицированный субъект, не участвующий в диалоге. В <64>, <69>–<71>, <73>, <74>, <85> информация о том, что субъектом-носителем признака «заботливость <...>» или «способность к положительнй оценке» является говорящий, выводится как импликатура: отсутствие авторизаторов в суждениях типа <64> Онъ человѣкъ добрый свидѣтельствует о том, что субъектом оценки является говорящий.

Наиболее интересной представляется субъектная перспектива предложения <69> Поводись съ нимъ, онъ доведеть тебя до добра дѣла: участниками пропозиции являются собеседник (выражен грамматически) и лицо, не участвующее в диалоге; говорящий формально не назван, но использование формы императива говорит о волеизъявлении говорящего, дающего совет собеседнику. В том же предложении примечательно использование двух глаголов, употребление которых с точки зрения современного носителя языка указывает на отрицательное влияние (ср. с пословицей «С кемъ поведешься, от того и наберешься» и устойчивым сочетанием «до добра не доведет»), в то время как в грамматике XVIII в. речь идет о влиянии положительном.

Обнаруживается также и отрицательное качество – неспособность воспринимать советы, приписываемое любым субъектам в ситуациях с двумя эксплицированными участниками: Г – нeГС см. <82> vs. С – Г см. <80>, <81>.

5. Наконец, в нескольких предложениях указывается положительная характеристика «парного субъекта» – говорящего, действующего совместно с кем-л.:

– любовь к детям <97> *Мать его, и я, любили его какъ должно, и весьма старались о его воспитаніи* (Российская грамматика 1981: 230);

– способность радоваться за других <98> *Братъ мой и я радуемся, что вы здоровы* (Российская грамматика 1802: 281) (ср. с <20>).

В обоих случаях характеристика субъекта устанавливается на основании оценки отношения к третьему участнику ситуации: <97> (Г + нeГС1) – нeГС2, <98> (Г + нeГС) – С.

6. Как мы видим, согласно приводимым в грамматиках второй половины XVIII – начала XIX вв. примерам, говорящему свойственно 21 положительное и 3 отрицательных, *неговорящему* – 15 положительных и 26 отрицательных качеств. Таким образом, обнаруженная А. П. Сумароковым особая дистрибуция оценочных предложений, иллюстрирующих употребление личных местоимений, характеризует не только труд М. В. Ломоносова, но и другие грамматики.

Подобное положение дел находит объяснение в лингвистических исследованиях XX–XXI вв., связывающих различные языковые факты с *антропоцентричностью* языка. Согласно Ю. Д. Апресяну, «в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1995: 272]. В частности, это касается реализации универсального концепта «*свой* vs. *чужой*»: «Противопоставление “своего” и “чужого” мира является доминантным в мировой культуре с самых древнейших времен. Оно укоренено в коллективном бессознательном и так или иначе воплощается во всех языках. Думается, что его не всегда осознаваемое носителями языка присутствие в современных речевых практиках обуславливает такую семантическую особенность нереферентных употреблений *МЫ* и *ВЫ*, как имплицитная коннотативно-оценочная семантика, которая актуализуется в определенных контекстуальных условиях: *МЫ* → ‘соответствующие норме, правильные, хорошие’, а *ВЫ* → ‘не соответствующие норме, неправильные, плохие’. Причем подобные оценочные импликации не рационализируются, не

верифицируются, никак не мотивируются реальным положением вещей – они действуют “по умолчанию”» [Гранева 2022: 342].

Неудивительно, что в связи с этим в языке существуют определенные ограничения в сочетаемости личных местоимений и оценочных слов: «Особый класс слов, не сочетающихся с 1-м лицом, образуют такие глаголы, в значение которых входит отрицательная оценка субъекта некоторого действия или состояния (ср.: Вольф 1982); ср. *Он психует* (или *Ну что ты психуешь?*) и **Я психую*; *Он повадился* и **Я повадился*, а также **Я брешиу*; **Я вытендриваюсь*, **Я много о себе воображаю*; **Я дурю*, **Я ворчу*, **Я брюжжу*, **Я не почесался*, чтобы ему помочь, **Я здесь околачиваюсь* <...> Человек может сообщать о себе нечто дурное (*Я убил человека, Я над тобой издеваюсь*), не порождая аномальных высказываний, т. е. не нарушая языковых норм. Аномалия возникает тогда, когда компонент с отрицательной оценкой субъекта состояния или действия входит не в основное содержание лексемы, а в ее коннотацию» [Падучева 2010: 141]. Как нам кажется, и в предложениях XVIII в. обнаруживаются такие, в которых замена местоимения 2-го или 3-го лица на местоимение 1-го лица породила бы речевую ошибку: <44> **Я выдаю себя великимъ искусствникомъ*, <45> **Я все его имъніе прибраль къ своимъ рукамъ*, <56> **Я надъ тобою только настмѣхаюсь*, <61> **Я себѣ прибыли ишу*.

Интересно также, что «наблюдение» А. П. Сумарокова, согласно которому «когда похулильное прилагательное ставится, тогда къ первымъ лицамъ обѣихъ числъ прикладывается отрицательное, а у прочихъ отъемляется ; на пр : Я человѣкъ неглупый , я человѣкъ нескупой , мы люди неглупыя , нескупыя и пр» [Сумароков 1759: 226], подтверждается как примерами грамматик (см. <4>, <8>, <24>, <96>), так и данными современной лингвистики: «В контексте отрицания аномальность может исчезать. Так, фразы *Я не ворчу*, *Я не вытендриваюсь* нормальны как выражение на чье-то обвинение» [Падучева 2010: 141].

Заключение

Таким образом, пародируемые А. П. Сумароковым особенности использования личных местоимений свойственны не только труду М. В. Ломоносова, но и другим грамматикам второй половины XVIII – начала XIX в. Безусловно, подбор схожих по семантике примеров в грамматиках можно оценить как результат того влияния, которое оказала на современников и потомков «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, но более вероятным объяснением, на

наш взгляд, является то, что выбор примеров, иллюстрирующих использование личных местоимений, был обусловлен следованием одной из норм речевой деятельности, связанных с антропоцентричностью русского языка: говорящий чаще критически оценивает других, реже – самого себя. Как мы видим, данная норма реализуется в речи носителей языка как XVIII–XIX вв., так и XX–XXI вв. и имеет традиционный характер.

Примечания

¹ В доломоносовских грамматиках, таких как «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (1596), «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (1619), «Грамматика» В. Е. Адодурова (1740), примеры, иллюстрирующие употребление личных местоимений, не обнаруживаются. Таким образом, М. В. Ломоносов является первым ученым, в грамматике которого личное местоимение изучается с привлечением материала исследования, что является необходимым с точки зрения современной лингвистики: именно такой подход реализуется в фундаментальных исследованиях местоимений [Супрун 1971; Вольф 1974; Виноградов 1986; Селиверстова 1988; Петрова 1995; Шведова 1998; Майтинская 2009; Падучева 2010].

² В рамках данного исследования мы не учитываем «количественную» характеристику субъектов, употребляя термины «говорящий» и «собеседник» для обозначения как индивидуального (1-е л и 2-е лицо единственного числа), так и группового субъекта (1-е л и 2-е лицо множественного числа), включающего в качестве участника индивидуальный субъект (1 л Мн = «я + не-я»; 2 л Мн = «ты + не-ты»).

³ Издание «Российской грамматики» А. А. Барсова 1788 г.

⁴ «Помнить себя. Знать свое место, положение» [Словарь... 2015: 232]. Ср. современное «Опомнись!».

⁵ А. А. Шахматов приводит многочисленные «примеры для пропуска ожидаемых местоимений он, она, они», в том числе «Что говорить! Страгий человек-с. Бедн. не пор. I; <...> Поводья затянул, Ну жалкий же ездок. Г. от у. II, 7; <...> Славная девушка, что-то из нее выйдет. Двор. гн. XVIII; <...> Глупый человек-с, – промолвил он, когда тот ушел. Тург. Льгов» [Шахматов 2001: 237], упоминая, что «обычно опускается подлежащее, соответствующее 3-му лицу» [Шахматов 2001: 236].

Список источников

Краткие правила российской грамматики, собранные и вновь дополненные из разных российских грамматик, в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского Московского

университета. М.: В Университетской Типографии, 1784. 250 с.

Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку. СПб.: 1769. 424 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1755. 213 с.

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / под ред. и с пред. Б. А. Успенского. М.: Издательство Московского университета, 1981. 777 с.

Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802. 355 с.

Соколов П. И. Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в гимназии при Императорской Академии наук юношества составленные. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1788. 147 с.

Сумароков А. П. Истолкование личных местоимений я, ты, онъ, мы, вы, они // Трудолюбивая Пчела. СПб.: Тип. Акад. наук, 1759. С. 225–229.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Дейк丝绸之路 и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 272–298.

Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб.: В Типографии Эдуарда Праца, 1854. 288 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 642 с.

Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.

Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2022. 498 с.

Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – нач. 1750-х гг. М.: РГГУ, 2001. 144 с.

Костин А. А. Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг. (из комментариев к письмам Сумарокова) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. № 7. С. 107–113.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 312 с.

Осповат К. А. Литературный спор Ломоносова и Сумарокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 6-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 296 с.

Петрова Н. А. Личные местоимения в коммуникативном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 1995. 241 с.

Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.

Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 21. Подоба – Помощный. СПб.: Наука, 2015. 239 с.

Сложеникина Ю. В., Растиагаев А. В. Личные местоимения – знак личности и эпохи (на материале статьи А. П. Сумарокова «Истолкование личных местоимений я, ты, он, мы, вы, они», 1759) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3 (33). С. 96–103. doi 10.24411/2070-0695-2019-10312

Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 133 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

References

Арсеньев Ю. Д. Декисис в лексике и грамматике и наивной модели мира [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, LRC Publishing House, 1995, vol. 2 Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and system lexicography], pp. 272-298. (In Russ.)

Булич Н. Н. *Sumarokov i sovremennaya emu kritika* [Sumarokov and Contemporary Criticism]. St. Petersburg, Publishing House of Eduard Prats, 1854. 288 p. (In Russ.)

Виноградов В. В. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Doctrine of Words)]. 3rd rev. ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 642 p. (In Russ.)

Вольф Е. М. *Grammatika i semantika mestoimeniy* [Grammar and Semantics of Pronouns]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 224 p. (In Russ.)

Гранева И. Ю. *Russkie lichnye mestoimeniya v svete integral'nogo opisanija yazyka: kommunikativno-pragmatische, lingvokulturologicheskie i kognitivno-diskursivnye aspekty*. Diss. dokt. filol. nauk [Russian personal pronouns in the light of an integral description of the language: communicative-pragmatic, linguocultural, and cognitive-discursive aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2022. 498 p. (In Russ.)

Гринберг М. С., Успенский Б. А. *Literaturnaya voyna Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh - nach. 1750-kh gg* [The Literary War Between Tre-

diakovsky and Sumarokov in the 1740s – early 1750s]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001. 144 p. (In Russ.)

Костин А. А. *Otnosheniya Lomonosova i Sumarokova v 1758–1760 gg. (iz kommentariev k pis'mam Sumarokova)* [Relations Between Lomonosov and Sumarokov in 1758s–1760s (from comments to Sumarokov's letters)]. *Chteniya Otdela russkoj literatury XVIII veka* [Readings of the Department of Russian Literature of the 18th Century], 2013, issue 7, pp. 107-113. (In Russ.)

Майтinskaya K. E. *Mestoimeniya v yazykakh raznykh system* [Pronouns in Languages of Different Systems]. 2nd rev. ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009. 312 p. (In Russ.)

Осповат К. А. *Literaturnyy spor Lomonosova i Sumarokova*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Literary dispute between Lomonosov and Sumarokov. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 24 p. (In Russ.)

Падучева Е. В. *Vyskazyvanie i ego sootnosenie s deystvitel'nost'yu* [An Utterance and Its Correlation with Reality]. 6th revised ed. Moscow, LKI Publ., 2010. 296 p. (In Russ.)

Петрова Н. А. *Lichnye mestoimeniya v kommunikativnom aspekte*. Diss. kand. filol. nauk [Personal pronouns in the communicative aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Cherepovets, 1995. 241 p. (In Russ.)

Селиверстова О. Н. *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in Language and Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 151 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015, issue 21. 239 p. (In Russ.)

Слозженкина Ю. В., Растиагаев А. В. *Lichnye mestoimeniya – znak lichnosti i epokhi* (na materiale stat'i A. P. Sumarokova 'Istolkovanie lichnykh mestoimeniy ya, ty, on, my, vy, oni', 1759) [Personal pronouns – a sign of personality and epoch (in the article by A. P. Sumarokov 'Interpretation of personal pronouns I, you, he, we, you, they', 1759)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: A Problem Field of Media Education], 2019, issue 3 (33), pp. 96-103. doi 10.24411/2070-0695-2019-10312. (In Russ.)

Супрун А. Е. *Chasti rechi v russkom yazyke* [Parts of Speech in the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 133 p. (In Russ.)

Шахматов А. А. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian Language Syntax]. 3rd ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p. (In Russ.)

Шведова Н. Ю. *Mestoimenie i smysl* [A Pronoun and Meaning]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 176 p. (In Russ.)

Personal Pronouns in Grammars of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries and the Anthropocentricity of the Russian Language

Victor S. Savelyev

Professor in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia. alfertinbox@mail.ru

SPIN-code: 2780-5227

IstinaResearcherID (IRID): 4440976

Submitted 16 Aug 2024

Revised 21 Oct 2024

Accepted 10 Dec 2024

For citation

Savelyev V. S. Lichnye mestoiimeniya v grammatikakh vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX vekov i antropotsentrnost' russkogo yazyka [Personal Pronouns in Grammars of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries and the Anthropocentricity of the Russian Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-53-61. EDN VMFYSW (In Russ.)

Abstract. The article establishes the features of compatibility of personal pronouns and evaluative vocabulary in the Russian language of the second half of the 18th – early 19th centuries on the basis of material from Russian-language grammar books. Commenting on Mikhail Lomonosov's *Russian Grammar*, Alexander Sumarokov noted an interesting feature concerning the illustration of the use of personal pronouns in this grammar book: the examples Lomonosov gives indicate positive qualities of the speaker (1st person) and negative characteristics of other people (2nd and 3rd persons). The present study has established that this feature is also characteristic of other grammars of the Russian language written after the publication of the Lomonosov's work. Basing on an analysis of examples provided in different grammar books, the author of the article classified the constructions in which positive and negative qualities of the persons mentioned depend on their relationship to other participants in the situation or without regard to them, are expressed verbally, including with the help of performatives, or derived as implicatures. It is suggested that the established pattern is objective in nature, it reflects one of the norms of using the Russian language connected with its anthropocentricity: in most cases, the speaker strives to give a positive assessment of himself and is critical of the qualities of others. The study has discovered that the restriction on the compatibility of first-person pronouns, noted by linguists of the 20th-21st centuries, consisting in the impossibility of using them with lexemes whose negative meaning is connotative, is confirmed by examples from grammars of the second half of the 18th – early 19th centuries, and thus it is traditional in nature.

Key words: grammars of the Russian language of the 18th century; Mikhail Lomonosov; Alexander Sumarokov; personal pronouns; anthropocentricity.

УДК 811.511.13'27

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-62-73

<https://elibrary.ru/ulvzbz>

EDN ULVZBZ

Коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края

Тюленёва Александра Михайловна

аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. tuleneva.aleksa@yandex.ru

SPIN-код: 4648-3702

Ерофеева Елена Валентиновна

д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elenerofee@gmail.com

SPIN-код: 4653-7454

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Статья поступила в редакцию 01.10.2024

Одобрена после рецензирования 16.01.2025

Принята к публикации 18.01.2025

Информация для цитирования

Тюленёва А. М., Ерофеева Е. В. Коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 62–73. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-62-73. EDN ULVZBZ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования коми-пермяцкого языка в Пермском крае. Актуальность работы обусловлена происходящими демографическими изменениями, в частности сокращением численности носителей коми-пермяцкого языка, которые являются коренным населением Пермского края, оттоком населения с территории Коми-пермяцкого округа в крупные русскоязычные населенные пункты, что может свидетельствовать о происходящих изменениях языковой ситуации в регионе. Материалом исследования послужили результаты анкетирования носителей коми-пермяцкого языка, собранные в 2015 г. и 2023–2024 гг. Для всесторонней оценки языковой ситуации в Пермском крае с точки зрения коми-пермяцкого языка были выбраны ключевые объективные и субъективные компоненты. Из числа объективных компонентов языковой ситуации были изучены факторы владения коми-пермяцким и русским языками, использование коми-пермяцкого и русского языков в ситуациях межличностного и официального общения. В качестве субъективного компонента языковой ситуации рассматривалась ингрупповая оценка носителями коми-пермяцкого языка его ценности и престижности. Анализ материала показывает, что количество носителей коми-пермяцкого языка, считающих его родным, сокращается; субъективные оценки коми-пермяцкого языка по таким критериям, как «ценность» и «престижность», оказываются низкими; использование коми-пермяцкого языка носителями фиксируется преимущественно в сфере межличностного общения, тогда как в публично-правовом пространстве он задействован лишь частично. При этом от 2015 к 2024 г. ситуация меняется в худшую для коми-пермяцкого языка сторону, что позволяет сделать вывод о критическом изменении статуса коми-пермяцкого языка в языковой ситуации Пермского края.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; Пермский край; языковая ситуация; объективные компоненты; субъективные компоненты; факторы риска.

Введение

Языковая ситуация представляет собой «модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период времени» [Швейцер 1977: 153]. Схожую точку зрения на языковую ситуацию высказывает и А. Едличка, который понимает ее как соотношение языковых образований, функционирующих в данном языковом сообществе, и отмечает, что дать характеристику языковой ситуации с синхронной точки зрения – значит определить сосуществование языковых образований и форм, функционирующих в данном языковом (коммуникативном) сообществе [Едличка 1988: 44]. Подобный подход к языковой ситуации свойственен многим современным лингвистам [Закономерности... 2000; Леонова 2011; Михальченко 2021 и мн. др.].

Однако при таком подходе остается без учета еще один важный аспект языковой ситуации, на который, вводя этот термин в лингвистику, указал еще Ч. Фергюсон, учитывавший в понятии языковой ситуации общий экстралингвистический контекст, включая в языковую ситуацию, с одной стороны, конфигурацию использования языков в определенное время и в определенном месте, в том числе такие данные, как количество и качество используемых языков и численность говорящих на них людей; с другой стороны – сформированное мнение членов коллектива в отношении этих языков [Ferguson 1959].

Учитывая все аспекты языковой ситуации, в настоящее время ее ключевые компоненты разделяют на объективные и субъективные. Объективные компоненты языковой ситуации, в свою очередь, подразделяются на качественные и количественные. Качественные компоненты языковой ситуации отражают внутренние характеристики языка и социально-коммуникативных систем, используемых носителями языка; к ним относятся состав языков и подъязыков, входящих в языковую ситуацию, юридический статус этих языков, степень их генетической близости, наличие или отсутствие у них письменной традиции [Беликов, Крысин 2001; Виноградов, Коваль, Порхомовский 2023; Никольский 1976; Ferguson 1971 и др.]. Количественные компоненты представляют собой компоненты языковой ситуации, которые фиксируют в числовом выражении количество носителей языка и разнообразие используемых ими идиомов [Беликов, Кры-

син 2001; Вахтин, Головко 2004: 47; Никольский 1976; Ferguson 1971]; к ним относятся количество языков, подъязыков, численность и доля населения, говорящих на каждом из языков, число коммуникативных функций, выполняемых языком. Субъективные компоненты языковой ситуации представляют собой сформированные языковые установки носителей языка, которые могут включать в себя убеждения, чувства, поведенческие намерения, предпочтения носителей относительно положения языка в обществе, а также его использования и передачи других поколениям [Baker 1992; Dragojevic 2016; Ferguson 1971; Nolan 2013; Papapavlou, Mavromati 2017; Sihua 2015; Soukup 2015; Wolfram et al. 1999; et al.]. Таким образом, языковая ситуация представляет собой сложную систему, состоящую из объективных и субъективных компонентов, находящихся во взаимодействии, и является феноменом, который не только фиксирует языки, социально-коммуникативные системы и подсистемы, обслуживающие общение в пределах конкретного территориального субъекта, но и отражает представления носителей языка о его мощности, объеме функциональных возможностей в пределах определенного пространства.

Воздействие объективных (качественных и количественных) и субъективных компонентов на языковую ситуацию может привести к развитию диаметрально противоположных явлений – языкового сдвига или языковой стабильности.

Языковой сдвиг – это ситуация, при которой сообщество пользователей языка заменяет свой язык другим, переходит на этот другой язык [Fishman 1964]. При языковом сдвиге люди перестают говорить на своих языках потому, что перестают считать для себя это нужным, потому, что вследствие действия pragматических факторов, а также процессов внешней и внутренней идентификации и мотивации возникает «индивидуальное, потом семейное, потом групповое, а потом и всеобщее (или почти всеобщее) “не хочу говорить на родном языке”, то есть та первопричина, которая лежит за процессом языкового сдвига» [Вахтин 2001]. Противоположным языковому сдвигу явлением выступает языковая стабильность, или языковая устойчивость, которую можно определить как «проявление жизнеспособности языков, находящихся под угрозой исчезновения» [Вахтин, Головко 2004: 127–129].

В случае, когда представители титульной или миноритарной этнолингвистической группы отказываются от использования родного языка в пользу доминирующего или минимизируют его

использование в ограниченном количестве сфер, постепенно утрачивается межпоколенческая передача языка подрастающему поколению. Подобные изменения накладывают отпечаток на языковую ситуацию (могут приводить к изменению/преобразованию ее типа), а также отражаются на уровне жизнеспособности языков как титульной, так и миноритарной группы. Поэтому изучение каждой конкретной языковой ситуации на территориях, в которых софункционируют доминирующий, титульный и миноритарные языки, обладающие разными функциональными возможностями, является актуальным.

Одним из субъектов РФ, на территории которого проживают представители разных национальностей (доминирующей и миноритарных этнолингвистических групп), является Пермский край. У коренного населения Пермского края – коми-пермяков – есть ряд преференций, позволяющих им использовать коми-пермяцкий язык наравне с русским языком. Однако происходящие на территории Пермского края демографические изменения, в частности сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка, отток населения с территории Коми-пермяцкого округа в крупные русскоязычные населенные пункты Пермского края, могут свидетельствовать об изменениях языковой ситуации данного региона. В связи с указанными обстоятельствами изучение языковой ситуации в Пермском крае с точки зрения состояния коми-пермяцкого языка, являющегося родным для коренного населения данного региона, в настоящее время крайне актуально.

Итак, предметом исследования настоящей статьи являются особенности функционирования коми-пермяцкого языка в Пермском крае, включая объективные и субъективные компоненты языковой ситуации, касающиеся коми-пермяцкого языка.

Статистические данные о коми-пермяках и коми-пермяцком языке в Пермском крае

Пермский край – полиглотнический регион, на территории которого проживают представители более 100 национальностей: русский, татары, коми-пермяки, башкиры, удмурты и др. Второй по численности миноритарной этнолингвистической группой в Пермском крае являются коми-пермяки.

Важно заметить, что коми-пермяки являются коренным населением Пермского края, их предки проживали на территории Верхней Камы с V–VI вв. [Чагин 2013: 7]. Следует отметить, что коми-пермяки обладают значительными преференциями, по сравнению с представителями других миноритарных этнолингвистических групп данной территории, к какой бы территориальной

политической единице они ни относились в течение истории. Коми-пермяцкий (национальный, автономный) округ, созданный в 1925 г., обладает расширенными политико-институциональными возможностями. Издание учебной и художественной литературы на коми-пермяцком языке, функционирование Коми-пермяцкого драматического театра в г. Кудымкаре, наличие национальных школ, обучение в которых ведется на коми-пермяцком языке и пр., ранее способствовали тому, что население Коми-пермяцкого автономного округа демонстрировало высокий уровень владения коми-пермяцким языком. В настоящее время коми-пермяцкий язык имеет статус официального языка Коми-пермяцкого автономного округа в составе Пермского края, что выражается в его использовании в публично-правовом пространстве наряду с государственным языком [Устав Пермского края]. Однако ни наличие особого статуса, ни обладание политико-институциональными преференциями сейчас не способствуют поддержанию языковой стабильности коми-пермяцкого языка.

Со второй половины XX в. происходит постепенное сокращение численности коми-пермяков. На рис. 1 представлена динамика численности населения коми-пермяков по результатам переписей населения. Как видим, численность коми-пермяков сократилась с 1970 г. почти в 3 раза. Заметное сокращение численности населения коми-пермяков произошло с начала 2000-х гг., что может быть связано с внутренними процессами, происходящими на территории бывшего СССР, а именно появлением возможности переселения для жителей периферии, в том числе национальных округов, в крупные города.

Сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка может свидетельствовать о развитии процесса языкового сдвига, что негативно сказывается на витальности коми-пермяцкого языка и культуры и, как следствие, приводит к дестабилизации языковой ситуации в регионе.

Материал и методы исследования

В данной статье на основе собранного материала делаются выводы о состоянии языковой ситуации в Пермском крае с точки зрения коми-пермяцкого языка.

В исследовании использовался классический метод социолингвистики – анкетирование, который позволил собрать обширный материал об оценке носителями коми-пермяцкого языка функциональной мощности родного и русского языков. Анкетирование проводилось среди носителей коми-пермяцкого языка в два этапа: в 2015 г. и в 2023–2024 гг.

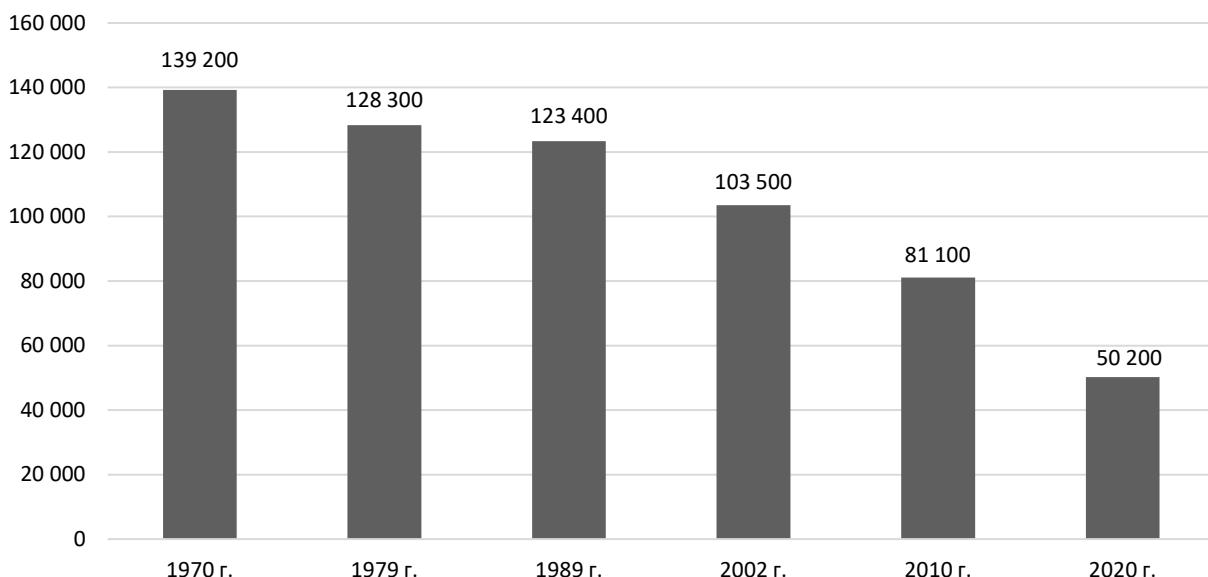

Рис. 1. Динамика численности коми-пермяков по результатам переписей населения, абс.¹

Fig. 1. Dynamics of the number of the Komi-Permyaks according to the results of population censuses, abs.

Материалы анкетирования 2015 г. были собраны студенткой филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета А. Р. Мансуровой. Ею было опрошено 28 информантов коми-пермяков. Объем полученных реакций – 868. Для оценки современного состояния коми-пермяцкого языка была разработана анкета, с помощью которой в период с августа 2023 г. по апрель 2024 г. было опрошено 68 информантов коми-пермяков. Объем полученных и проанализированных реакций – 3 944. Таким образом, общий объем проанализированных реакций составил 4 812 реакций.

Для всесторонней оценки языковой ситуации Пермского края с точки зрения коми-пермяцкого языка были выбраны ключевые объективные и субъективные компоненты. Из числа объективных компонентов были рассмотрены факторы владения коми-пермяцким и русским языками (родной язык, степень владения каждым из языков), а также использование коми-пермяцкого и русского языков в ситуациях межличностного и семейного (при общении с родителями, братьями и сестрами, с друзьями), а также официального общения (при обращении в органы местного самоуправления, на работе с коллегами). В качестве субъективного компонента рассматривалась ингрупповая оценка носителями коми-пермяцкого языка его ценности и престижности.

Фактор «Владение языками»

Одним из ключевых вопросов в анкетировании являлся вопрос о владении информантами коми-пермяцким языком. На рис. 2 приведены ответы информантов о родном языке за разные годы.

Представленные данные демонстрируют, что подавляющее большинство информантов в качестве родного указывают коми-пермяцкий язык. При этом с 2015 по 2024 г. наблюдается снижение на 10 % количества информантов, которые указывают коми-пермяцкий язык в качестве родного, и увеличение распространенности русского языка. Кроме того, в последние годы появляются респонденты, указывающие в качестве родного оба языка. Всё это свидетельствует о неоднозначности и сложности взаимосвязи этнической идентичности и языка среди представителей данной этнолингвистической группы и определенном сдвиге в пользу распространения русского языка.

Несмотря на то что более 70 % опрошенных информантов указали в качестве родного коми-пермяцкий язык, лишь половина из них свободно говорит и пишет на коми-пермяцком языке. Так, при ответе на вопрос «На каком языке Вы говорите лучше всего?» в 2015 г. коми-пермяцкий язык назвали 60,7 % информантов, в 2023–2024 гг. – 58,8 % информантов, то есть степень владения коми-пермяцким языком у информантов, по их оценке, практически не упала. Однако при этом в 2015 г. указали, что владеют русским языком, 64,3 % информантов, а 2023–2024 гг. таких информантов было уже 98,5 %, и из них 91,2 % респондентов отмечали, что говорят и пишут на русском языке свободно. Сказанное свидетельствует о широком распространении в последнее время коми-пермяцко-русского и русско-коми-пермяцкого билингвизма среди носителей коми-пермяцкого языка.

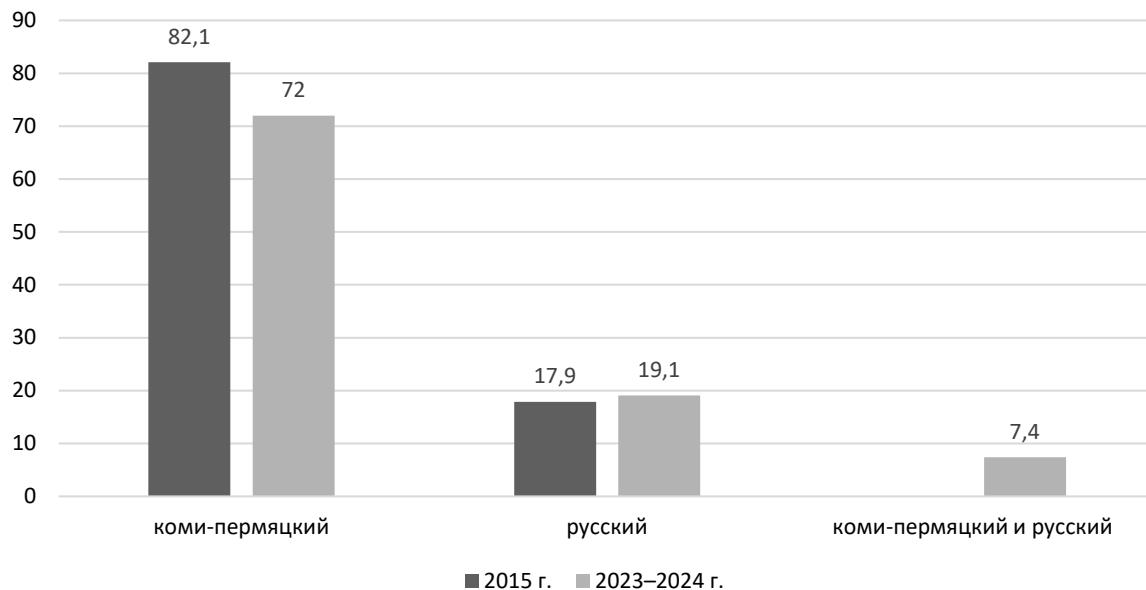

Рис. 2. Родной язык по данным 2015 г. и 2023–2024 гг., %
Fig. 2. Native language based on data from 2015 and 2023–2024, %

Фактор «Ситуации общения с точки зрения использования языков (русского и коми-пермяцкого)»

Одним из ключевых компонентов языковой ситуации выступает обслуживание языком или языками, социально-коммуникативными системами и подсистемами общения в пределах определенной территории. В связи с этим были рассмотрены ситуации, в которых носители используют коми-пермяцкий язык.

На рис. 3 представлено использование информантами коми-пермяцкого и русского языков в межличностной сфере (в семье и с друзьями). Необходимо отметить, что методики анкетиро-

вания 2015 г. и 2023–2024 гг. отличалась друг от друга. В анкетировании 2015 г. информантам при ответах на вопросы об использовании языка в семейной и общественных сферах необходимо было самостоятельно указать язык, то есть информанты могли указать один язык или сразу оба языка, например, русский и коми-пермяцкий, используемые для общения в конкретной ситуации. В анкетировании 2023–2024 гг. информантам в разных разделах анкеты задавались вопросы про коми-пермяцкий и русский языки отдельно, поэтому ответ «коми-пермяцкий и русский одновременно» в анкете не был предусмотрен, что отражается на рис. 3.

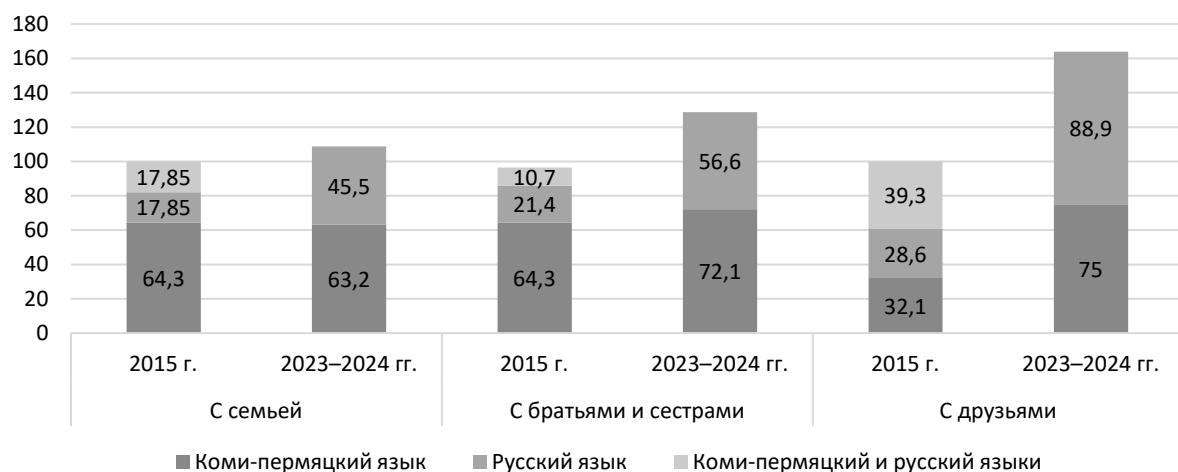

Рис. 3. Использование информантами разных языков в межличностной сфере по данным 2015 г. и 2023–2024 гг., %
Fig. 3. Use of different languages by informants in interpersonal sphere based on data from 2015 and 2023–2024, %

Более половины опрошенных информантов в 2015 г. и 2023–2024 гг. используют коми-пермяцкий язык для общения с близкими родственниками. Безусловно, в ситуациях общения с родственниками помимо коми-пермяцкого также используется и русский язык, особенно с представителями молодого поколения.

В анкетировании 2023–2024 гг. информантам в разных разделах анкеты был предложен список ситуаций, в которых они используют коми-пермяцкий или русский язык для общения с

близкими родственниками. В качестве ответов на вопрос «В каких случаях Вы используете коми-пермяцкий/русский язык в семье?» информантам были предложены следующие варианты ответов: с обоими родителями, с мамой, с папой, с бабушкой и дедушкой, с братьями и сестрами, с двоюродными братьями и двоюродными сестрами, с дядей и тетей. На рис. 4 представлены результаты ответов информантов на этот вопрос относительно коми-пермяцкого и русского языков.

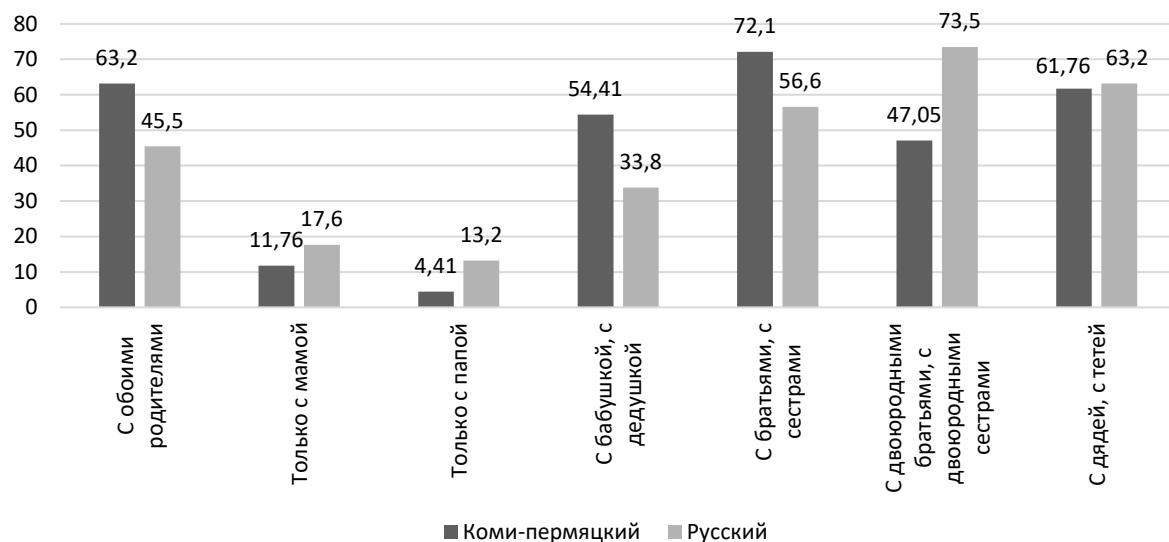

Рис. 4. Использование информантами коми-пермяцкого и русского языков в межличностной сфере по данным 2023–2024 гг., %

Fig. 4. Use of the Komi-Permyak and Russian languages by informants in interpersonal sphere based on data from 2023–2024, %

Коми-пермяцкий язык в одинаковой степени используется информантами для общения с представителями старшего (родители, бабушки и дедушки, дяди и тети) и молодого поколения (братья и сестры, двоюродные братья и двоюродные сестры). Использование русского языка носителями коми-пермяцкого языка с близкими родственниками может быть обусловлено проживанием в Перми или крупных русскоязычных населенных пунктах Пермского края, и кроме того, для молодых людей – низким уровнем владения коми-пермяцким языком.

В сферах внесемейного общения наблюдается тенденция, обратная той, которая отмечена во внутрисемейном общении: доминирующим языком выступает русский язык. На рис. 5 представлены ответы информантов об использовании коми-пермяцкого и русского языков в общественных сферах. Как видно из рис. 5, за 9 лет происходит заметное сокращение количества информантов, которые используют коми-пермяцкий язык для обращения в органы местного самоуправления. В свою очередь на 15 % увеличивается количество

информантов, использующих коми-пермяцкий язык при общении с коллегами на работе. Это может быть связано с тем, что большинство информантов, опрошенных в 2023–2024 гг., работают в сфере среднего и высшего образования или являются учащимися школ, высших учебных заведений, то есть по своему социальному статусу более осознанно относятся к родному языку.

Кроме того, как и в предыдущем случае, в рамках анкетирования 2023–2024 гг. информантам был предложен для выбора расширенный список общественных сфер и ситуаций, в которых они используют коми-пермяцкий и русский языки. На рис. 6 представлены общественные сферы и ситуации, в которых носители используют коми-пермяцкий и русский языки для общения по данным анкетирования 2023–2024 гг.

Как показывают данные рис. 6, во всех предложенных общественных сферах доминирующим языком общения выступает русский. Однако коми-пермяцкий язык продолжает довольно активно использоваться в системе образования, что обусловлено его факультативным изучением

в качестве родного языка в ряде учебных заведений, а также в магазинах, что может быть обусловлено личными знакомствами между продавцами и покупателями и уверенностью в знании коми-пермяцкого языка собеседником. В транспорте, где вероятность встретить знакомого ниже, коми-пермяцкий язык используется значительно реже. Таким образом, обращение к коми-пермяцкому языку более вероятно в тех случаях, когда адресант уверен в знании языка адресатом; если такой уверенности нет, более предпочтительным языком является русский. В сферах, где для работы часто требуется высшее образование (банки, больницы), русский язык также

используется значительно чаще коми-пермяцкого.

Таким образом, коми-пермяцкий язык является доминирующим в семейно-бытовой сфере. В публично-правовом пространстве, по сравнению с русским языком, его использование ограничено, что может быть объяснено повсеместной распространённостью русского языка и наличием у него статуса государственного языка. Несмотря на доминирование коми-пермяцкого языка в сфере семейно-бытового общения, она может быть охарактеризована как билингвальная, поскольку наряду с родным языком носители довольно часто используют русский язык.

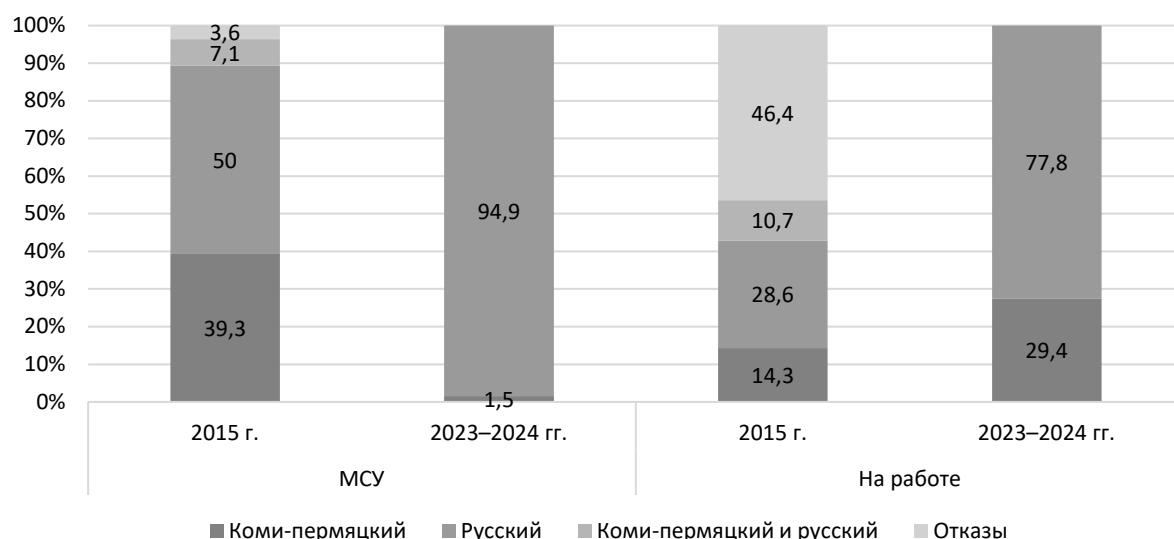

Рис. 5. Использование информантами коми-пермяцкого и русского языков в общественных сферах по данным 2015 г. и 2023–2024 гг., %

Fig. 5. Use of the Komi-Permyak and Russian languages by informants in public sphere based on data from 2015 and 2023–2024, %

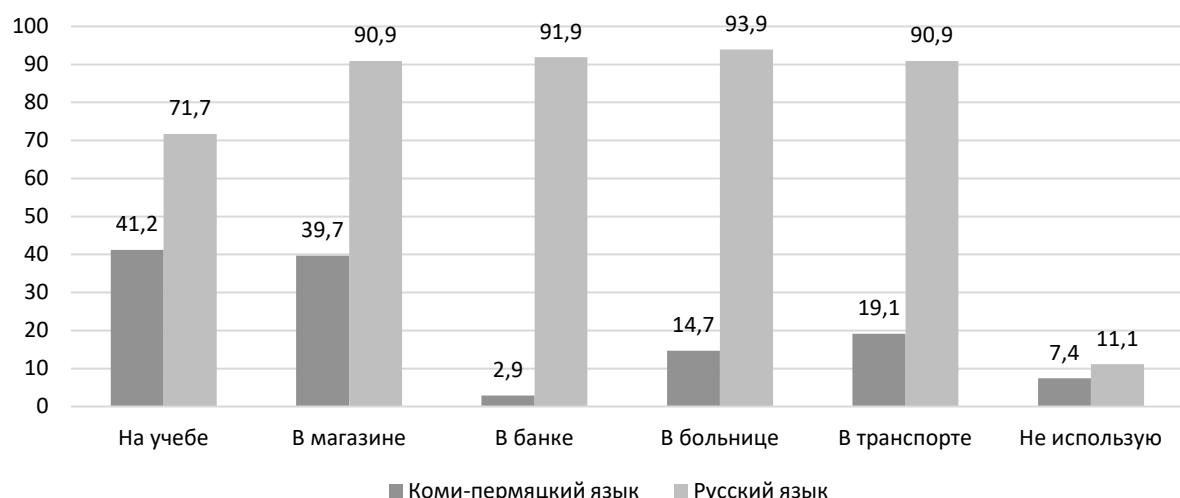

Рис. 6. Использование информантами коми-пермяцкого и русского языков в общественных сферах по данным 2023–2024 гг., %

Fig. 6. Use of the Komi-Permyak and Russian languages by informants in public sphere based on data from 2023–2024, %

Фактор «Ингруповая оценка коми-пермяцкого и русского языков и культуры»

Фактор ингруповой оценки носителями коми-пермяцкого языка и культуры является одним из ключевых, поскольку позволяет выявить и охарактеризовать языковые установки информантов в отношении коми-пермяцкого языка.

Одним из ключевых параметров, который оказывает влияние на формируемое у носителей отношение к своему языку, выступает фактор престижности.

На рис. 7 представлены оценки информантами престижности коми-пермяцкого и русского языков.

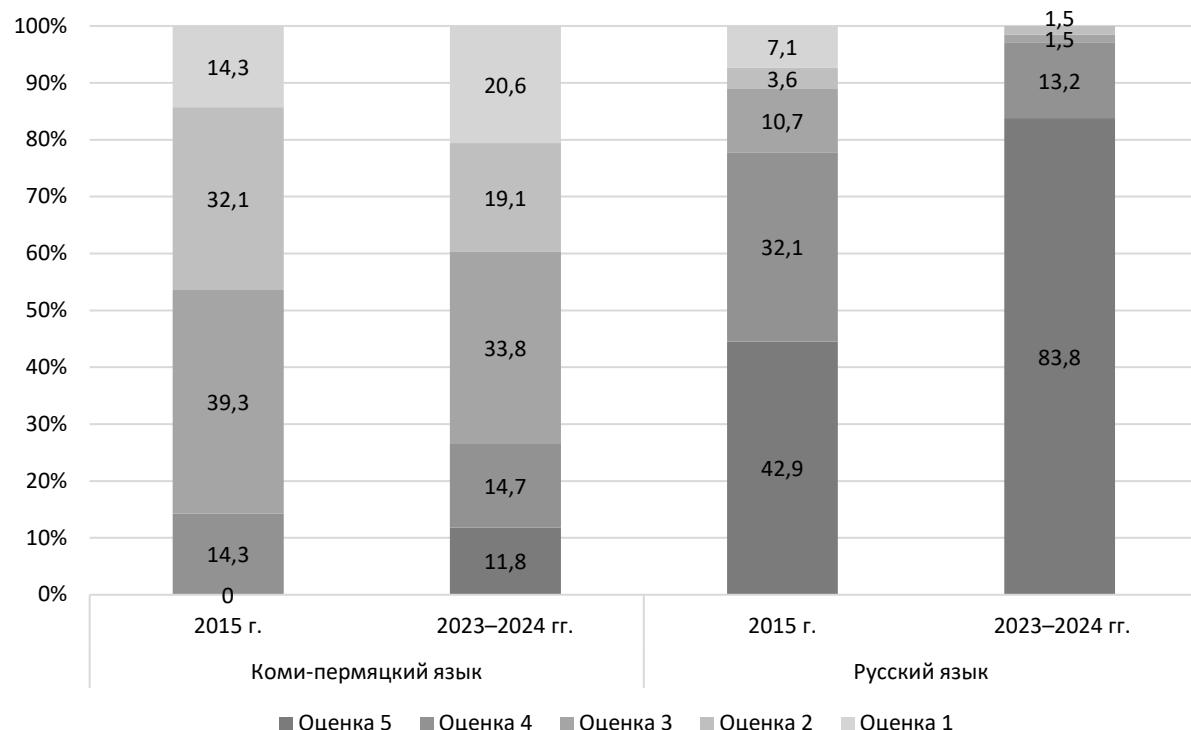

Рис. 7. Ингруповые оценки информантами престижности коми-пермяцкого и русского языков по данным 2015 г. и 2023–2024 гг., %

Fig. 7. Intergroup assessments of the prestige of the Komi-Permyak and Russian languages by informants based on data from 2015 and 2023–2024, %

По данным анкетирования 2015 г., никто из информантов не поставил коми-пермяцкому языку наивысшую оценку по критерию престижности, несмотря на наличие у него статуса официального языка; наибольшее количество информантов (39,3%) поставили нейтральную оценку. Низкую оценку престижности коми-пермяцкого языка поставили 14,3 % информантов. В 2023–2024 гг. фиксируется увеличение количества положительных ответов об уровне престижности коми-пермяцкого языка. Так, 11,8 % и 14,7 % информантов отметили высокий уровень престижности (оценки «5» и «4» соответственно). Нейтральную оценку (оценка «3») дали меньшее количество информантов, чем в 2015 г. (33,8 %), однако количество информантов, давших престижности коми-пермяцкого языка самую низкую оценку «1», увеличилось (20,6 %).

Пrestижность русского языка в 2015 г. высоко оценили более половины опрошенных информантов, при этом лишь 10 % информантов

считают его непрестижным языком. Престижность русского языка в 2023–2024 гг. увеличивается на фоне оценок 2015 г.: 83,8 % информантов отметили высокий уровень престижности русского языка, 13,2 % информантов поставили оценку «4»; лишь один информант указал, что русский язык можно назвать непрестижным языком, поставив оценку в «2» балла (см. рис. 7).

Итак, в целом произошло увеличение количества информантов, считающих коми-пермяцкий престижным языком, однако наиболее часто встречающимся ответом среди коми-пермяков является нейтральная оценка престижности коми-пермяцкого языка наряду с высокой оценкой престижности русского языка. Подобные оценки могут быть обусловлены отсутствием у коми-пермяцкого статуса государственного, доминированием русского языка в публично-правовом пространстве и его повсеместным использованием, даже в местах проживания носителей коми-пермяцкого языка.

Таким образом, хотя при оценке обоих языков в ответах респондентов преобладают положительные оценки, которыерастут к 2024 г., русский язык по параметру престижности оценивается намного выше, чем коми-пермяцкий язык, и «прирост» престижности у русского языка намного больше.

При оценке ценности коми-пермяцкого языка и культуры информанты сходятся во мнении, что их язык и культура не востребованы в пермском обществе. На рис. 8 представлены ответы информантов о ценности коми-пермяцкого языка и культуры в 2015 г. и 2023–2024 гг.

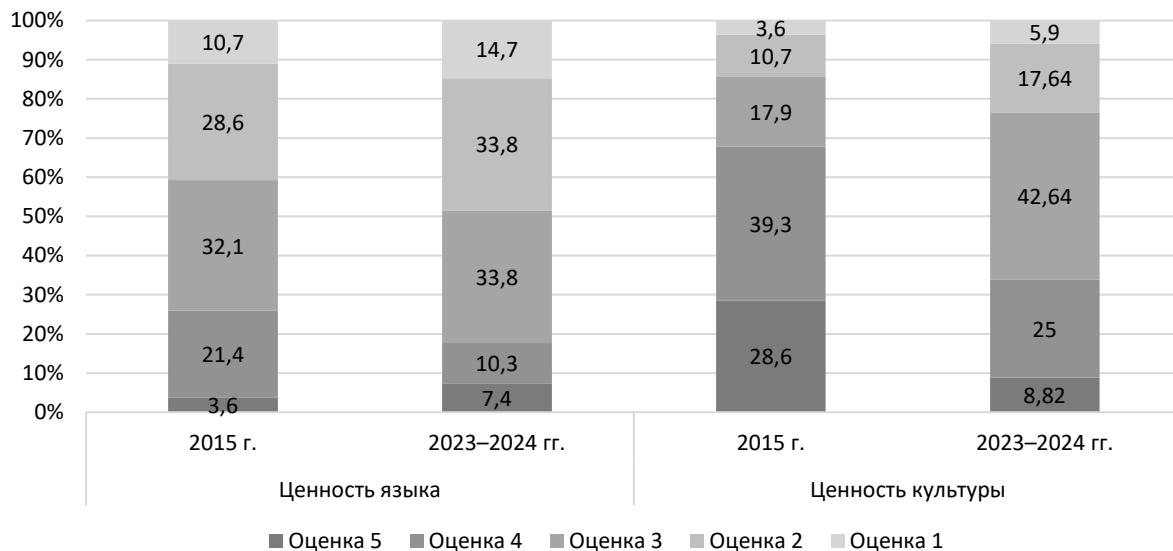

Рис. 8. Ингруповая оценка информантами ценности коми-пермяцкого языка и культуры по данным 2015 г. и 2023–2024 гг., %

Fig. 8. Intergroup assessment of the value of the Komi-Permyak and Russian languages by informants based on data from 2015 and 2023–2024, %

Наивысшая оценка ценности языка крайне мала в 2015 г. (3,6 %) и лишь немногим больше в 2023–2024 гг. (7,4 %); наивысшая оценка ценности культуры несколько выше в 2015 г. (28,6), однако в 2023–2024 г. она значительно снижается (8,8 %). Более того, совокупная доля положительных оценок («4» и «5» вместе) ценности коми-пермяцкого языка и культуры, и так не слишком высокая в 2015 г., значительно уменьшается в обоих случаях в 2023–2024 гг.

Наиболее часто встречающимся ответом на вопросы о ценности коми-пермяцкого языка и культуры является оценка «3», то есть нейтральная оценка. Среди носителей коми-пермяцкого языка были и те, кто отметил, что коми-пермяцкий язык и культура не представляют никакой ценности в пермском обществе (соответственно 28,6 %, и 17,9 % информантов так ответили на вопросы о ценности языка, 10,7 % и 3,6 % информантов – на вопрос о культуре).

Ответы информантов в 2023–2024 гг. о ценности родного языка и культуры характеризуются увеличением количества нейтральных и негативных оценок. Так, 33,8 % и 42,64 % информантов поставили нейтральную оценку (оценка «3») в вопросе ценности коми-пермяцкого языка и культуры, а 33,8 % и 17,64 % информантов –

оценку «2», 14,7 % и 5,9 % информантов – оценку «1» (см. рис. 8).

Увеличение количества нейтральных и негативных оценок в вопросе ценности коми-пермяцкого языка и культуры среди его носителей может свидетельствовать об отсутствии мер по защите, сохранению и продвижению коми-пермяцкого языка в Коми-пермяцком округе и среди русскоязычного населения. Отсутствие устойчивого представления у носителей о высокой ценности коми-пермяцкого языка и культуры и низком уровне престижности родного языка может привести к постепенному отказу от использования коми-пермяцкого языка в пользу государственного. Подобная ситуация может быть объяснена с точки зрения «экономической выгоды»: использование государственного языка может позволить повысить социально-экономический статус индивида или получить другие социальные преимущества [Fridriksson 2008: 74–78].

Заключение

В Пермском крае созданы формальные условия для софункционирования доминирующего и миноритарного языков: наделение коми-пермяцкого языка статусом официального языка, возможность изучения и использования родного

языка в образовательных и социальных учреждениях. Однако, несмотря на подобные преференции, коми-пермяцкий язык лишь частично задействован в публично-правовом пространстве, количество носителей, которые говорят на нем, считают его родным, сокращается.

Языковую ситуацию в Пермском крае в отношении коми-пермяцкого языка в настоящее время можно охарактеризовать как полилингвальную (софункционирование русского и коми-пермяцкого языков), неравновесную (разная функциональная мощность языков), несбалансированную (использование коми-пермяцкого языка преимущественно в семейно-бытовой сфере, в других ситуациях в основном используется русский язык), экзоглоссную (ситуация, при которой общение в административно-территориальной единице и в этнолингвистической группе коми-пермяков обслуживается русским и коми-пермяцким языками).

Полученные в ходе анкетирования носителей коми-пермяцкого языка результаты показывают, что за прошедшие девять лет (2015–2024 гг.) усиливается неравновесность языковой ситуации (коми-пермяцкий язык активно исключается из внесемейного общения), обусловленная отчасти и тем, что в ситуации, когда непонятно, знает ли собеседник коми-пермяцкий язык, коми-пермяки выбирают для общения русский.

Носители коми-пермяцкого языка и культуры фиксируют их низкую ценность и престижность для сообщества края в целом и падение этих оценок в течение рассматриваемого времени. Отчасти именно поэтому вне этнической группы (или когда этнический статус собеседника не определен) они предпочитают не демонстрировать свою принадлежность группе, в том числе через владение языком. Такая ситуация приводит к самоподдерживающему отказу от языка: чем меньше язык используется в коммуникации, тем более низким осознается его статус и статус выражаемой им культуры; чем ниже престиж и ценность языка и культуры, тем меньше люди стремятся использовать данный язык.

Таким образом, коми-пермяцкий язык находится в положении, которое в ближайшем будущем может привести к языковому сдвигу. Изменить существующую языковую ситуацию в крае могут комплексные меры со стороны правительства Пермского края, затрагивающие не только формальную поддержку коми-пермяцкого языка, но и продвижение ценности и значимости для края коми-пермяцкой культуры. Только четко продуманная языковая политика, учитывающая мнение и требования носителей коми-пермяцкого языка, может помочь возвращению его к стабильному положению.

Примечание

¹ Рис. 1 составлен по данным [Статистический ежегодник Пермского края 2023: 36].

Список литературы

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 436 с.

Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере). 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vakhtin-01.htm> (дата обращения: 06.09.2024).

Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 336 с.

Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология. М.: URSS, 2023. 136 с.

Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР: переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.

Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира: Россия – Вьетнам / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко, Нгуен Ван Хьеп. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 704 с.

Леонова Е. В. История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», 2011. № 1. С. 23–29.

Михальченко В. Ю. Языковая ситуация // Социолингвистика. 2021. № 3(7). С. 116–119. doi 10.37892/2713-2951-3-7-116-120

Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М.: Наука, 1976. 167 с.

Статистический ежегодник Пермского края. 2023: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2023. 352 с.

Устав Пермского края. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&back-link=1&&nd=155020498> (дата обращения: 14.04.2024).

Чагин Г. Н. Очерки по истории и этнографии коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2013. 152 с.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1977. 174 с.

Baker C. Attitudes and Languages. Clevedon: Multilingual Matters. 1992. 173 p.

Dragojevic M. Language Attitudes // Oxford research encyclopedia of communication. NY: Oxford University Press. 2016. Vol. 1. P. 263–278.

- Ferguson C. A. *Diglossia* // *Word*. 1959. Vol. 15. P. 325–340.
- Ferguson C. A. *Language Structure and Language Use*. Stanford, 1971. 178 p.
- Fishman J. A. Language maintenance and language shift as a field of inquiry. A definition of the field and suggestions for its further development // *Linguistics*. 1964. Vol. 2. P. 32–70. doi 10.1515/ling.1964.2.9.32
- Nolan J. S. The Results of a Nascent Language Emancipation in France: Perceptions of the Status and Future of Gallo in the Context of Its Inclusion in Brittany's Language Education Policy // *Sociolinguistic Studies*. 2013. Vol 7. P. 151–166.
- Papapavlou A., Mavromati A. Bridging Language Attitudes with Perceived Language Notions // *Open Journal of Modern Linguistics*. 2017. Vol. 7. P. 167–183.
- Soukup B. Mixing methods in the study of language attitudes: Theory and application // *Responses to Language Varieties*. John Benjamins. 2015. P. 55–84.
- Sihua L. *Language Attitudes and Identities in Multilingual China*. Springer International Publishing Switzerland, 2015. 202 p. doi 10.1007/978-3-319-12619-7
- Wolfram W., Adger C. T., Christian D. *Dialects in Schools and Communities*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1999. 256 p.
- References**
- Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001. 436 p. (In Russ.)
- Vakhtin N. B. *Usloviya yazykovogo sdvig* (K opisaniyu sovremennoy yazykovoy situatsii na Kraynem Severe) [Conditions of a language shift (Describing the modern language situation in the Far North)], 2001. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/vakhtin-01.htm> (accessed 06 Sep 2024). (In Russ.)
- Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and Sociology of Language]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya Publ., 2004. 336 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. A., Koval' A. I., Porkhamovskiy V. Ya. *Sotsiolingvisticheskaya tipologiya* [Sociolinguistic Typology]. Moscow, URSS Publ., 2023. 136 p. (In Russ.)
- Edlichka A. Literaturnyy yazyk v sovremennoy kommunikatsii [Literary language in modern communication]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XX: Teoriya literaturnogo yazyka v rabotakh uchenykh ChSSR: perevody* [New in Foreign Linguistics. Issue XX: Theory of Literary Language in the Works of Scientists of the Czechoslovak Socialist Republic: Translations]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 38-134. (In Russ.)
- Zakonomernosti sotsiokul'turnogo razvitiya yazykov v polietnicheskikh stranakh mira: Rossiya–Vietnam [Sociocultural Development of Languages in Polyethnic Countries: Russia–Vietnam]. Ed. by A. N. Bitkeeva, V. Yu Mikhalkchenko, Nguyen Van Hiep. Moscow, IWL RAS Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
- Leonova E. V. Iстория формирования понятия 'языковая ситуация' в отечественной лингвистике XX века [The history of the formation of the 'linguistic situation' concept in Russian linguistics of the 20th century]. *Vestnik MGOU. Серия 'Лингвистика'* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Linguistics], 2011, issue 1, pp. 23–29. (In Russ.)
- Mikhalkchenko V. Yu. Языковая ситуация [Language situation]. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], 2021, vol. 3 (7), pp. 116–119. doi 10.37892/2713-2951-3-7-116-120. (In Russ.)
- Nikol'skiy L. B. *Sinkhronnaya sotsiolingvistika (teoriya i problemy)* [Synchronic Sociolinguistics (Theory and Problems)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 167 p. (In Russ.)
- Statisticheskiy ezhegodnik Permskogo kraya. 2023 [Statistical yearbook of Perm Krai. 2023]: A collection of statistical data, 2023. 352 p. (In Russ.)
- Ustav Permskogo kraya [Charter of Perm Krai]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&back-link=1&nd=155020498> (accessed 14 Apr 2024). (In Russ.)
- Chagin G. N. *Ocherki po istorii i etnografii komi-permyakov* [Essays on the history and ethnography of the Komi-Permyaks], Kudymkar, Komi-Permyak Ethnocultural Center Press, 2013. 152 p. (In Russ.)
- Shveitser A. D. *Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problemy, metody* [Contemporary Sociolinguistics: Theory, Problems, Methods]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 174 p. (In Russ.)
- Baker C. *Attitudes and Languages*. Clevedon, Multilingual Matters, 1992. 173 p. (In Eng.)
- Dragojevic M. Language attitudes. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. NY, Oxford University Press, 2016, vol. 1, pp. 263–278. (In Eng.)
- Ferguson C. A. *Diglossia*. *Word*, 1959, vol. 15, pp. 325–340. (In Eng.)
- Ferguson C. A. *Language Structure and Language Use*. Stanford, 1971. 178 p. (In Eng.)
- Fishman J. A. Language maintenance and language shift as a field of inquiry. A definition of the field and suggestions for its further development. *Linguistics*, 1964, vol. 2, pp. 32–70. doi 10.1515/ling.1964.2.9.32. (In Eng.)
- Nolan J. S. The results of a nascent language emancipation in France: Perceptions of the status and future of Gallo in the context of its inclusion in Brittany's language education policy. *Sociolinguistic Studies*, 2013, vol. 7, pp. 151–166. (In Eng.)

Papapavlou A., Mavromati A. Bridging language attitudes with perceived language notions. *Open Journal of Modern Linguistics*, 2017, vol. 7, pp. 167-183. (In Eng.)

Soukup B. Mixing methods in the study of language attitudes: Theory and application. *Responses to Language Varieties*. John Benjamins, 2015, pp. 55-84. (In Eng.)

Sihua L. *Language Attitudes and Identities in Multilingual China*. Springer International Publishing Switzerland, 2015. 202 p. doi 10.1007/978-3-319-12619-7 (In Eng.)

Wolfram W., Adger C. T., Christian D. *Dialects in Schools and Communities*. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 256 p. (In Eng.)

The Komi-Permyak Language in the Linguistic Situation of Perm Krai

Aleksandra M. Tiuleneva

**Postgraduate Student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. tuleneva.aleksa@yandex.ru

SPIN-код: 4648-3702

Elena V. Erofeeva

**Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. elenerofee@gmail.com

SPIN-code: 4653-7454

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

ResearcherID: Q-3940-2017

Submitted 01 Oct 2024

Revised 16 Jan 2025

Accepted 18 Jan 2025

For citation

Tiuleneva A. M., Erofeeva E. V. Komi-permyatskiy yazyk v yazykovoy situatsii Permskogo kraya [The Komi-Permyak Language in the Linguistic Situation of Perm Krai]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 62-73. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-62-73. EDN ULVZBZ (In Russ.)

Abstract. The article discusses the peculiarities of the functioning of the Komi-Permyak language in Perm Krai (Perm region). The study appears to be relevant due to the ongoing demographic changes, in particular, the reduction in the number of native speakers of the Komi-Permyak language, being the indigenous population of Perm Krai, the outflow of population from the territory of the Komi-Permyak District to large Russian-speaking locations, which may indicate ongoing changes in the linguistic situation in the region. For the study, we analyzed the results of surveys of native Komi-Permyak speakers conducted in 2015 and 2023-2024. For a comprehensive assessment of the language situation in Perm Krai in terms of the Komi-Permyak language, the key objective and subjective components were selected. Among the objective components of the language situation, we studied the Russian and Komi-Permyak languages proficiency factors, the use of Komi-Permyak and Russian in interpersonal and official communication situations. As a subjective component of the language situation, we considered the intergroup assessment by native speakers of the value and prestige of the Komi-Permyak language. The study has revealed the following: the number of Komi-Permyak speakers who consider this language to be their native language is decreasing; subjective assessments of the Komi-Permyak language according to the criteria 'value' and 'prestige' are low; Komi-Permyak is mainly used in interpersonal communication, while its use in the public-legal field is limited. From 2015 to 2024 the situation changed for the worse, which indicates a critical change in the status of the Komi-Permyak language in the language situation of Perm Krai.

Key words: Komi-Permyak language; linguistic situation; Perm Krai; objective components; subjective components; risk considerations.

УДК 811.112'36

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-74-79

<https://elibrary.ru/vfljss>

EDN VFLJSS

Аналитические формы глагола со значением перфектности в ингушском и немецком языках

Хадзиева Мадинат Магомедовна

аспирант кафедры «Ингушский язык»

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»

Ингушский государственный университет

386001, Россия, Республика Ингушетия, г. Магас, просп. И.Б. Зязикова, 7. madina1969@inbox.ru

SPIN-код: 5857-2573

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3674-4354>

Статья поступила в редакцию 18.05.2024

Одобрена после рецензирования 21.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Информация для цитирования

Хадзиева М. М. Аналитические формы глагола со значением перфектности в ингушском и немецком языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 74–79. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-74-79. EDN VFLJSS

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические формы глагола с перфектным значением в ингушском и немецком языках. Новизна исследования заключается в том, что научных работ по предлагаемой теме практически нет. В грамматике ингушского языка глагольная часть речи изучается в разделе морфологии по аналогии с системой глагола русского языка. К сравнительному анализу глагола ингушского и немецкого языков впервые обратилась Н. М. Барахоева, однако аналитические формы перфекта глагола двух языков в специальных исследованиях не рассматривались. Между тем указанные формы глагола ингушского и немецкого языков обладают общими свойствами, которые помогают более эффективно изучать и преподавать немецкий язык в условиях ингушско-русского билингвизма. В сравниваемых языках широко представлены аналитические формы глагола с темпоральным значением, но в рамках данного исследования рассматриваются глагольные формы, передающие перфектные значения аналитическим путем. Перфект выражает максимально приближенную к моменту речи завершенность действия и обладает особенностью соединять планы прошлого и настоящего, показывая контактность с моментом речи. Аналитический перфект в ингушском и немецком языках передает таксисные отношения в пределах высказывания, указывая на предшествование перфектного действия событиям, выраженным в форме настоящего времени. В обоих языках аналитические формы глагола в перфекте могут выражать семантическое значение результативности действия. Проведенный анализ позволяет установить, что указанные формы ингушского и немецкого языков проявляют такие семы, как прошедшее время, результативность действия, предшествование одного события другому и контактность действия с моментом речи.

Ключевые слова: аналитическая форма; перфект; аорист; ингушский язык; немецкий язык.

Термин «аналитизм» для описания грамматических явлений был впервые предложен А. Шлегелем, который употребил данное понятие применительно к языкам. «Аналитическими» он считал языки, грамматический строй которых мар-

кируют такие показатели, как артикль перед существительным, сопровождение глагола личным местоимением, наличие у категории спряжения вспомогательных глаголов и др. [Schlegel 1818: 16]. В последующем это понятие стало использо-

ваться и в более узком значении: аналитическими формами стали называться грамматические формы, у которых грамматическое значение определяется внешними показателями, способствующими образованию составных словоформ [Жеребило 2010: 31] из знаменательных лексем и вспомогательных элементов. Аналитизм закрепился преимущественно в обозначении форм различных категорий глагола.

По мнению М. М. Гухман, критериями для установления аналитических форм являются невозможность замены особым образом сцепленных компонентов, идиоматичный характер их взаимосвязи и применимость указанных положений ко всем глагольным лексемам языка [Гухман 1955: 348]. Таким образом, аналитическая форма – это сочетание знаменательной словоформы со вспомогательной лексемой, грамматическое значение которого актуализируется единством составляющих это сочетание элементов.

Аналитический способ преимущественно используется для выражения различных грамматических значений категории времени в системе глагола естественных языков. Однако в каждом языке аналитизм в темпоральной системе проявляется по-своему. Цель данной статьи заключается в выявлении общих и специфических особенностей функционирования в ингушском и немецком языках аналитических форм глагола, выражающих перфектное значение. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ научной литературы по рассматриваемой проблематике, изучение способов и форм выражения перфектного прошедшего времени глагола в сравниваемых языках, выявление семантических особенностей перфектных значений, реализуемых аналитическим путем.

Новизна предлагаемого исследования заключается в том, что в современной лингвистике, за исключением трудов Н. М. Барахоевой, не представлено теоретических работ, посвященных сравнительному изучению аналитических форм глагольных слов ингушского и немецкого языков; а морфологические признаки ингушского глагола до сих пор определялись и устанавливались, как правило, через призму грамматических свойств соответствующей части речи русского языка. Между тем формы глагола обоих языков, разных по своей типологии и не являющихся генетически родственными, обнаруживают общие свойства, которые позволяют опираться также и на ингушский языковой код для повышения эффективности изучения и преподавания немецкого языка в условиях ингушско-русского билингвизма. Это подтверждается и исследованиями Н. М. Барахоевой, которая для описания категории времени ингушского глагола и ее форм впервые примени-

ла схему и терминологию темпоральной системы глагола европейских языков, в частности немецкого и английского [Барахоева 2011].

В процессе работы использовались сравнительный и описательный методы, метод семантического анализа форм глагола, метод обобщения результатов наблюдения за языковыми явлениями. Материалом для исследования послужили примеры, взятые из классических и современных произведений художественной литературы, а также высказывания, употребляемые в современной разговорной речи.

Проблемой изучения аналитических глагольных форм так или иначе занимаются все лингвисты, исследующие глагол как часть речи, как ключевую системообразующую грамматическую единицу любого языка, определяющую основной смысл высказывания [Duden 2015: 15].

Автор первой грамматики ингушского языка З. К. Мальсагов выделяет сложную форму глагола, по сути, аналитическую, как альтернативу простой, для выражения плана настоящего времени [Мальсагов 1963: 43–58]. Р. И. Долакова в категории времени нахского глагола различает синтетические и аналитические формы, называя первые абсолютными, а вторые – относительными временными формами. По мнению лингвиста, относительные (аналитические) образуются деепричастными словоформами при помощи вспомогательных глаголов *да* (в, и, б), *хила*, *далла* (в, и, б), *латта* [Долакова 1961: 59–64].

Н. М. Барахоева всю систему нахского глагола представляет как оппозицию синтетических и аналитических форм, основанную на выражении аспектных, залоговых, фазовых, модальных и эвиденциальных значений [Барахоева 2011].

В сравниваемых языках – ингушском и немецком – широко представлены аналитические формы глагола, выражающие также темпоральные значения. В контексте предлагаемой статьи нас интересуют в первую очередь глагольные формы, передающие перфектные значения аналитическим способом.

Перфект, как временная форма, характеризующая максимально приближенную к моменту речи завершенность действия или процесса, занимает особое место в темпоральной системе двух языков. Перфект, как известно, выражая действия прошедшего времени, обладает особенностью соединять в конкретной коммуникативной ситуации планы прошлого и настоящего [Heyse 1840: 227].

Для обозначения форм с перфектной семантикой З. К. Мальсагов применяет термины «прошедшее историческое (гънах хиннар)»: *аз дийца* – я рассказал, *со лейзав* – я поиграл и «прошедшее предварительное (хъалха доаг1ар)»: *аз*

дийцадар – я рассказывал, со лейзавар – я играл [Мальсагов 1963: 43–58].

Р. И. Долакова номинирует перфект как «недавнопрошедшее» время, выражающее прежде всего законченность действия [Долакова 1961: 54–57].

Х. З. Дулаева, вслед за Т. И. Дешериевой, в родственном ингушском чеченском языке выделяет две формы с перфектным семантическим значением и именует их «близкое прошедшее»: *йийши* – только что прочитал – и «близкое прошедшее очевидное»: *йешира* – только что при мне прочитал, а также форму аористического перфекта «абсолютное прошедшее совершенное»: *йешина* – прочитал [Дулаева 2007: 137].

В современной практической грамматике ингушского языка для обозначения семантически близких перфекту форм, выражающих завершенность действия, используются понятия «прошедшее законченное время» («яхаянна ха»): *аыхад* / *вспахал* (когда-то) и «предпрошедшее время» («хъалха яхаянна ха»): *аыхадар* / *вспахал* (давно) [Ахриева и др. 1997: 162].

Й. Хайзе называет форму перфекта в немецком языке «завершенным настоящим» («die vollendete Gegenwart») или «Praesens perfektum», рассматривая эту временную форму исключительно в плане настоящего и подразумевая наличие сем совершенности действия и контактности с моментом речи: *du hast geschrieben* – ты написал, то есть «твой процесс письма на данный момент завершен» [Heyse 1840: 227]. Лингвист относит перфект к разряду абсолютных временных форм, ибо на завершенность действия на момент речи и его контактность с планом настоящего указывает и вспомогательный глагол в личной форме “*ich habe*” / я имею, употребляемый в настоящем времени (Präsens) [ibid.: 229].

Такой же точки зрения придерживается и О. И. Москальская, которая отмечает абсолютное и относительное использование перфекта. В первом случае эта временная форма показывает совершенность действия до момента речи, во втором – предшествование одного действия другому, актуальному на момент речи и выраженному в форме настоящего времени [Moskalskaja 2004: 94–97]. О. И. Москальская, наряду с презенсом и футурумом, включает перфект немецкого языка в группу форм, управляющих поведением слушателя и требующих от него синхронной реакции [ibid.: 82], маркируя перфектное значение признаками настоящего времени и контактности с моментом речи. Поэтому сферой употребления перфекта является преимущественно устная форма языка, тогда как в письменной преобладает претеритум; для сравнения: в художественной прозе 89,8 % всех глагольных форм приходится

на претеритум, тогда как на перфект – всего 0,5 % [ibid.: 89]. Вместе с тем считается, что перфект в значении прошлого и претеритум могут взаимозаменяться. Принципиальное отличие претерита от перфекта состоит в том, что последний обладает двумя дополнительными оттенками значений – результативностью и футуральностью, соответствия которым нет у формы простого прошедшего времени – претеритума [Helbig, Buscha 1996: 151].

В системе категории времени ингушского языка, по мнению Н. М. Барахоевой, можно выделить три формы перфекта – одну синтетическую и две аналитические [Барахоева 2013: 52]. К аналитическим формам глагола ингушского языка с перфектным значением относятся сложные граммемы, которые состоят из причастно-деепричастных форм смыслового глагола и вспомогательного глагола во временной форме перфекта; последний, как и в немецком языке, отчасти теряет свое основное лексическое значение. Принято считать, что из имеющихся в современном ингушском языке пяти вспомогательных глаголов – да (в, й, б) / быть (есть); хила / быть, становиться; далла (в, й, б) / находиться, пребывать; латта / стоять; дала / становиться [Барахоева 2011: 25] – в образовании аналитических форм перфекта участвует только хила в форме хиннав (-й, -д, -б) и хиннавар (-яр, -дар, -бар): – **Вала хъаървъянна хиннав**, – аълар Тийсе Зоврбика. / – **Нарывался на смерть, потеряв рассудок** (умереть, потерявши рассудок, был), – сказал сын Тийси Заурбек. (Чахкиев 2004: 14); **Цхъан юртара кхыча юрта водаш хиннав цхъа къонах.** / **Шел один мужик из одного села в другое.** (Дахкильгов 2000: 243); **Цу дийнахъа бераши хунаагI даха хиннадар.** / **В том день дети, оказывается, пошли в лес; Дика вахаши хиннавар из.** / **Он, оказывается, хорошо жил.**

В немецком языке перфект (Perfekt) представлен одной аналитической формой, образуемой смысловым глаголом в форме причастия страдательного залога (Partizip II) при участии вспомогательных глаголов *haben* (иметь) и *sein* (быть) в личной форме. Считается, что немецкому перфекту по семантике более близка форма синтетического перфекта ингушского глагола, выражающая такие семы, как «прошедшее время; исчерпанность; законченность действия; контактность с моментом речи» [Барахоева 2013: 55]. В ингушском языке синтетический перфект используется также в значении предшествования событию, выраженному в настоящем времени, поскольку перфектное действие имеет для говорящего определенную значимость на момент речи. В этом случае обеспечивается контактность с планом настоящего и реализуются причинно-след-

ственныe отношения: *Новкъостий 1обийшаб, го-
враш длахийца, Воаккхаг1чо ьоах* сога: – «*ла ло-
раел*» / *Друзья легли спать*, отпустив лошадей, *Старший говорит* мне: «*Ты покарауль*» (Плиев 2010: 24); – *Цлаг1а сиесар хиннайий цунна?* – *Хиннай. Хланз а ьолаши я, хьо санна Зина яха-
ц1и а ьоалаши.* / – *А у него была дома жена?* – *Была. И сейчас есть, ее зовут, как и тебя, Зина* (Кодзоев 2016: 81).

Такие же значения может выражать перфект и в немецком языке, подтверждая мнение о том, что «*темпоральные формы и „объективное время“ не идентичны*» [Engel 1996: 494]: *Er hat bemerkt, dass wir keine Russen sind* / *Он заметил, что мы не русские* (Gladysch 2007: 95); «*Bedaure*, *sagte die Schwester, «Professor Jaffé ist ausgegangen»* / *«Сожалею, – сказала сестра, – профессор Жаффé уже ушел»* (Ремарк 2006: 161).

Аналитический перфект, являясь в устной речи формой для обозначения действий в прошлом, как в немецком, так и в ингушском языке, служит выражению таксисных отношений в пределах высказывания: он указывает на предшествование перфектного действия событиям, происходящим в коммуникативной ситуации на данный момент и выраженным в форме настоящего времени. Иначе говоря, перфект позволяет уподоблять действие, имевшее место в прошлом, действию настоящего момента [Оздоева, Алиева, Дудургова 2018: 144; Engel 1996: 495]. В этом случае реализуется также один из основных признаков перфекта – контактность с моментом речи или соединение планов прошлого и настоящего: *Дала иштта лаърх1а хиннад из. Укх коара цхъаннахъа ғ1оргъяц хьо / Бог так распорядился.* *Из этого двора ты сегодня никуда не пойдешь* (Кодзоев 2016: 93); *Als Oberbürgermeister Kürten geendet hat, trete ich hinter Mikrophon und begrüße die Festversammlung / Как только закончил мэр Кюртен, я подхожу к микрофону и приветствую праздничное собрание.* (Gladysch 2007: 74).

Аналитический перфект ингушского языка и соответствующая форма немецкого языка одинаково могут выражать семантическое значение результивности действия, однако в немецкой глагольной форме сема результата проявляется более отчетливо благодаря вспомогательным глаголам, показывающим «обладание» (*haben*) предметом, над/с которым совершено действие (при переходных глаголах), и «наличие, присутствие» (*sein*) состояния завершенности процесса (при непереходных глаголах): *Тахан из ц1ей дез-
дав хиннад / Сегодня отмечали этот праздник.* (неочевидность действия); *Моастаг1ий т1аме1аши хиннаб / Враги наступали* (Дахкильгов 2000: 231); «*Herr Lohkamp*», *sagte er vorwurfsvoll, «ich habe mir die Sache genau*

durchgerechnet» / «*Господин Локамп, – сказал он с укором, – я точно просчитал это дело.*» (я имею это дело точно просчитанным) (Ремарк 2006: 175); *Die Natur ist schon aufgewacht.* / *Природа уже проснулась (есть проснувшаяся).*

Следует отметить, что в ингушском языке для выражения перфектных значений чаще употребляется синтетическая форма глагола, нежели аналитическая. Вместе с тем и в письменной, и в речевой форме языка можно встретить аналитический перфект в аористическом значении. Как в ингушском, так и в немецком языке аорист или дистантный перфект используется «для передачи относительно самостоятельных актов, которые имели место в прошлом и не являются актуальными в момент речи» [Барахоева 2013: 53–54]. Аористический перфект характеризуется свойством выступать в качестве повествовательной, то есть книжной, формы глагола, выполняя функцию претерита: *Сихъенна сигала ғ1олла ьо-
даши хиннай къайг. / В небе торопливо летела* ворона. (Дахкильгов 2000: 234); – *Шоашцара новкъост Тийсе Зоврбик волга ца ховши хиннаб-
кх уж, цо ше малав дла ца альч?* – *аьлар начальника.* / – *Они, значит, не знали, что с ними был их товарищ Заурбек, сын Тийси, пока тот не сказал им, кто он?* – *сказал начальник* (Чахкиев 2004: 6); *Ich habe mich mit meinem Vater erst versöhnt als er 92 Jahre alt war / Я помири-
лась со своим отцом лишь тогда, когда ему было 92 года* (Gladysch 2007: 68); *An den großen Friedensdemonstrationen haben wir immer teilgenommen, das war für uns selbstverständlich / В больших мирных демонстрациях мы всегда принимали участие, это было для нас само собой разумеющимся* (Gladysch 2007: 73).

Таким образом, проведенное впервые сравнительное изучение аналитических форм глагола со значением перфектности в ингушском и немецком языках показывает, что, несмотря на различия по способу образования и структуре, эти формы проявляют много общих свойств в выражаемой ими семантике. Так, в ходе исследования выявлено, что в обоих языках аналитические формы перфекта обладают такими семами, как прошедшее время, результивность действия, предшествование одного события другому и контактность действия с моментом речи. Установлено также, что аналитический аористный перфект сравниваемых языков в определенном контексте может использоваться как повествовательная форма прошедшего времени, заменяя форму претерита.

Список источников

Дахкильгов И. А. Мудрые наставления наших предков. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 360 с.

Кодзоев И.А. «Нынче зáма такая...» (дувцарий, ийлай, нигатий гуллам). Ростов н/Д: Лаки Пак, 2016. 696 с.

Плиев М.-С. Балан ди // Литературни Г1алг1айче. Назрань: Полиграфический комбинат «ИНГУШЕТИЯ». 2010. № 5-6 (52). С. 24–57.

Ремарк Э. М. Три товарища (на немецком языке). СПб.: КАРО, 2006. 352 с.

Чахкиев К. О. Моакхаза лоамаш // Литературни Г1алг1айче. Назрань: Полиграфический комбинат «ИНГУШЕТИЯ». 2004. № 2(38). С. 3–16.

Gladysch B., Filter C. Die kleinen Sterne von Grosny. Freiburg, HERDER, 2007. 223 S.

Список литературы

Ахриева Р. И. и др. Хланзара г1алг1ай мотт / Р. И. Ахриева, Ф. Г. Оздоева, Л. Д. Мальсагова, П. Х. Бекова Назрань: Полиграфический комбинат, 1997. 265 с.

Барахоева Н. М. Грамматические формы и категории глагола. Нальчик: Тетраграф, 2011. 312 с.

Барахоева Н. М. Перфект ингушского и немецкого языков // Проблемы исследования и преподавания языков в современных условиях: материалы рег. науч.-практ. конф. Махачкала: АЛЕФ, 2013. С. 51–55.

Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова: На материале истории немецкого языка // Вопросы грамматического строя. М.: Наука, 1955. С. 321–361.

Долакова Р. И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. II, вып. 2. Языкоzнание. Грозный, 1961. С. 3–69.

Дулаева З. Х. Видо-временная система чеченского глагола // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2007. Вып. 3. Ч. II. С. 137–142.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. 2-е изд. Грозный: Чечено-ингуш. книж. издво, 1963. 161 с.

Оздоева Э. Г., Алиева П. М., Дудургова Э. М. Временные формы глагола в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 142–145. doi 10.30853/filnauki.2018-4-1.33

Grundwissen Grammatik. 2, überarbeitete Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2015. 262 S.

Engel U. Deutsche Grammatik. 3, korrigierte Auflage. Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1996. 885 S.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 17. Auflage. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1996. 735 S.

Heyse J. Ch. A. Theoretisch-praktische deutsche Grammatik: oder, Lehrbuch der deutschen Sprache. Hannover, 1840. 442 S.

Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка). М: Академия, 2004. 352 с.

Schlegel A. W. Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris: Librairie grecque-latine-allemande, 1818. 122 s.

References

Akhrieva R. I. et al. *Khlanzara glalglay mott* [Modern Ingush Language]. Nazran, Poligraficheskij kombinat Publ., 1997. 265 p. (In Ingush)

Barakhoeva N. M. *Grammaticheskie formy i kategorii glagola* [Grammatical Forms and Categories of the Verb]. Nalchik, Tetragraf Publ., 2011. 312 p. (In Russ.)

Barakhoeva N. M. *Perfekt ingushskogo i nemetskogo yazykov* [Perfect of the Ingush and German languages]. *Problemy issledovaniya i prepdavaniya yazykov v sovremennykh usloviyakh* [Problems of Language Research and Teaching in Modern Conditions]: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Makhachkala, ALEF Publ., 2013, pp. 51–55. (In Russ.)

Gukhman M. M. *Glagol'nye analiticheskie konstruktsii kak osobyy tip sochetaniy chastichnogo i polnogo slova: Na materiale istorii nemetskogo yazyka* [Verbal analytical constructions as a special type of combinations of a partial and full word: Based on the history of the German language]. *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Issues of Grammatical Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1955, pp. 321–361. (In Russ.)

Dolakova R. I. *Sistema proshedshikh vremen v chechenskom i ingushskom yazykakh* [The system of past tenses in the Chechen and Ingush languages]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury* [News of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature], vol. II, issue 2. Yazykoznanie [Linguistics]. Grozny, 1961, pp. 3–69. (In Russ.)

Dulaeva Z. Kh. *Vido-vremennaya sistema chechenskogo glagola* [The type-tense system of the Chechen verb]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9], 2007, issue 3, pt. II, pp. 137–142. (In Russ.)

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran, Piligrim Publ., 2010. 486 p. (In Russ.)

Mal'sagov Z. K. *Grammatika ingushskogo yazyka* [Grammar of the Ingush Language]. 2nd ed. Grozny, Checheno-ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963. 161 p. (In Russ.)

Ozdoeva E. G., Alieva P. M., Dudurgova E. M. *Vremennye formy glagola v ingushskom yazyke*

[Tense forms of the verb in the Ingush language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2018, issue 4 (82), pt. 1, pp. 142-145. (In Russ.)

Grundwissen Grammatik [Basic Grammar]. 2nd rev. ed. Berlin, Dudenverlag, 2015. 262 p. (In Ger.)

Engel U. *Deutsche Grammatik* [German Grammar]. 3rd rev. ed. Heidelberg, Julius Groos Verlag, 1996. 885 p. (In Ger.)

Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht* [German Grammar. A Handbook for Teaching Foreigners]. 17th ed. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1996. 735 p. (In Ger.)

Heyse J. Ch. A. *Theoretisch-praktische deutsche Grammatik: oder, Lehrbuch der deutschen Sprache* [Theoretical and Practical German Grammar: or Textbook of the German Language]. Hannover, 1840. 442 p. (In Ger.)

Moskalskaja O. I. *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* [Grammar of the Contemporary German Language]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 352 p. (In Ger.)

Schlegel A. W. *Observations sur la langue et la littérature provençales* [Observations on the Provençal Language and Literature]. Paris, Librairie grecque-latine-allemande, 1818. 122 p. (In Fr.)

Analytical Verb Forms in the Perfect Aspect in the Ingush and German Languages

Madinat M. Khadzieva

Postgraduate Student at the Department of Ingush language

**Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Ingush State University**

7, prospekt I. B. Zyazikova, Magas, 386001, Republic of Ingushetia, Russia. madina1969@inbox.ru

SPIN-code: 5857-2573

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3674-4354>

Submitted 18 May 2024

Revised 21 Sep 2024

Accepted 30 Sep 2024

For citation

Khadzieva M. M. *Analiticheskie formy glagola so znacheniem perfektnosti v ingushskom i nemetskom yazykakh* [Analytical Verb Forms in the Perfect Aspect in the Ingush and German Languages]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 74–79. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-74-79. EDN VFLJSS (In Russ.)

Abstract. The article examines analytical forms of the verb with a perfect meaning in the Ingush and German languages. As of today, there are practically no scientific papers on the proposed topic. In the grammar of the Ingush language, verbs are considered in the morphology section, which is analogous to the verb system of the Russian language. N. M. Barakhoeva was the first to conduct a comparative study of the verb of the Ingush and German languages; however, analytical forms of verbs of the two languages in the perfect aspect have not been considered in special studies. Meanwhile, these verb forms of the Ingush and German languages have common properties, which helps in studying and teaching German more effectively in the context of Ingush-Russian bilingualism. Analytical verb forms with a temporal meaning are widely presented in the compared languages, but within the framework of the present study, the author looks at verbal forms that convey perfect meanings analytically. The perfect expresses completeness of an action, with this action having been completed as close as possible to the moment of speech, and has the feature of connecting the dimensions of the past and the present, thus showing contact with the moment of speech. In the Ingush and German languages, the analytical perfect conveys taxis relations within an utterance, indicating the precedence of the perfect action to events expressed in the form of the present tense. In both languages, the analytical forms of the verb in the perfect form can express the semantic meaning of the effectiveness of an action. The analysis has shown that these forms of the Ingush and German languages exhibit such semes as the past tense, the effectiveness of the action, the precedence of one event to another one, and the contact of the action with the moment of speech.

Key words: analytical form; perfect; aorist; Ingush language; German language.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 070:372
doi 10.17072/2073-6681-2025-1-80-89
<https://elibrary.ru/lknnpq>

EDN LKNNPQ

Образы учителей и учеников на страницах дореволюционных изданий Сибири

Азарова Василиса Николаевна

старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики
аспирант кафедры русской литературы

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, ул. Ленина, 66. litisa@yandex.ru

SPIN-код: 6801-8127

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2417-9872>

Статья поступила в редакцию 02.04.2024

Одобрена после рецензирования 17.06.2024

Принята к публикации 26.10.2024

Информация для цитирования

Азарова В. Н. Образы учителей и учеников на страницах дореволюционных изданий Сибири // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 80–89. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-80-89. EDN LKNNPQ

Аннотация. Исследовательский взгляд на образы учителей и учеников, формируемые общественным мнением и сознанием и бытующие в нем, может обогатить представления об образовании того или иного периода, о нормах и устремлениях общества в вопросах воспитания и педагогики, помочь воссоздать картину образовательной реальности. В статье выявляются типы и особенности образов учителей и учеников, которые формировались в сибирских дореволюционных периодических изданиях на рубеже XIX–XX вв. – общественно-политических и ученических («Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Товарищ», «Мысли учащихся средней школы»). В рассматриваемый период Томск являлся центром Западно-Сибирского учебного округа, и томское общество было всерьез озабочено вопросами воспитания и образования подрастающего поколения граждан, что и отражалось в периодической печати. В исследовании анализируются как литературные, так и публицистические произведения, поскольку журналистика в это время была неотъемлемой частью литературного процесса и отражала общественные представления о важных вопросах. Репрезентация учителей носила негативный характер, в то время как репрезентация учеников положительная. Определены литературные источники некоторых из формируемых сибирскими авторами образов (Л. Толстой, А. Чехов, Ф. Достоевский, Н. Гоголь, Н. Помяловский), выделены виды образов («чудо-вищие», «воспитатель юношества», «подвижник» – для учителей; «чнервная эолова арфа», «непоседа», «неуч» – для учеников) и выявлены модели их взаимодействия между собой. Выбранный подход дал возможность сделать выводы о том, что литераторы и публицисты, решая разные задачи, преследовали одну цель – формирование общественного мнения и общественных представлений об образовании.

Ключевые слова: образ учителя; образ ученика; дореволюционные издания; Сибирь; школа; ученические журналы; образование; дореволюционная гимназия.

Введение

Интерес к изучению темы детства в конкретных регионах наблюдается как у отечественных, так и у зарубежных ученых, причем для исследований используются как литературные источники, так и иные инструменты фиксации реальности – документы, сохранившиеся дневники, воспоминания и мемуары, газетные публикации [Children's Literature Collections... 2017]. Исследовательский взгляд на образы учителей и учеников, формируемые общественным мнением и сознанием, может обогатить представления об образовании того или иного периода, о нормах и устремлениях общества в вопросах воспитания и педагогики, помочь воссоздать картину бытавшей образовательной реальности на конкретных территориях.

Тенденции в изображении школьной жизни, сложившиеся в русской литературе к концу XIX в., выявили С. В. Бурдина и О. А. Мокрушина. Во-первых, независимо от точки зрения (ученика, учителя или чиновника, надзирающего учебный процесс) отношение к школе оказывалось чаще негативным; во-вторых, сложился семантический ряд метафор, раскрывающих суть отношения русских классиков к школе (ад – тюрьма – суд); в-третьих, оппозиция «школа – дом» уже стала устойчивым компонентом «школьного текста» XIX в. [Бурдина, Мокрушина 2014: 99–108]. Собственно образам учителей школ и гимназий в русской литературе также посвящен ряд работ: коммуникативная позиция учителя в русской литературе [Власова 2005], образы учителей гимназий на рубеже XIX–XX вв. и современных учителей [Козлова 2007; Гончаров 2010], медиаобраз учителя в современных СМИ [Солдаткина 2016: 261–277]. Исследовательское внимание, хотя и в меньшей степени, уделяется также образам учеников и их жизни; к примеру, Егорова рассматривает повседневную жизнь учащихся Урала [Егорова 2008: 84–91]. Тема становления и развития школы, школьного образования в дореволюционной России и Сибири также поднимается в работах следующих исследователей: С. Ю. Дивногорцева пишет о недостаточном количестве педагогических учреждений в дореволюционной России [Дивногорцева 2010: 42–48], М. П. Войтеховская делает акцент на истории педагогического образования в Томской губернии [Войтеховская 2010: 145–149].

В дореволюционной России школьная тема поднималась не только в художественной литературе – существовала она и в материалах периодической печати, в том числе региональной. Ирепрезентация учителей и учеников на страницах дореволюционных сибирских изданий может дополнить картину общественных представлений о школе в Сибири в этот период.

Цель настоящего исследования – выявление особенностей образов учителей и учеников, формируемых в литературных и публицистических текстах дореволюционных периодических изданий Томска. Поскольку журналистика в дореволюционный период была важнейшей составляющей литературного процесса [Русская литература и журналистика... 2021], нами рассматривались как литературные, так и публицистические тексты. Эти произведения существовали в одном пространстве – газетной или журнальной полосы, часто перекликались, вступали в диалог или дискуссию, создавали и транслировали смыслы, образы, примеры, формируя общественное мнение по значимым вопросам. Используемые методы: историко-описательный, выборка текстов по ключевым словам, количественный и качественный контент-анализы, проблемно-тематический анализ материалов. Материалом исследования послужили тексты сибирских общественно-политических изданий, выходивших на рубеже XIX–XX вв.: «Сибирская газета» (далее – СГ) за 1881–1889 гг.; «Сибирская жизнь» за 1897–1900 гг. (далее – СЖ); «Сибирский вестник» (далее – СВ) за 1903–1905 гг.; а также учебнических журналов, посвященных теме школы: «Товарищ» (далее – Т), 1911–1912 гг.; «Мысли учащихся средней школы» (далее – МУСШ), 1916–1917 гг.

Дореволюционная Сибирь: история, литература, образование

Рубеж XIX–XX вв. для России стал переломным моментом во многих сферах жизни. Последствия отмены крепостного права, судебной реформы, образовательной, земской – всё это способствовало общей гуманизации общества, росту гражданских свобод, переосмыслинию сложившейся культуры общественных взаимоотношений. Развитие промышленности и технологий, экономический подъем, рост образованности населения перестраивали сложившийся, традиционный уклад многомиллионной и многонациональной империи, вызывая к жизни новые социальные противоречия, но в то же время создавая почву для формирования нового мировоззрения, новой культуры и литературы.

В центральной России параллельно с укрепившимися и ставшими традиционными реалистами (А. Чехов, Ф. Достоевский, Л. Толстой и пр.) формировалось течение модернистов: символизм, авангардизм, футуризм, акмеизм. Возникали новые литературные формы, авторы искали новые способы отражения новой реальности. Несмотря на развитие железных дорог и путей сообщения, эти течения с серьезным запозданием добирались до отдаленных уголков гигантской

страны: так, в дореволюционной Сибири рубежа веков основным литературным течением достаточно долго оставался реализм. Он господствовал на страницах периодической печати, часто носившей в этот период литературоцентричный характер [Жилякова 2011].

Распространению идей способствовало общее повышение грамотности населения. Перепись населения Российской империи 1897 г. выявила 21 % грамотных людей (грамотностью считалось как умение читать и писать, так и умение только читать). Образовательная система России конца XIX в. включала в себя низшую, среднюю и высшую школы. К низшим учебным учреждениям относились начальные училища, школы грамотности, носившие подготовительный характер; средняя школа включала в себя классические гимназии, прогимназии (младшие классы гимназии), реальные и технические училища; высшее образование – это университеты, институты и академии.

Обязательное образование в России стало только в 1925 г., в дореволюционный период обучение в средней школе могли получить только дети, родители которых способны были это обучение оплатить, частные начальные школы также были платными. В 1900 г. в Томске обучение в частной начальной школе стоило 30 руб. в год (или 3 руб. в месяц). Занятия начинались в августе. Некоторые учреждения предоставляли иногородним учащимся квартиры при школе и стол (см.: СЖ. 1900. № 143).

С 1885 г. Россия была разделена на 15 учебных округов, центром одного из которых – Западно-Сибирского – стал Томск (в составе округа находились Томская, Тобольская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области) [Войтеховская 2010: 145].

На 1900 г. в Томской губернии (по данным отчета Западно-Сибирского учебного округа) насчитывалось 2 высших учебных заведения, мужская и женская гимназия, 2 реальных училища, 3 женских прогимназии, 2 технических училища. Начальное образование в губернии давали 4 городских училища, 3 уездных, 36 приходских, 33 сельских училища и 246 учебных заведений различных ведомств, подчиненных в учебном отношении Министерству народного просвещения. Кроме того, на территории губернии существовало 21 частное училище. Всего к началу XX в. в учебных заведениях губернии получали образование 21,7 тыс. человек, что составляло почти 42 % от общей численности учащихся Западно-Сибирского учебного округа. В 1900 г. на 24 жителя Томска приходился 1 учащийся [там же].

На фоне приведенных цифр интерес к школе и активное присутствие школьной тематики в

общем потоке текстов о детях в периодических изданиях выглядит закономерным явлением: томское общество было всерьез озабочено вопросами воспитания и образования подрастающего поколения граждан.

Репрезентация учителей

Внимание авторов материалов к учителям и ученикам было различным: об этом можно судить прежде всего по частотности появления публикаций. Учителям в сибирской периодике внимания уделялось больше, материалы о них появлялись чаще, кроме того, образы учителей были ярче и в то же время противоречивее. Это и определило логику нашего анализа. Большее число текстов (21), так или иначе говорящих об учителях, опубликовано «взрослыми» авторами в общественно-политических изданиях. Школьники в ученических журналах писали об учителях редко: из 40 материалов (31 – «Мысли учащихся средней школы», 9 – «Товарищ») только 4 содержат информацию об учителях.

Можно с некоторой долей условности разделить образы учителей на три типа: учителя «чудовища» [Власова 2005], учителя – «воспитатели юношества» и учителя-«подвижники». Представлены эти образы не равномерно: «чудовищ» было значительно больше, они встречались и в художественных, и в публицистических текстах, и выписаны были более выпукло и детально. Образы «воспитателей юношества» и «подвижников» формировались преимущественно в публицистических произведениях, были представлены обобщенно, не конкретно. Рассмотрим последовательно эти образы.

Учителя-«чудовища» – это «авторитарные, монструозные» учителя, основными образовательными тактиками которых являлись «наказание, обвинение, безнравственное манипулирование, негативное оценивание» [там же]. Образы таких учителей часто встречаются в произведениях русских писателей XIX в. Здесь вспоминаются и странности гоголевских учителей (ненависть к «умным и острым мальчикам» в «Мертвых душах»), и чеховский Беликов, который был способен своих учеников только «ограничивать, превращать в ничтожества, каким являлся и сам» [там же], и садистские наклонности некоторых педагогов Достоевского («Подросток»). Н. Г. Помяловский в «Очерках бурсы» назвал таких учителей «черными педагогами» [Помяловский 1980] и именно им вменял ответственность за развращение и гибель светлых детских умов в стенах бурсы. Этот образ оказался наиболее часто представленным на страницах сибирских дореволюционных изданий, авторы которых создали целую галерею таких персонажей.

Так, в очерках «Томская гимназия в пятидесятых годах», которые публиковались в «Сибирской газете» (СГ. 1886. № 3, 6, 7, 14), были изображены сатирические портреты четырех томских учителей, выписанных в духе Помяловского. Самым жестоким был представлен учитель французского языка Александр Иванович: раздраженный, крикливы, он не чурался и физического насилия. Автор так описывал его методы обращения с детьми в учебном классе: «В то же мгновение Мухин получает весьма веский удар в лоб перстнем, который Александр Иванович носил на правой руке. На месте ужасного щелчка показалось багровое пятно. <...> Новый еще более сильный удар и тот же оглушительный крик обезумевшего от раздражения педагога. На лбу у Мухина заалела кровь, он падает в изнеможении на парту» (СГ. 1886. № 6). Учитель географии Федор Дмитриевич, напротив, характеризовался как «добрый, очень даже добрый», однако и этот «добрый» учитель отвещивал ученикам «педагогические кокосы»: «для вящего вразумления казанками своего кулака весьма основательно стукнул в голову любопытствовавшего ученика» (СГ. 1886. № 7).

Следующие два учителя в описании автора не выглядели «чудовищами», однако их педагогические приемы вызывают серьезные сомнения. «Хер пастор» – учитель немецкого языка – почти не понимал по-русски, что ученики мастерски использовали, повторяя один и тот же урок на протяжении года. А учитель русского языка Иван Гаврилович, «человек маленький, полненький, кругленький, с совершенно уже заплывшими глазами», изобрел новый педагогический метод: «каждая часть вицмундира Ивана Гаврилова служила представителем какой-нибудь части речи, или какого-нибудь другого грамматического понятия» (СГ. 1886. № 3), и, дотрагиваясь до нужной пуговицы, учитель подсказывал ученику правильный ответ.

Автор «Сибирской газеты» Щемелинов, рассказывая о своих школьных воспоминаниях 25-летней давности и напрямую ссылаясь на Помяловского, добавил в галерею учителей-«чудовищ» еще трех персонажей:

– директора школы, преподававшего латынь и названного автором «египетской мумией» (СГ. 1883. № 47) за то, что за 30 лет службы никто не видел на его лице никаких чувств;

– учителя русского языка, который «называл нас дубинами, ослами, мерзвацами и криком своим приводил в трепет бедных мальчиков» (там же);

– учителя математики, который преподавал «в разное время физику, естественную историю, географию, чистописание, рисование, немецкий

язык, но еще занимался исследованиями края» (там же).

Ряд «чудовищ» продолжал нелепый и беспомощный в педагогическом смысле учитель в очерке «Афонов» (СЖ. 1898. № 144, 145). Автор очерка, Е. Никитин, также явно вдохновлялся «Очерками бурсы» при создании этого произведения. Он писал: «И теперь в университете я совершенно уже порвал всякие связи с среднеучебным заведением, а между тем воспоминания о раннем детстве и юности не дают мне покоя и назойливо лезут в голову, мешая сосредоточиться на более серьезных научных занятиях» (СЖ. 1898. № 144).

Образ Афонова, который шесть лет был учителем автора в гимназии, не вызывал симпатий: Никитин описывал его как человека с «бесцветным и неопределенным лицом» (там же), не обладающего красноречием, мыслящего себя энциклопедистом и берущегося преподавать все подряд, представляющего из себя скорее «бухгалтера, записывающего в журнал параграфы отмериваемых им уроков, нежели учителя, способного толково вести дело преподавания» (там же). В случае непослушания «все углы украшались учениками» (там же), а «самою слабой стороной Афонова была излишняя подозрительность, и в каждом ученике он скорее видел врага, нежели друга» (там же).

В этот же строй «черных педагогов» можно поставить и двух из трех учителей в рассказе «Провалился» (СЖ. 1899. № 179): молодого педагога «с быстрым, слегка надменным взглядом» (там же), делающего безосновательный вывод: «Боже! Как он туп!» (там же) – по поводу ребенка, ответившего на все основные вопросы по разным предметам; и председательствующего, который его поддержал: «Да, очень туп!» (там же).

Заметим, что образ учителей-«чудовищ» был характерен для «взрослой» литературы и публицистики, на страницах ученических журналов «чудовищных» образов учителей не встречается. Подростки практически не фиксировали такой образ в своих произведениях, и это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, подцензурностью; во-вторых, поскольку многими ученическими изданиями руководили педагоги, они не пропускали «негативных» характеристик. В-третьих, это особый статус некоторых ученических изданий: журнал «Мысли учащихся средней школы», изданный при «Литературном кружке», организованном при Политехническом училище Томска в 1916–1917 учебном году, был «печатным органом – и т. д.», освещавшим интересы учеников средней школы. Наличие литературного кружка и издание сборника свидетель-

ствуют о совершенно ином характере отношений учителей и учеников, о большем внимании со стороны учителей и большей вовлеченности учеников в образовательный процесс, а значит, и более лояльных отношениях между ними.

Второй тип – учителя – «воспитатели юношества» – наделялся авторами такими характеристиками, как «внимательный к учащимся и уважаемый ими, педагогически состоятельный, трезвый, гуманный педагог». Этот тип был представлен в материалах не столь выразительно и объемно. Однако практически во всех текстах эти образы «чудовищ» и «воспитателей юношества» соседствуют, и «чудовища» особенно чудовищны именно на контрасте с внимательными и гуманными учителями. Кроме того, зачастую «чудовища» остаются в прошлом, о них вспоминают с ужасом и презрением, а современные педагоги, подчеркивают авторы, – уже другие. Так, публицист «Сибирской газеты» Щемелинов, большую часть своего материала посвятивший «чудовищам» прошлых лет, в finale публикации хвалил современных педагогов: «Каждый день обхожу я большинство здешних учителей, чтобы только ощутить душевное удовлетворение... Согласитесь, приятно ведь посмотреть на благородного, трезвого, знающего, гуманного, любимого и уважаемого воспитателя юношества!» (СГ. 1883. № 47).

Более полно этот тип «воспитателя юношества» был представлен в рассказе А. Додэ «Последний класс» (указывалось, что его перевела для «Сибирской жизни» Э. Станиславская) (СЖ. 1898. № 87). В тексте описывалось, как господин Гамель, учитель в Эльзасе, давал свой последний урок французского языка, поскольку пришел указ из Берлина преподавать в школе только немецкий язык. Учитель в парадном костюме, который он надевал только для вручения наград, был печален, вежлив, торжественен идержан. Важность и значимость образования, своеевременность учения транслирует этот «воспитатель юношества», однако и у этого уважаемого и спокойного учителя есть «ужасная линейка под мышкой» (там же), и что-то «чудовищное» просматривается и в этом герое, отмечал А. Додэ.

Черты «воспитателя юношества» можно обнаружить также у одного из педагогов, представленных в рассказе «Провалился»: это «седой, добродушный на вид господин, с добрыми, часто мигающими глазами» (СЖ. 1899. № 179). Этот «добродушный старичок», в отличие от председательствующего, который «нисколько не интересовался тем, что рассказывал ему стоявший около стола маленький, толстенький мальчуган», «напротив, слушал очень внимательно, изредка вставляя в рассказ мальчугана отрывистые фра-

зы», «в такт покачивая головой, изредка произносил: “Так... Так... Хорошо!”» (там же). Правда, последнее слово осталось в этом рассказе за учителями-«чудовищами»: опротестовать вердикт «провалился» старичку не удалось.

Необходимо подчеркнуть, что пример педагогической состоятельности был отмечен автором и в фельетоне «Афонов». Как писал Никитин: «Мы знали одного педагога, которого, при первом его появлении в классе, ученики наделили эпитетом “слон”. Педагог, узнав об этом, ничуть не потерялся. В один прекрасный день он прочитал ученикам басню “Слон и моська”, побеседовал с ними и вместе посмеялся. Этого было довольно, чтобы ученики никогда больше не давали ему никаких прозвищ и не знали неуместного смеха» (СЖ. 1898. № 144).

Именно этот образ «воспитателя юношества» встречается в публицистических текстах школьных изданий: как правило, юные авторы описывали в основном заботливых и внимательных наставников. Например, в заметке «Школьная жизнь» речь шла о выставке картин художника Прохорова, которую посетили учащиеся под руководством преподавателя: «благодаря живым и понятным комментариям преподавателя М. М. Щеглова и нам открылся новый мир, который раньше слишком мало останавливал наше внимание» (Т. 1911–1912). А в эссе «Требования времени» его автор И. Павлов акцентировал внимание на чувствах, которые вызывают у учеников такие «воспитатели юношества»: «Вы, может быть, не представляете, как мы уважаем и любим тех преподавателей, которые идут нам навстречу!» (МУСШ. 1916–1917).

Образ учителей-«подвижников» встречался в периодической печати реже всего, и формировало его авторы публицистических материалов. Так, в публикации о Томской воскресной женской школе (СЖ. 1898. № 58, 258) редакция акцентировала внимание на том, что в качестве учителей в ней «надрывают свои силы те же учителя и учительницы городских школ, какие едва успевают вздохнуть после недельной адской школьной обязательной работы среди шума и гама» (СЖ. 1898. № 258). «Замечательная выносливость» учителей «среди нищенской обстановки» вызывала изумление у редакции «Сибирской жизни». В передовой статье «Необеспеченность учителей» (СЖ. 1898. № 9) журналисты писали: «положение учителя становится уже прямо отчаянным и, кроме глубокого сожаления, начинает вызывать неограниченное изумление при виде замечательной выносливости того же учителя среди своей нищенской обстановки и пренебрежительного к нему отношения сограждан именно вследствие этой обстановки» (там же).

В отличие от образов учителей, образы учащихся были менее разнообразны и появлялись на страницах изданий гораздо реже.

Репрезентация учеников

В результате исследования томских периодических изданий было выявлено 15 текстов, где авторы не только упоминали об учащихся, но и каким-то образом их характеризовали: 10 из них были опубликованы в общественно-политических изданиях, 4 – в ученических журналах.

Образы учеников также можно условно разделить на три типа: «нервные эоловы арфы» (название заимствовано из рассказа С. Гусева-Оренбургского «Двойка» (СЖ. 1900. № 329)), «непоседы» и «неучи».

«Взрослые» литераторы были однозначно и всецело на стороне учащихся. Мы не встретили ни одного литературного образа «неучи» на страницах общественно-политических газет, большинство мальчиков и девочек – это «нервные эоловы арфы», старательные, трудолюбивые и т. д. Целый спектр страданий, испытываемых детьми, – от терпимых до непереносимых – представляли авторы своим читателям, преследуя цель вызвать сочувствие, присмотреться внимательнее к переживаниям ребенка.

Если разделить детские образы по уровню «страданий», то больше всех повезло Ване Ясенкову из рассказа В. Д. Митрича «Последний по алфавиту» (СЖ. 1898. № 178). Автор подчеркивал: ребенок «экзаменуется в гимназии пятый раз» (там же), и его фамилия стоит последней в алфавите. Митрич заострял внимание на том, что экзаменатор был раздражен, это раздражение передавалось и мальчику. К счастью для Вани, ситуация экзамена, томительное ожидание своей очереди, накопившаяся усталость и голод не помешали ему ответить на несколько вопросов экзаменатора, он сдал латинский. Но это всего лишь передышка в страданиях, впереди еще экзамены. Автор указывал на то, что успешность экзаменов зависит не только от подготовленности ученика, на нее влияют иные, не зависящие от ребенка, но зависящие от взрослых обстоятельства.

Гораздо меньше повезло будущему гимназисту Коле Лужину из рассказа «Провалился» (СЖ. 1899. № 179). В начале произведения Коля «за свои знания не боялся», однако ни подготовленность, ни уверения репетитора не давали спокойствия ребенку, мальчик «не мог без трепета вспомнить, что вот завтра, перед целой толпой незнакомых ему сверстников и лицом к лицу с важными и серьезными учителями, он будет принужден давать ответы» (там же). Автор (был обозначен псевдонимом «В. Ф.») делал акцент на

переживаниях маленького ученика, на сложных обстоятельствах, которые сопутствуют процессу экзаменовки, на нервном напряжении ребенка.

Еще более серьезные последствия столкновения с образовательной системой были продемонстрированы в уже упомянутом нами рассказе С. Гусева-Оренбургского «Двойка» (СЖ. 1900. № 329). Эта оценка – собственно «двойка» – на перезэкзаменовке стала причиной нервного приступа у героини рассказа Анечки. Автор подчеркивал, что девочка учila всё лето и знала ответ, но учитель запутал ее и поставил двойку, не переведя в следующий класс. И девочка заболела: металась в горячке, бредила. Доктор, оценивший состояние девочки как очень серьезное, воскликнул: «Эх, господа! Вам дети, кажется, для опытов даны!.. Да ведь вы посмотрите какой это впечатлительный ребенок... Это – нервная эолова арфа! Ну, и эти господа там... педагоги что ли... как там их величают... сосульки ледяные что ли у них в грудь-то вставлены... Скотство-с!.. Варварство-с на педагогической почве!..» (там же). Тем самым автор подчеркивал: то, что взрослым – педагогам и родителям – кажется пустяком, обычным делом, выдумкой, леностью, для детей оказывается событием, влияющим на всю его судьбу, решающим вопрос жизни и смерти.

Крайним проявлением страданий «эоловых арф» в текстах дореволюционных авторов становится сумасшествие. Сережа Трубицын, герой одноименного рассказа ученика 7 класса (рассказ подписан «А. Б.»), описывался как старательный ученик, но он не был склонен к математике: «в решениях сложных задач он не видел ничего интересного и гораздо больше времени уделял работам по словесности и чтению философских сочинений» (МУСШ, 1916–1917). Несмотря на приложенные усилия, работа его была возвращена, к экзамену педагог Сережу не допустил. В результате герой долго гулял по Английской набережной, смотрел на воды Невы, обращался к Медному всаднику с просьбой уберечь его от будущего, которое виделось ему страшным чудовищем, надвигалось и давило. Не найдя утешения ни в чем и ни в ком, он закричал «и, вскочив на ноги, побежал куда-то вдаль, ничего не видя перед собою... Он сошел с ума...» (там же). Так заканчивает свой рассказ юный сибирский гимназист, явно вдохновляясь «Медным всадником» Пушкина, прочитанным, вероятно, на уроках словесности. Будущее Сережи настолько же невыносимо и невозможно для автора рассказа, как и будущее Евгения, потерявшего свою возлюбленную и смысл жизни. Для юного автора недопуск к экзамену настолько же сильное необратимое событие, неподвластное герою-гимназисту, ломающее его жизнь, что и стихия, взбунтовавшаяся Нева.

Тот же мотив сумасшествия встретился в новелле автора, подписавшегося как «Л. И.», «Живые воспоминания» (СЖ. 1899. № 56), где герой мучился воспоминаниями о школьных годах: сначала из первого ученика в классе он стал учеником посредственным, надорвав здоровье в занятиях, а после и вовсе попал в психиатрическую лечебницу. Авторы говорили о том, что невнимание к психическому устройству ребенка, к его внутреннему хрупкому миру, обесценивание его усилий со стороны педагогов, со стороны всей системы образования было способно сломать жизни маленьких героев.

Второй тип учеников – «непоседы» – нередко встречался в сочетании с типом учителя «чудовища», но не жестокого, а скучного. Такое поведение учеников, например, фиксировал автор очерков «Томская гимназия в пятидесятые годы» в «Сибирской газете», описывая ситуацию на уроке немецкого языка. Ученики сначала сами запускали в класс собаку, зная, что учитель их очень боится, а потом разворачивали целую погоню с метлами, шумом и суетой. Лихая погоня быстро стихала, когда в коридоре становились слышны шаги инспектора, искусно пользовавшегося розгами (СГ. 1886. № 3). Это своеобразная реакция живой энергии ребенка на бессмысленный процесс образования.

Оправдывал подобные развлечения детей «непосед» и Е. Никитин, автор фельетона «Афонов» (СЖ. 1898. № 144, 145). Он удивлялся своему счастливому завершению обучения и вспоминал, как они с одноклассниками вынуждены были развлекать себя: они «обращали его (Афонова) урок в театральное представление, злорадствовали над ним, потешались и, конечно, постоянно раздражали его» (там же). Причину такого поведения детей автор объяснял неподготовленностью, неспособностью учителя выполнять свои задачи и враждебным отношением к детям, которое они не могли не чувствовать.

Третий тип – «ученик-неуч» – в исследуемых изданиях встречается еще реже, было обнаружено только два материала, в которых презентация ученика носит негативный характер. Примечательно, что авторами этих текстов были сами дети.

Автор Кванинский в юмористическом рассказе «Ученики», опубликованном в журнале «Мысли учащихся средней школы», повествовал о двоичнике и прогульщике Феде Фантазерове, который решил изменить свою жизнь, но не смог этого сделать. Причины юный автор не искал, он просто сатирически фиксировал ситуацию. По его представлениям, лентяй и прогульщик не может измениться, он мог об этом мечтать, но оставался прогульщиком и лентяем (МУСШ. 1916–1917).

Вторую нелицеприятную оценку ученикам дал автор эссе «Требования жизни» (там же): «в то время, как первая часть учащихся погружена в глубокомысленное занятие “шмендефером” (карточная игра. – В. А.) и обдумыванием наилучшего приема уложить шар в лузу направо, вторая – лихорадочно роется в книгах и хочет найти истину нужную для жизни» (там же). Причем негативную оценку автора наряду с «неучами» получили и отличники с медалистами, зубрящие учебники только ради положительных оценок. Автор эссе П. Иванов строг и суров к своим одноклассникам: «Милые, бедные мальчики, бедные духом, нам вас так жаль, нам так жалко, что вас не может коснуться дух истины, и что для вас нет надежды не только найти, но и искать эту истину. Нам жаль, что вы проживете всю жизнь при свете электрической лампочки, которая никогда не заменит самого слабого луча прекрасного солнца» (там же).

Выводы

Итак, изучение текстов томских журналистов, писателей, литераторов о школе, учителях и учениках видится значимым для понимания общественных представлений о школьной тематике в периодике, выходящей в Томске. Можно констатировать, что сибирские авторы в целом придерживались сформировавшейся к концу XIX в. тенденции представлять школу в негативном ключе, это свойственно литературным произведениям на страницах общественно-политических изданий. Однако публицистические произведения и заметки в ученических журналах уже начинали формировать позитивный образ школы и учителей.

Рассматривая создаваемые авторами сибирских газет и журналов персонажи, можно заметить, что образов учителей и учеников в текстах – ограниченное количество: и массив образов учителей, и массив образов детей с некоторой долей условности делятся на три неравномерные группы каждый. Среди учительских образов наибольшую группу составляют негативные образы учителей-«чудовищ», среди детских значительно преобладают положительные образы учеников – «эоловых арф».

Кроме того, выделенные образы вполне соответствуют литературными источниками: так, например, образ учителя-«чудовища» явно заимствован из литературных произведений русских писателей XIX в. – Н. Гоголя, А. Чехова, Ф. Достоевского, Н. Помяловского; встречались прямые отсылки к ним, цитаты этих писателей брались в эпиграфы. Реже встречающийся образ учителя – «воспитателя юношества» отсылает нас к более древнему архетипическому образу учителя: проводника знания, духовного наставника. Образы

учеников – «эоловых арф», чувствительных, хрупких детей, сталкивающихся с суровым взрослым миром, вызывают параллели с Л. Толстым и его вниманием к внутреннему миру ребенка, но еще больше ассоциируются с Ф. Достоевским, который наделял ребенка изна-чальной невинностью и чистотой в противовес испорченности взрослых. Образ учеников-«непосед», вынужденных скрашивать шалостями се-рость бурсацкой жизни, встречался у Н. Помя-ловского. Этот образ, перенесенный в томские гимназии авторами сибирских изданий, был ме-нее выразительным, однако оправдывался.

Нужно отметить, что все эти образы почти никогда не встречались изолированно, они раз-мещались рядом в одном произведении и вза-модействовали в рамках определенных моделей. Наиболее распространенной и самой драматиче-ской моделью взаимодействия являлось про-тивостояние учителя-«чудовища» и ученика – «эо-ловой арфы», более комично взаимодействовали с такими учителями ученики-«непоседы», а вот учителя – «воспитатели юношества» имели на последних позитивное влияние.

Исключение составляют образы учителя-«подвижника» и ученика-«неуча». Первый образ зафиксирован в чисто публицистических текстах, целью которых было привлечение внимания об-щества к ущемленному и тяжелому положению учителей. Источником этого образа стоит рассмат-ривать не литературные произведения, а специали-зированные образовательные журналы («Вопросы образование» и под.), активнее эти проблемы об-суждались в педагогической среде и, вероятно, пока только начинали проникать в литературу и общественную дискуссию. Существовал этот об-раз изолированно. Как и второй образ – ученика-«неучи», он создался самими школьниками и не был востребован «взрослыми» авторами.

В текстах отражалась скорее позиция издания в целом – здесь не было особо известных авто-ров, мастеров пера, а тексты писателей второго плана как будто были написаны по заказу на заданную тематику. К этому выводу нас приводит заметное тематическое отличие рассказов С. Гу-сева-Оренбургского, опубликованных в «Сибир-ской жизни», от его основных произведений, по-священных преимущественно духовенству и включенных в собрание сочинений. Смеем пред-положить, что и перевод рассказа А. Додэ был помещен в номер исключительно за сходство с редакционной позицией.

Рассмотрение художественных и публицисти-ческих произведений в качестве единого тексто-вого массива, целостного информационного по-тока, каковым он и являлся в дореволюционной Сибири, дало возможность выявить определен-

ные задачи, которые решались на страницах га-зет и журналов разными видами текста. Литера-торы, создавая гипертрофированные образы учи-телей-«чудовищ» и вызывающие сочувствие и симпатию образы тонких, чувствительных уче-ников, привлекали внимание общества к пробле-мам образования, утешали и обостряли их, пробуждали эмоции общества, формировали от-ношение. Публицистика же фиксировала насто-ящий момент, стремилась разобраться в сути и причинах проблем образования, искала и предла-гала пути решения. Таким образом, литераторы и публицисты дореволюционного периода на стра-ницах сибирских изданий, решая разные задачи, преследовали одну цель – формирование обще-ственного мнения и общественных представле-ний об образовании.

Список источников

- МУСШ – Мысли учащихся средней школы. Томск, 1916–1917.
- СГ – Сибирская газета. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000351029/index.html> (дата обращения: 20.02.2024)
- СЖ – Сибирская жизнь. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 20.02.2024)
- СВ – Сибирский вестник. URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/000349027/> (дата обращения: 20.02.2024)
- Т – Товарищ. Томск, 1911–1912.

Список литературы

- Бурдина С. В., Мокрушина О. А. Изображение школы в русской литературе XIX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубеж-ная филология. 2014. Вып. 2(26). С. 99–108.

Войтеховская М. П. Развитие педагогического образования в Томской губернии до революции 1917 г. // Наука и школа. 2010. № 5. С. 145–149.

Власова М. В. Образ и коммуникативная по-зиция учителя в русской литературе: Д. И. Фон-визин, И. С. Тургенев, А. П. Чехов: автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2005. 19 с.

Гончаров И. Ф. Образ современного учителя // Вестник Герценовского университета. 2010. № 7. С. 55–60.

Дивногорцева С. Ю. Становление государ-ственной системы педагогического образования в дореволюционной России // Вестник Право-славного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. № 2 (17). С. 42–48.

Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся Урала в дореволюционный период // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3. С. 84–91.

Жилякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2011. 446 с.

Козлова Г. Н. Образ учителя русской гимназии XIX – начала XX вв. в литературе // Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. М., 2007. URL: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191497121&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20.02.2024).

Помяловский Н. Г. Избранное. М.: Сов. Россия, 1980. 432 с.

Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: кол. монография / отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.

Солдаткина Я. В. Медиаобраз учителя в современных средствах массовой информации: основные направления и факторы трансформации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 2. С. 261–277. doi 10.17150/2308-6203.2016.5(2).261-277

Children's Literature Collections: approaches to research / ed. by K. O'Sullivan, P. Whyte [et al.]. Dublin: Palgrave Macmillan, 2017. 261 p.

References

Burdina S. V., Mokrushina O. A. Izobrazhenie shkoly v russkoj literature XIX veka [The image of school in Russian literature of XIX century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 2 (26), pp. 99-108. (In Russ.)

Voytekhovskaya M. P. Razvitiye pedagogicheskogo obrazovaniya v Tomskoy gubernii do revoljutsii 1917 g. [Development of pedagogical education in the Tomsk province before the 1917 revolution]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2010, issue 5, pp. 145-149. (In Russ.)

Vlasova M. V. *Obraz i kommunikativnaya pozitsiya uchitelya v russkoj literature: D. I. Fonvizin, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The image and the communicative position of the teacher in Russian literature: D. I. Fonvizin, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2005. 19 p. (In Russ.)

Goncharov I. F. Obraz sovremennoogo uchitelya [The image of the modern teacher]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Bulletin of the Herzen University], 2010, issue 7, pp. 55-60. (In Russ.)

Divnogortseva S. Yu. Stanovlenie gosudarstvennoy sistemy pedagogicheskogo obrazovaniya v dorevoljutsionnoy Rossii [State educational system formation in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psichologiya* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2010, issue 2 (17), pp. 42-48. (In Russ.)

Egorova M. V. Povsednevnyaya zhizn' uchashchikhsya Urala v dorevoljutsionnyy period [Daily life of Ural students in the pre-revolutionary period]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2008, issue 4-3, pp. 84-91. (In Russ.)

Zhilyakova N. V. *Zhurnalistika goroda Tomska (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitiye* [Journalism in Tomsk (the 19th – early 20th centuries): Formation and Development]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2011. 446 p. (In Russ.)

Kozlova G. N. Obraz uchitelya russkoy gimnazii XIX - nachala XX vv. v literature [The image of a Russian gymnasium teacher as presented in literature at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Scientific Digital Library PORTALUS.RU*, 2007. Available at: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191497121&archive=&start_from=&ucat=& (accessed 20 Feb 2024). (In Russ.)

Pomyalovskiy N. G. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1980. 432 p. (In Russ.)

Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoljutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeistviya i metodologiya analiza [Russian Literature and Journalism in the Pre-Revolutionary Era: Forms of Interaction and Methodology of Analysis]: Multi-Authored Monograph. Ed. and comp. by A. A. Kholikov, with the participation of E. I. Orlova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 768 p. (In Russ.)

Soldatkina Ya. V. Mediaobraz uchitelya v sovremennykh sredstvakh massovoy informatsii: osnovnye napravleniya i faktory transformatsii [The media image of teacher in contemporary media: the main themes and factors of its transformation]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and Practical Issues of Journalism], 2016, vol. 5, issue 2, pp. 261-277. doi 10.17150/2308-6203.2016.5(2).261-277. (In Russ.)

Children's Literature Collections: Approaches to Research. Ed. by K. O'Sullivan, P. Whyte [et al.]. Dublin, Palgrave Macmillan, 2017. 261 p. (In Eng.)

The Representation of Teachers and Students in Pre-Revolutionary Siberian Periodicals

Vasilisa N. Azarova

Senior Lecturer in the Department of Theory and Practice of Journalism

Postgraduate Student at the Department of Russian Literature

National Research Tomsk State University

66, Lenina st., Tomsk, 634050, Russia. litisa@yandex.ru

SPIN-code: 6801-8127

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2417-9872>

Submitted 02 Apr 2024

Revised 17 Jun 2024

Accepted 26 Oct 2024

For citation

Azarova V. N. Obrazy uchiteley i uchenikov na stranitsakh dorevolyutsionnykh izdaniy Sibiri [The Representation of Teachers and Students in Pre-Revolutionary Siberian Periodicals]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zareubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 80–89. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-80-89. EDN LKNNPQ (In Russ.)

Abstract. An exploratory look into the images of teachers and students formed by public opinion and consciousness and presented therein can enrich the understanding of the education of the period, of the society's norms and perceptions in matters of upbringing and pedagogy, and help create a picture of the educational reality. This study reveals the types and features of the images of teachers and students that were formed at the turn of the 19th – 20th centuries in Siberian pre-revolutionary periodicals, namely in the socio-political and student press (*Sibirskaya Gazeta*, *Sibirskiy Vestnik*, *Sibirskaya Zhizn'*, *Tovarishch*, *Mysli uchashchikhsya sredney shkoly*). During the researched period, Tomsk was the center of the West Siberian School District, and local society was seriously concerned about education of the younger generation of citizens, which was reflected in the periodical press. The study considers both literary and journalistic works since journalism was an integral part of the literary process and reflected public perceptions of important issues. The representation of teachers was negative, whereas students were represented in a positive way. In the course of the research, the literary sources of some of the images formed by the Siberian authors were established (Leo Tolstoy, Anton Chekhov, Fyodor Dostoevsky, Nikolai Gogol, Nikolai Pomyalovsky), the types of the images were identified (these of teachers: 'the monster', 'the educator of the youth', 'the devotee'; these of students: 'the nervous aeolian harp', 'the fidget', 'the ignoramus'), models of their 'interaction with each other were revealed. The chosen approach made it possible to draw the conclusion that the writers and publicists, journalists, while solving different tasks, pursued the same goal – the formation of public opinion and public perceptions of education.

Key words: the image of the teacher; the image of the student; pre-revolutionary periodicals; Siberia; school; student press; education; pre-revolutionary gymnasium.

УДК 821.161.1-1

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-90-98

<https://elibrary.ru/cybzlx>

EDN CYBZLX

Антиномия «земля – небо» и элегический топос в сборнике К. Д. Бальмонта «Под северным небом»

*Исследование выполнено в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН за счет гранта
Российского научного фонда № 24-18- 00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248>*

Воронцова Светлана Сергеевна

аспирант, младший научный сотрудник Отдела русской литературы
конца XIX – начала XX века

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1. tslana97@mail.ru

SPIN-код: 9821-4791

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2268-4814>

Статья поступила в редакцию 02.09.2024

Одобрена после рецензирования 05.10.2024

Принята к публикации 26.11.2024

Информация для цитирования

Воронцова С. С. Антиномия «земля – небо» и элегический топос в сборнике К. Д. Бальмонта «Под северным небом» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 90–98.
doi 10.17072/2073-6681-2025-1-90-98. EDN CYBZLX

Аннотация. В статье рассматривается трансформация элегического топоса в сборнике К. Д. Бальмонта «Под северным небом» (1894) и ее связь с антиномией «земля – небо». Субъектно-образная структура сборника анализируется в рамках «неклассической» поэтики, описываемой С. Н. Бродтманом. Особое значение для нее имеет цельность мира, выраженная у Бальмонта в феномене «разорванной слитности», что влияет на противоречивые отношения между пространством неба и земли. Отдельно в статье анализируются оба мира. Небесный мир понимается как утраченная в элегиях идиллия. Положительное значение неба реализовано в ряде образов (луна, солнце, зарница, звезды, заря). За пространством закреплен также определенный тип возлюбленной – небесной/идиллической. Земной мир, напротив, обладает негативными характеристиками. В нем субъект сосредоточен на проблеме невозвратности прошлого. В этом пространстве существует второй тип возлюбленной – земной/демонической. Два женских начала находятся в оппозиции друг к другу, как и два пространства. Оставаясь во многих текстах внутри элегической традиции, Бальмонт трансформирует жанр. Прежде всего речь идет о хронотопе. Циклическое время природы заменяется вечностью небесной идиллии. Вертикальное движение субъекта к ней предлагается описывать термином «кайротоп». Если традиционно в элегии субъект не мог преодолеть ограничения, связанные с невозможностью возрождения, то в сборнике это преобразуется. Смерть понимается как освобождение из темницы тела и возврат на небеса. Субъект получает возможность возращения в Рай, из которого он был изгнан. Отсылка к библейскому эпизоду и схожее представление антиномии «земля – небо» в связи с элегическим топосом появится в следующих сборниках поэта. Поэтому выводы, сделанные в статье, могут быть полезны для анализа других книг Бальмонта.

Ключевые слова: элегия; идиллия; Бальмонт; антиномии; хронотоп; неклассическая поэтика.

Со второй половины XIX в. значение жанра во внутренней организации поэтических сборников постепенно утрачивает свое значение, предпочтение отдается тематическому принципу циклизации [Дарвин 2018: 45–56]. Однако и на рубеже XIX–XX вв. есть примеры, когда авторы используют жанр в номинации разделов или основного заглавия сборника. Можно вспомнить «*Urbi et Orbi*» (1903) В. Я. Брюсова, где выбор жанровой циклизации обусловлен основной идеей книги стихов¹ – рефлексией над традицией (думы, баллады, элегии, оды и т. п.). Но не все отсылают к жанрам с целью продемонстрировать их трансформацию. Следом друг за другом в издательстве «Оры» выходят сборники В. Бородавского «Стихотворения: Элегии. Оды. Идиллии» (1909) и Ю. Верховского «Идиллии и элегии» (1910), где оба автора стараются приблизиться к жанровому канону [Поэтика: словарь... 2008: 90–91]. О сборнике К. Д. Бальмента «Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты»² (1894) можно сказать, что отношение к жанровой традиции находится посередине. В нем сохраняются элементы элегического топоса, то, что Л. Я. Гинзбург определяет как «поэтику узнавания» данного жанра [Гинзбург 1974: 29]. Однако поэт переосмыслияет значимую для элегии проблему невозвратности прошлого и конечности человеческой жизни, что и задает тон лирическому сюжету сборника. Именно о сюжете имеет смысл говорить, ведь у Бальмента присутствует «развертывание рефлексии лирического “я”, направленное к преодолению внутренних границ мира и сознания героя актом его самосознания» [Поэтика: словарь... 2008: 114–115]. Поэтому в статье будет использоваться этот термин, а также понятие лирического субъекта – носителя речи и осознанной точки зрения на мир [там же: 112–113]. Стержнем лирического сюжета становится антиномия «земля – небо», а движение лирического субъекта определяется стремлением преодолеть границы одного пространства и перейти в другое, о чем еще пойдет речь.

О значении элегии для сборника свидетельствует не только основное заглавие, но и выбор эпиграфа. Им становится цитата из переписки поэта-романтика Николауса Ленау с Софи фон Лёвенталь: «Божественное никогда в жизни не являлось мне без сопутствующей ему печали» [Lenau 1968: 72]. И в этой фразе, и в поэтическом творчестве Ленау прослеживаются элегические темы и мотивы. Стоит хотя бы упомянуть, что в сборнике стихов 1832 г. два раздела названы «Песни тоски» и «Песни прошлого» [Lenau 1832: 39, 75]. Молодой Бальмонт высоко ценил поэта-романтика, воспевающего «мировую скорбь». Не зря его литературный дебют в

1885 г. в № 48 журнала «Живописное Обозрение» связан с именем Ленау – Бальмонт переводит его стихотворение «Прощальный взгляд» [Живописное Обозрение 1885: 343].

Для жанра элегии характерны особые пространственно-временные отношения, суть которых необходимо уточнить. Природа элегического хронотопа становится понятнее всего при со-поставлении с идиллией. В ней субъект пока еще существует в родном пространстве, отдельной частью которого является *locus amoenus* [Курциус 2021: 311]. Будучи частью рода, субъект не осознает собственную смертность в полной мере. Границы между индивидуальными судьбами стираются, а смена поколений означает непрерывность жизни. Элегический же субъект уже покинул идиллию. Сильнее всего изменяется понимание им времени – он больше не принадлежит роду. Поэтому ключевым для элегии становится противопоставление повторяющегося природного цикла (отсюда типичная элегическая оппозиция осени как умирания и весны как возрождения) переживанию чувства невозвратности для отдельного человека [Магомедова 1997: 7–9]. Именно проекция элегического хронотопа на пространственную антиномию «земля – небо» представляет для нас наибольший интерес.

Упомянутая антиномия и элегический топос будут рассмотрены в статье в контексте «неклассической» лирики (конца XIX – начала XX в.), которую подробно характеризует в своих работах С. Н. Брайтман. Особенности «неклассической» поэтики заметны в трансформации субъектно-образной структуры. Во-первых, важна «установка на бесконечность как на некое целое», во-вторых, «первообраз воспроизводит не отдельные предметы, а “цельность всего мира”», в-третьих, в основе субъектной сферы теперь лежит «парадигматическая межсубъектная целостность» [Брайтман 1997: 221].

Из сказанного выше ясно, что понятие целности на разных уровнях становится определяющим. В сборнике это цельность, вбирающая в себя противоречия, что подмечает и Брайтман, ссылаясь на более поздние слова И. Ф. Анненского о поэзии Бальмента как о поэзии «разорванной слитности» [Анненский 1979: 99]. Поэтому и отношения небесного и земного пространства изменчивы. Они представлены как противоположности, между которыми существует разрыв (его и желает преодолеть лирический субъект). Но одновременно с этим демонстрируется их равнозначность относительно макрокосма – оба пространства его полноправные части.

Для лучшего понимания рассматриваемой в статье антиномии следует охарактеризовать каждое из пространств по отдельности. В первую

очередь обратим внимание на небо. Воспринимаемое положительно, оно сопоставимо с утраченным в элегии идиллическим миром. Небесный свод – мир «воздушной немой бесконечности», где «время прекращает свой полет» [Бальмонт 1894: 4]. Время в верхнем пространстве напоминает и о поколенческом цикле идиллии, и о циклическом времени природы, которое противостоит недолгой жизни человека на земле. Но у Бальмонта понимание времени трансформируется, ведь речь идет не просто о возрождении в цикле, но о существовании в вечности.

В элегии субъект не мог надеяться на преодоление ограничений линейного времени, но в сборнике ситуация меняется. Лирический субъект изначально принадлежал к небесному миру, ему было доступно бессмертие. Такой вывод можно сделать из стихотворения «Молитва», где поэт отсылает к библейскому сюжету: «Создал Ты Рай – чтоб изгнать нас из Рая. // Боже, опять нас к себе возврати» [там же: 6]. Переход от вечности к времени, от бессмертия к смертности формулируется через известный платоновский тезис о теле как темнице души [Платон 1993: 35–36]: «Зачем Ты даровал мне душу неземную // – И приковал меня к земле?» [Бальмонт 1894: 11]. Отсюда намечается главное стремление субъекта – освободиться и вновь обрести рай: «Моя душа стремится в мир иной» [там же: 7]; «Чтоб мог я на них улететь в безграничное царство Лазури» [там же: 19] и т. п.

Важной составляющей на пути к внеземному миру является желание субъекта «слиться с Природой, прекрасной, гигантской, и вечной» [там же: 13]. Это проявляется не только на содержательном уровне, но и в субъектной структуре через межсубъектную целостность, когда явления разного порядка становятся едины. В некоторых текстах субъект (не только «я», но и «ты», «мы») объединяет ряд образов и предстает в виде небесных, природных, стихийных явлений: «Ты – отблеск зарницы, ты – отзвук загадочной песни без слов» [там же: 16], «Я – облачко, я – ветерка дыханье» [там же: 7]. Подобная ситуация строится не на параллельных уподоблениях [Бройтман 1997: 241], но на отождествлении, что отражает упомянутое стремление субъекта раствориться в Природе.

Значение небесного пространства ясно не только из описанного выше отношения к нему субъекта. Его идиллическая природа заметна во многом. Например, говоря о небе, Бальмонт отдает предпочтение лексике с позитивными коннотациями: «отрадный гимн Небес» [Бальмонт 1894: 5] (Здесь и далее курсив мой. – С. В.); «И в лазури на небе прекрасном» [там же: 21]; «В небе далеком зажгутся огни, <...> И позабудем мы

муку грядущую» [там же: 23]; «Скользят стрижи в лазури неба чистой» [там же: 35]; «В небесах царил покой» [там же: 41] и т. п. Исключением становятся случаи, когда небо отражает эмоциональное состояние субъекта на земле: «С отуманенного неба // Грустно смотрит тусклый день» [там же: 10]; «Скорбь в небесах разлита, точно грусть о мечте отлетевшей» [там же: 13]; «Хмуро северное небо, // Скорбны плачущие тучи» [там же: 14]; «Как в небесах, объятых тяжким сном» [там же: 5] и т. п.

Не менее важен и выбор колористической символики. Глубину верхнего мира подчеркивает его основной цвет – лазурь, ведь это «самый дематериализованный из значащих цветов на границе между внеземным космосом и воздушной атмосферой Земли» [Ханцен-Лёве 2003: 425]. Лазурь занимает особое место в палитре символистской поэзии. Этот цвет многогранен, но, так или иначе, он исходит из космического, потустороннего пространства, сообщая о его беспрерывности. Интересно, что позднее в статье А. Белого «Священные цвета» (1903) лазурь в глазах девушки связывается с границей, отделяющей «земную любовь от вечной» [Белый 1994: 208]. В сборнике Бальмонта такое сравнение присутствует в стихотворении «Норвежская девушка». Два женских образа (земная/демоническая и небесная/идиллическая возлюбленная) и их связь с двумя пространствами в сборнике также присутствуют, о чем еще будет сказано.

Кроме вышеперечисленного, картина верхнего мира складывается и из отдельных небесных образов, которые дополняют его значение идиллического пространства. Самый частотный для сборника – образ луны. Лунное начало, в противоположность солярному, ассоциируется с фемининным. Это не единственный небесный образ, соотносящийся с женским началом, как станет понятно далее. В ранний период символизма луна часто перенимает на себя демонические женские черты [Ханцен-Лёве 1999: 199–218], лишь в редких случаях она выступает в роли космической царицы [Ханцен-Лёве 2003: 143]. Но именно последнее характерно для Бальмонта: «Я расстался с печальной Луной, // – Удалилась царица небес» [Бальмонт 1984: 20]. Отметим, что здесь, как и во многих других текстах сборника, наблюдается соединение «субстанциального и условно-поэтического слова» [Бройтман 1997: 246]. Субстанциальный смысл – исчезновение луны с наступлением утра, а условно-поэтический – прощание с возлюбленной. Эти два типа слова в сборнике соответствуют двум пространствам (земле и небу).

В стихотворениях прослеживаются две тенденции, исходя из которых можно трактовать образ луны. С одной стороны, луна представляет благое начало, олицетворяет небесный мир или является проводником в него: «Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль. // А Луна все льет сиянье, и без муки, без страданья, <...> И с спокойствием приемлют чары ясных светлых снов» [Бальмонт 1894: 4–5]; Когда Луна сверкнет во мгле ночной // Своим серпом, блестательным и нежным [там же: 7]; «Под холодным сияньем Луны, // Хорошо нам с тобой! <...> Обитатели призрачной светлой страны <...> В царстве бледной Луны. <...> Как отрадно мечтать и любить» [там же: 10]. С другой стороны, если луна, как это ранее было с небом, отражает меланхолическое настроение лирического субъекта, она превращается в символ печального: «Как замка седые руины, печальной // Луны трепетание, // Застенчивых сумерек скорбь, или осени грустной листы» [там же: 23]; «Месяц матовый взирает, // Месяц горькой грусти полн» [там же: 33].

Следующий образ верхнего мира – солнце. В отличие от луны, оно присутствует лишь в трех текстах. В стихотворениях «Разлука» и «Есть красота в постоянстве страданий...» солнце ассоциируется с обновлением, радостью, то есть становится еще одним образом, подчеркивающим положительное значение небес: «И Солнце смеется, взирая на них, // И шлет им лучистые ласки» [там же: 22]; «Знойного яркого Солнца сияние, // Пышной Весны молодые черты» [там же: 22]. Хотя образ луны – один из важнейших, в открывающем сборник стихотворении «Смерть» именно солнце выступает объединяющей силой. Это объясняется тем, что оно «представляет собой уже свершившееся “объединение” всех противоположностей и начал» [Ханзен-Лёве 2003: 155]. Вполне вероятно, тут намечается образ солнца как всепроникающего и, что немаловажно, бессмертного начала, что проявится позднее в сборнике «Будем как Солнце» (1903).

Для пространства неба имеют значение еще три образа: звезд, зарницы и зари. В стихотворении «Разлука» дана карта звездного неба, но первенство отдается вечерней звезде: «Но среди миллионов светил // Нет светила прекрасней – Вечерней Звезды» [Бальмонт 1894: 21–22]. Находясь на лазурном небе (а лазурь редко сочетается с ночным миром [Ханзен-Лёве 2003: 433]), она оказывается равноценна луне. Словно окутанная лазурной мантией, звезда также соотносится с небесной царицей. Еще один важный «звездный» мотив – предзнаменований и «соответствия между событиями космическими и земными» [там же: 251]: «Тоскою о том, чего нет, //

Что дремлет пока, как цветок под водою, // О том, что когда-то проснется чрез многие тысячи лет. // Чтоб вспыхнуть падучей звездою» [Бальмонт 1894: 8]. Падающая звезда напоминает о слезах и имеет негативное значение, ведь она покидает небесную идиллию, повторяя судьбу лирического субъекта. Но у Бальмонта падение звезды намекает не только на трагическое грядущее. В стихотворении «Рабство», погибая в пограничном пространстве между небом и землей, звезда становится символом утраченного прошлого, размышления о котором характерны для элегии: «К тому, чем прежде был он так волнуем, // К святыне, что погасла, как звезда» [там же: 37]. Она пересекает границу, после которой остается только память о рае.

Аналогично интерпретируется образ зарницы в одноименном стихотворении, которое пронизано чувством мимолетности человеческого бытия. Воспоминания, как и зарница, лишь краткая вспышка: «Порой сверкает беглая зарница // Но ей не отвечает дальний гром, – // Так точно иногда в уме моем // Мелькают сны, и образы, и лица, // Погибшие во тьме далеких лет» [там же: 5]. Вновь возникает типичный для элегии мотив утраченного прошлого. Отрицательная символика, как ранее было с другими образами, появляется при контакте небесного явления с эмоциональным состоянием субъекта. Однако в сборнике зарница имеет и другие значения. Она не молния, движущаяся сверху вниз, а только намек на нее. Так, и в стихотворении «Норвежская девушка» возлюбленная принадлежит не столько к земному миру, сколько намекает на небесный: «Ты – отблеск зарницы, ты – отзвук загадочной песни без слов» [там же: 16]. Уместно предположить, что зарница, как луна и вечерняя звезда, связана с небесной царицей. Более того, Бальмонт именует ее «светлой, девственно-ясной» [там же: 16], и в этом указании на чистоту и непорочность открывается возможность для интерпретации возлюбленной в контексте софийного образа. Последний раз зарница появляется в стихотворении «Когда меж тучек туманных...». Красота сопоставляется с «зарницей вечной» [Бальмонт 1894: 20]. И если в других примерах подчеркивалась мимолетность этого явления, здесь образ зарницы преображается. Ее переход в вечность и, соответственно, в верхний мир происходит с появлением луны: «Полночной порой загорится луна» [там же: 20]. Как упоминалось в статье ранее, луна в данном случае выступает в одной из своих ролей в сборнике – проводника в небесное пространство.

Последнее значимое явление верхнего мира – заря. Она продолжает цепочку небесных образов, связанных с фемининным началом. Заря также

ассоциируется с переходностью, промежуточностью, с «моментом визионерского ожидания» [Ханзен-Лёве 2003: 233]. У Бальмонта речь идет об ожидании богини, небесной царицы. Момент эпифании, возникающий в переходный период между ночью и утром, описан так: «В нерукотворные ткани из света, // В пояссе пышном из ярких лучей, // Мчится Заря благовонного лета <...> Мчится Богиня Рассвета. <...> Хором поют: “Пробудилась Заря!” <...> В небе – и блеск изумруда, и блеск янтаря» [Бальмонт 1894: 31]. Что важно, заря-богиня не покидает небесное пространство. Лирический субъект разлучен с ней и выступает только наблюдателем.

Связь образов с небесной царицей позволяет выделить в сборнике тип героини-влюбленной, которую условно можно назвать небесной (или идиллической³). Ее внешний облик сообщает о принадлежности к благому миру: «Очи твои, голубые и чистые – // Слиянье небесной лазури с изменчивым блеском волн» [там же: 15]; «Ты – шелест нежного листка, // Ты – ветер, шепчущий украдкой» [там же: 16]. Лирический субъект не в силах достичь возлюбленной, так как она находится в верхнем мире, из которого он сам был изгнан. Но у него сохранилось припоминание о ней: «Мне чудится, что я когда-то // Тебя видал, с тобою был, // Когда я сердцем то любил, // К чему мне больше нет возврата» [там же: 16].

Особняком стоит стихотворение «О, птичка нежная, ты не поймешь меня...», где речь идет о совсем юной девушке, которая сравнивается с птицей. Птица выступает медиатором между двумя мирами и является существом пограничным. Так и девушка не принадлежит полностью к небесному райскому пространству, но и «приземленной» еще не стала. Промежуточное положение зависит от ее возраста. Юность является периодом между детством, которое часто становится метафорой утраченного рая, и зрелостью, когда, как и для лирического субъекта, «день давно погас».

Дав характеристику небесному пространству, следует перейти к земному. На этом уровне довольно заметно влияние элегической традиции. Что не удивительно, ведь в подлунном мире человек и осознает свою смертность. В стихотворениях «Зарница», «Грусть», «Призрак» и «Я знаю, что значит – безумно рыдать...» присутствуют значимые для элегии чувства утраты, тоски, разочарования. Особое место занимает стихотворение «Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет...», где лирический субъект рефлексирует по поводу невозможности вернуть прошедшие годы. Хотя картина грядущего представляется пессимистичной, он находит силы и смысл дальнейшего земного существования:

«Хочу я уладить хоть чье-нибудь страданье. // Хочу я отереть хотя одну слезу!» [там же: 9]. Поскольку в тексте лирический субъект высказывает опасения о том, что перестанет «верить в честь свою и в правду слов своих» [там же: 8], вероятно, что утешением на земле, если понимать слово как поэтическое, становится творчество. Мир художественного слова может стать временной альтернативой небесному⁴. Гимном идеи творчества как формы бессмертия становится текст «Памяти И. С. Тургенева»: «Но смерти для твоих созданий нет» [там же: 27].

В стихотворениях, где внимание сосредоточено на земном пространстве, возникают воспоминания о безвозвратно утраченной или разрушенной идиллии. Однако лирический субъект размышляет не только о небесном рае, но и о том самом потерянном малом мире из жанрового канона элегии. В стихотворениях «Родная картина», «Картинка. Сонет» и «В столице» возникают сельские идиллические образы как ушедшие в прошлое. Здесь встречаются неизменные атрибуты подобной идиллии: пастух, луг, родник, деревья и т. д. Место разрушено временем буквально («под гнетом тяжкой скорби // Покачнулася изба» [там же: 11]) или существует только умозрительно. В соответствии с особенностями жанра сам субъект находится за пределами малого мира и не может вернуться, он лишь воспроизводит образ в памяти: «Невозвратного светлого детства предо мной загорелись огни» [там же: 40]; «Свежий запах душистого сена только болью терзает меня» [там же: 40]. Земле, как и небесам, соответствует свой тип героини-влюбленной. Ее можно назвать демонической. Суть ее природы раскрывается в текстах «О, женщина, дитя, при不可缺少е играть...», «Дышали твои ароматные плечи...», «Рабство», «Кошмар» и «Нет, мне никто не сделал столько зла...». Ее образ создается за счет традиционных атрибутов демонической женской героини [Магомедова 2010: 129, 133]. При встречах с ней акцент сделан на плотской земной любви и на телесности: «Упругие груди неровно вздымались» [Бальмонт 1894: 35]; «Твоих волос капризные извилины» [там же: 36]; «Душа моя наполнилась вдруг // От этих губ, от этих ног и рук» [там же: 37] и т. п. Характерным для нее являются: обман («Настолько же прекрасны, как и лживы, // Глубокие спокойные глаза, // Где йскрится притворная слеза» [там же: 37]), вампиризм⁵ («Она украдкой кровь мою, // Как злой вампир, пила» [там же: 38]), мортальные мотивы («Я вижу, как ты гроб готовишь мне» [там же: 38]), ядовитость («Кого ты отравила поцелуем» [там же: 37]), змеиная символика («И видел я звезде – звезде вокруг – // Змею с полузакрытыми глазами» [там же: 38]).

Что касается мортальных мотивов, следует уточнить, что смерть не воспринимается исключительно в отрицательном ключе. В случае взаимодействия с демонической героиней речь идет о физической смерти, о негативном восприятии трупа как предметно выраженного свидетельства конечности бытия. Однако для лирического субъекта принципиально важна смерть в ином, символическом, значении, как переход в небесный мир, освобождение из темницы тела.

Отдельно прокомментируем змеиную символику. Кроме символа женского обмана и мнимости земная змея выступает двойником космического Уробороса [Ханцен-Лёве 2003: 556], что сопоставимо с тем, как земная/демоническая возлюбленная становится двойником небесной. Тут видится связь с мифом о Софии, разделенной на две ипостаси: божественную и падшую. Но такое сравнение допустимо лишь отчасти, так как демоническая героиня у Бальмонта не ждет спасения из плена, она сама пленяет и не дает вырваться за пределы земного мира: «И понял я, что мне уж нет возврата // К прошедшему, к Лазури неземной» [Бальмонт 1894: 37]. Хотя власть ее не абсолютна, и лирический субъект не забывает небесную возлюбленную, поэтому сквозь черты демонической пропасти ее образ: «Как будто лежал я не в грешных объятьях, // Как будто лелеял я душу родную» [там же: 35]; «Твой нежный смех – улыбка серафима» [там же: 39]. Причем сравнение с ангелами традиционно для изображения идиллической героини (здесь – небесной).

Из всего вышесказанного заметна общая отрицательная оценка земного пространства. Исключением становятся природные локусы, которые по своей сути для лирического субъекта ближе к небесному: «Мне ненавистен гул гигантских городов, // Противно мне толпы движенье, // Мой дух живет среди лесов» [там же: 12]. Именно здесь прослеживается другой вариант отношений в антиномической паре «земля – небо». Как было показано, два мира являются противоположностями, однако их равнозначность возникает относительно вселенского пространства. Природное, стихийное начало играет в этом не последнюю роль. Оно присутствует как в небесном мире (воздух), так и в земном (огонь, земля, вода). Причем допускается понимание водной стихии как отражения воздушной [Ханцен-Лёве 2003: 681]. Сквозь природу либо пропасти верхний мир, либо небо и земля контактируют. В стихотворении «Фантазия» лес обретает покой лишь под светом луны, а в текстах «Без улыбки, без слов» и «У фьордов» единое царство формируется при совмещении земного (снег, степь) и небесного (луна). В стихотворе-

нии «Разлука» показана сопоставимость и равенство небесного и земного: «Неразлучен с красавицей неба, Вечерней Звездой, – // Как морская волна неразлучна с пугливою чайкой» [Бальмонт 1894: 21]. В стихотворении «Заря» драгоценные камни, которые обычно символически в нижнем мире замещают небесные тела, напротив, переносятся на уровень небесной сферы. Вспомним, что в славянской мифологии солнце и луна фигурируют и как драгоценные камни [Афанасьев 1868: 467]. Это еще раз демонстрирует цельность земного и небесного, перетекание одного в другое.

Взаимодействие двух пространств на фоне элегического топоса вполне очевидно. Небо по отношению к земле, как неоднократно отмечалось, выступает идилией, из которой лирический субъект был изгнан. И если «небосклон» его жизни «темнеет», то настоящие небеса – мир вне времени. Об этом говорилось в начале статьи, теперь, охарактеризовав оба пространства, уточним понимание времени в сборнике. В нем следует разграничить собственно хронотоп и «кайротоп» [Федотова 2010: 61–62] (мистериальный/вертикальный хронотоп [Бахтин 1986: 193]). В рамках первого лирический субъект движется по горизонтали и ощущает невозвратность прошлого. Это реальный план событийного ряда в земном мире. Во втором случае речь идет о вхождении в вечность и переживании мистической встречи с небесной возлюбленной.

Лирический субъект отказывается смириться и предпочесть горизонтальное движение вертикальному: «И на земле земное совершай, // Но сохрани в душе огонь нетленный // Божественной мистической тоски, // Желанье быть не тем, чем быть ты можешь. // Бестрепетно иди все выше – выше, // По лучезарным чистым ступеням» [Бальмонт 1894: 3–4]. Стремление к небесному миру в лирическом сюжете – стремление к вечности, отраженное и в кольцевой композиции сборника. В открывшем его стихотворении «Смерть» лирический субъект сразу провозглашает отказ от понимания смерти как конца и называет ее началом жизни. В finale последнего стихотворения – «Смерть, убаюкай меня» – разочарование земной жизнью достигает предела, но смерть означает перерождение. Глядя на небо, субъект ощущает «предчувствие дня» [там же: 43], что дает надежду на возвращение в идилию.

В заключение можно сказать, что субъектно-образная структура в сборнике построена в соответствии с принципами «неклассической» поэтики. Ключевым понятием ее становится цельность, что выражается в особом взаимодействии небесного и земного мира и в межсубъектной

целостности, демонстрирующей стремление субъекта к слиянию с чем-то большим, например с Природой. Не менее важна установка на бесконечность, которая реализуется на уровне образной структуры и выступает свойством небесного пространства.

Изменения, возникающие в «неклассической» поэтике, могут влиять на трансформацию элегического топоса, хронотоп которого связан с антиномией земля – небо. Анализ, проведенный в статье, позволяет прийти к нескольким выводам. Во-первых, на пространственном уровне утраченному в элегии идиллическому миру соответствует небо. Во-вторых, переосмыслияется оппозиция двух времен в элегии. Если раньше краткости человеческого бытия противопоставлялся цикл природы, то Бальмонт замещает его вечностью небесного мира. Изменяется и положение субъекта. Обыкновенно в элегии возврат в счастливое прошлое невозможен, что осознается страдающим из-за этого субъектом. В сборнике же он обладает стремлением вернуться в идиллию и получает на это шанс. Меняется отношение к смерти – она начинает пониматься как этап на пути к перерождению, к новой жизни. Важно указать, что в лирическом сюжете утрата небесной идиллии связана с библейским эпизодом изгнания из Рая. В данном сборнике в контексте элегического топоса данный сюжет намечен впервые. Однако в дальнейшем он получит развитие в других поэтических книгах Бальмонта, что позволяет предположить схожие изменения элегического топоса в них.

Примечания

¹ Книгой стихов «Urbi et Orbi» именуется не просто так. Брюсов в предисловии объясняет смысл той цельности, которой книга обладает по сравнению со сборником: «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью [Брюсов 1903: V]». Не только у Брюсова, но и у других символов, включая Бальмонта, используется эта «большая форма лирики» [Поэтика: словарь... 2008: 96], предполагающая более четкую связь разделов, единый комплекс символов и мотивов, которые получают развитие в контексте художественного целого.

² Сонет является не жанром, а твердой стихотворной формой. Например, в стихотворении Бальмонта «Картинка» присутствует подзаголовок «Сонет», но в самом тексте сохраняются черты элегического топоса. В стансах же узнавание происходит не столько за счет содержания, сколько за счет особенностей композиции. Поэтому в статье рассматривается именно жанр элегии.

³ В статье отдается предпочтение называть героиню небесной, а не идиллической, хоть она и обладает всеми свойствами таковой, ведь идиллический тип может существовать и на земле.

⁴ Подобная ситуация встречается в стихотворении «Поэту» в «Сборнике стихотворений» (1890). Там присутствует оппозиция зимы (смерти) и весны (жизни), перенесенная из элегического топоса. Но герой-поэт независим от течения природного времени, так как весну ему позволяет вернуть обращение к творческому (и в это смысле творящему) слову: «Нет для тебя тоски бесплодной, // – Созвучий рой к тебе придет» [Бальмонт 1890: 24].

⁵ Образ поцелуя-укуса и любовника-вампира популярен у символистов и возникает под влиянием романа Б. Стокера «Дракула». Позднее он приобрел особое значение еще и потому, что «рифмовался с идейными и жизнестроительными поисками “Серебряного века” (дионисийское “кровь-вино” В. И. Иванова)» [Михайлова, Одесский 2009: 173].

Список литературы

- Анненский И. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 689 с.
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. 800 с.
- Бальмонт К. Д. Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты. СПб., 1894. 84 с.
- Бальмонт К. Д. Сборник стихотворений. Ярославль, 1890. 140 с.
- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 121–291.
- Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с.
- Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: субъектно-образная структура. М.: РГГУ, 1997. 305 с.
- Брюсов В. Я. Urbi et Orbi. Стихи 1900–1903 гг. М.: Скорпион, 1903. 190 с. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 407 с.
- Дарвин М. Н. Поэтический мир лирического цикла: автор и текст. М.: РГГУ, 2018. 288 с.
- Живописное Обозрение. 1885. Т. 13. №48. С. 342–343.
- Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т.1 / пер., комм. Д. С. Колчигина. М.: Яск, 2021. 560 с.
- Магомедова Д. М. Идиллический и демонический типы героинь в русской литературе XIX – начала XX вв.: константы и трансформации // Школа теоретической поэтики: сб. науч. тр. к 70-летию Натана Давидовича Тамарченко. М.: Издво Кулагиной: Intrada, 2010. С. 129–135.

- Магомедова Д. М. Идиллический мир в жанрах послания и элегии // Болдинские чтения. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. С. 5–12.
- Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания. М.: ОГИ, 2009. 208 с.
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; прим. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 528 с.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий/ гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. 358 с.
- Федотова С. В. Время-пространство в «Кормчих звездах» Вяч. Иванова («Порыв и гравни») // Новый филологический вестник. 2010. № 3 (14). С. 49–68.
- Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
- Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
- Lenau N. Briefe an Sophie von Löwenthal: (1834–1845). München: Kösel, 1968. 261 S.
- Lenau N. Gedichte. Stuttgart, Tübingen: Cotta, 1832. 272 S.
- References**
- Annenskiy I. *Knigi otrazheniy* [Books of Reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 689 p. (In Russ.)
- Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of the Slavs on Nature]. Vol. 2. Moscow, 1868. 800 p. (In Russ.)
- Balmont K. D. *Pod severnym nebom. Elegii, stansy, sonety* [Under the Northern Sky. Elegies, Stanzas, Sonnets]. St. Petersburg, 1894. 84 p. (In Russ.)
- Balmont K. D. *Sbornik stikhovremeniy* [Book of Poems]. Yaroslavl, 1890. 140 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane [The forms of time and chronotope in a novel]. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and Critical Articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, pp. 121–291. (In Russ.)
- Bely A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a Worldview]. Comp., pref., comm. by L. A. Sugay. Moscow, Respublika Publ., 1994. 528 p. (In Russ.)
- Broytman S. N. *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki: sub"ektno-obraznaya struktura* [Russian Lyrics of the 19th – the Early 20th Centuries in the Light of Historical Poetics: Subject-Imagery Structure]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1997. 305 p. (In Russ.)
- Bryusov V. Ya. *Urbi et Orbi. Stikhi 1900–1903 gg.* [Urbi et Orbi. Poems of 1900–1903]. Moscow, Skorpion Publ., 1903. 190 p. (In Russ.)
- Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About Lyric Poetry]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974. 407 p. (In Russ.)
- Darvin M. N. *Poeticheskiy mir liricheskogo tsikla: avtor i tekst* [The Poetic World of the Lyrical Cycle: Author and Text]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2018. 288 p. (In Russ.)
- Zhivopisnoe obozrenie* [Picturesque Observation], 1885, vol. 13, issue 48, pp. 342–343. (In Russ.)
- Curtius E. R. *Evropeyskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e* [European literature and the Latin Middle Ages]: in 2 vols. Vol. 1. Transl. from German and comment. by D. S. Kolchigin. Moscow, LRC Publishing House, 2021. 560 p. (In Russ.)
- Magomedova D. M. *Idillicheskiy i demonicheskiy tipy geroin' v russkoy literature XIX – nachala XX vv.: konstanty i transformatsii* [Idyllic and demonic types of heroines in Russian literature of the 19th – early 20th centuries: constants and transformations]. *Shkola teoreticheskoy poetiki* [The School of Theoretical Poetics]: A collection of scientific works on the occasion of the 70th birthday of Natan Davydovich Tamarchenko. Moscow, Publishing House of Kulagina: Intrada, 2010, pp. 129–135. (In Russ.)
- Magomedova D. M. *Idillicheskiy mir v zhanrakh poslaniya i elegii* [An idyllic world in the genres of epistle and elegy]. *Boldinskie chteniya* [The Boldino Readings]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press, 1999, pp. 5–12. (In Russ.)
- Mikhaylova T. A., Odesskiy M. P. *Graf Drakula: opyt opisaniya* [Count Dracula: An Experience of Description]. Moscow, OGI Publ., 2009. 208 p. (In Russ.)
- Platon. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 4 vols. Vol. 2. Ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi; comment. by A. F. Losev and A. A. Takho-Godi. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 528 p. (In Russ.)
- Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A Dictionary of Relevant Terms and Concepts]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Publishing House of Kulagina: Intrada, 2008. 358 p. (In Russ.)
- Fedotova S. V. *Vremya-prostranstvo v 'Kormchikh zvezdakh'* Vyach. Ivanova ('Poryv i grani') [Time-space in 'Lodestars' by Vyach. Ivanov ('Impulse and Edges')]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2010, issue 3 (14), pp. 49–68. (In Russ.)

Hansen-Love A. *Russkiy simvolizm. Sistema poe-
ticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm.
Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. The
System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism.
Space Symbolics]. Transl. from German by
M. Yu. Nekrasov. St. Petersburg, Akademicheskiy
proekt Publ., 2003. 816 p. (In Russ.)

Hansen-Love A. *Russkiy simvolizm. Sistema poe-
ticheskikh motivov. Ranniy simvolizm* [Russian

Symbolism. The System of Poetic Motives. Early
Symbolism]. Transl. from German by S. Bromerlo,
A. Ts. Masevich, A. E. Barzakh. St. Petersburg, Akademicheskiy
proekt Publ., 1999. 512 p. (In Russ.)

Lenau N. *Briefe an Sophie von Löwenthal:
(1834–1845)* [Letters to Sophie von Löwenthal:
(1834–1845)]. Munich, Kösel, 1968. 261 p. (In Ger.)

Lenau N. *Gedichte* [Poems]. Stuttgart, Tübingen,
Cotta, 1832. 272 p. (In Ger.)

The Antinomy ‘Earth – Heaven’ and an Elegiac Topos in the Book of Poems ‘Under the Northern Sky’ by Konstantin Balmont

The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences under grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248>

Svetlana S. Vorontsova

Postgraduate Student, Junior Researcher in the Department of Russian Literature of Late 19th and Early 20th Centuries

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, bld. 1, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russia. tslana97@mail.ru

SPIN-code: 9821-4791

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2268-4814>

Submitted 02 Sep 2024

Revised 05 Oct 2024

Accepted 26 Nov 2024

For citation

Vorontsova S. S. Antinomija «zemlya – nebo» i elegicheskiy topos v sbornike «Pod severnym nebom» K. D. Bal'monta [The Antinomy ‘Earth – Heaven’ and an Elegiac Topos in the Book of Poems ‘Under the Northern Sky’ by Konstantin Balmont]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 90–98. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-90-98. EDN CYBZLX (In Russ.)

Abstract. The article examines the influence of the elegiac tradition in K. D. Balmont’s book of poems *Under the Northern Sky* (1894) and its connection with the ‘earth – heaven’ antinomy. The subject-imagery structure of the book of poems is analyzed within the framework of ‘non-classical’ poetics described by S. N. Broitman. Of particular importance is the integrity of the world, expressed by Balmont in the phenomenon of ‘broken unity’, which influences the contradictory relationships between the space of heaven and that of earth. The article analyzes both spaces. The heavenly world is understood as an idyll lost in elegies. The positive meaning of the sky is realized in a number of images (the moon, the sun, lightning, stars, dawn). A certain type of the beloved is attributed to this space – heavenly/idyllic. The earthly world, on the contrary, has negative characteristics. Here the subject is focused on the problem of the irreversibility of the past. In this space there is the other type of the beloved – earthly/demonic. The two feminine principles are in opposition to each other, in the same way as there is an opposition between the two spaces. Despite remaining within the elegiac tradition in many texts, Balmont transforms the genre. First and foremost, this refers to the chronotope. The cyclical time of nature is replaced with the eternity of a heavenly idyll. The vertical movement of the subject toward it can be described using the concept of ‘kairotope’. In traditional elegy, the subject is unable to overcome the limitations associated with the impossibility of rebirth, but Balmont changes it. Death is understood as liberation from the prison of the body and a return to heaven. The subject gets the opportunity to return to Edem, from which he was expelled. Balmont’s subsequent collections of poems will include references to this biblical story as well as a similar representation of the ‘earth – heaven’ antinomy. Thus, the conclusions drawn in this article are relevant to the analysis of Balmont’s other books.

Key words: elegy; idyll; Balmont; antinomy; chronotope; non-classical poetics.

УДК 821.111

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-99-107

<https://elibrary.ru/ncaauau>

EDN NCAUAU

Бард, скальд, «макар»: поэт и поэзия в шотландской придворной перебранке

Ибрагимова Карина Рашитовна

к. филол. н., преподаватель кафедры истории зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. agitato72@mail.ru

SPIN-код: 4134-1117

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9639-3261>

ResearcherID: AAR-8598-2021

Статья поступила в редакцию 26.03.2024

Одобрена после рецензирования 05.10.2024

Принята к публикации 14.10.2024

Информация для цитирования

Ибрагимова К. Р. Бард, скальд, «макар»: поэт и поэзия в шотландской придворной перебранке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 99–107. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-99-107. EDN NCAUAU

Аннотация. В статье рассматривается специфика жанра шотландской придворной перебранки на примере «Перебранки Данбара и Кеннеди» и «Перебранки Монтгомери и Полварта». Эти два сочинения являются единственными полностью сохранившимися произведениями в жанре придворной перебранки. Цель настоящей работы – дать краткую характеристику указанному жанру, обозначив его особенности, отметить индивидуальные черты поэтического стиля участников перебранки и их отношение к подобным словесным соревнованиям. В фокусе внимания оказывается тема творчества, неоднократно поднимающаяся в речах оппонентов, их характеристика поэта и поэзии. Здесь важную роль играет неоднозначный статус перебранки: так, во времена Данбара и Кеннеди она считалась низким жанром, и победа в ней как оказывалась торжеством поэта, так и потенциально бросала на его репутацию тень; во времена же Монтгомери и Полварта отношение к перебранке улучшается. Все четыре поэта используют богатый арсенал синонимов к слову «поэт», включающий в себя слова «бард», «скальд», «макар» (творец, делатель), среди которых далеко не все являются комплиментами. Для анализа обозначений поэта и представлений участников перебранки к поэзии в настоящей работе применяются историко-культурный, сравнительно-типологический и биографический методы. В результате было установлено, что поэты выражают свое отношение к творчеству, критикуют мастерство соперников, как используя для этого как неаргументированные обвинения, так и основывая свои комментарии на примерах из творчества оппонентов, обращаясь к темам плагиата, несовершенства стиля. Для этого они используют различные синонимы к слову «поэт», которые могут быть как хвалебными, так и оскорбительными. Основной целью становится унижение собеседника не только как члена социума, но и как творца.

Ключевые слова: перебранка; хулительная поэзия; Уильям Данбар; Уолтер Кеннеди; Александр Монтгомери; Патрик Хьюм Полварт; шотландские чосерианцы.

В XV–XVI вв. придворная поэзия Шотландии переживает свой подлинный расцвет. Во многом это связано с влиянием английской культуры и в первую очередь – с именем Джейфри Чосера (Geoffrey Chaucer, 1340–1400). Именно его избирают в качестве ориентира шотландские поэты, пишущие на англо-шотландском языке скотс, а не на гэльском языке, заимствуя у своего английского предшественника не только удачные обороты, но и целые сюжеты, темы, мотивы. «Чосерианско» направление очень быстро начинает «рифмоваться» с придворной жизнью: шотландские последователи Чосера используют свое искусство для создания произведений, служащих развлечению двора.

Одним из таких увеселительных жанров, который, судя по всему, соединяет шотландскую гэльскую традицию и чосеровскую стилистику, оказывается придворная перебранка. Первым сохранившимся текстом считается «Перебранка Данбара и Кеннеди» (Flyting of Dunbar and Kennedy, 1507), созданная Уильямом Данбаром (William Dunbar, ок. 1460 – ок. 1520) и Уолтером Кеннеди (Walter Kennedy, ок. 1455 – ок. 1508). Ее текст дает возможность проанализировать то, как могла строиться поэтическая перебранка как жанр. В ней обыкновенно участвовали два поэта, у каждого из которых был секундант, упомянутый в тексте как «комиссар» (commissar), который, вероятно, отвечал за передачу вызова на словесный поединок [Матюшина 2011: 193]. Если вызов принимался, то начиналось поэтическое соревнование, во время которого соперники демонстрировали свое версификационное мастерство в обращенных друг к другу стихах – в сущности, больших монологах, произносимых по очереди. Противники не только не избегали хулы и оскорблений, но намеренно включали их в свои речи: «несмотря на то, что соперники искренне уважали и ценили друг друга как поэтов, сам жанр перебранки подразумевал соревнование в поэтическом мастерстве, где каждый стремился доказать свое превосходство и для этого прижал поэтическое умение соперника» [Ибрагимова 2020: 113].

До наших дней дошло три (или, вернее сказать, два с половиной) текста шотландских придворных перебранок, которые по времени создания относятся к XV–XVI вв. Первая из них и самая известная – уже упомянутая нами «Перебранка Данбара и Кеннеди». Оба участника этой перебранки были прекрасно образованы, имели университетские степени, служили при дворе, где занимали высокое положение не только как поэты, но и как государственные деятели [McKay 1962: 94]. Соперники принадлежали к знатным шотландским семьям, однако их происхождение

значительно разнилось, что повлияло на тематику перебранки: если Данбар был уроженцем области Лотиан, располагающейся на юго-востоке равнинной Шотландии, то род Кеннеди происходил из Каррика – области, где господствующими были гэльская культура и гэльский язык.

Неизвестно, кто стал победителем в словесной борьбе Данбара и Кеннеди, однако их перебранка оказала влияние на развитие этого жанра. Попробовать себя в искусстве хулы решает сам король Иаков V (1512–1542), бросая вызов своему придворному поэту, советнику и бывшему наставнику сэру Дэвиду Линдсею (Sir David Lyndsay, ок. 1490 – ок. 1555). К сожалению, та часть перебранки, авторство которой принадлежит королю, не сохранилась, однако по ответу Линдсея (ок. 1536) можно заключить, что поэты действовали по уже знакомой нам схеме, опираясь на опыт своих предшественников Данбара и Кеннеди. Эта перебранка также могла исполняться при дворе (Линдсей в ней обращается не только к королю, но и к дамам), однако о секундантах здесь речи не идет.

Более чем через полвека появляется еще одна перебранка – «Перебранка Монтгомери и Полварта» (Flyting betwixt Montgomerie and Polwart, ок. 1583–1598). Александр Монтгомери (Alexander Montgomerie, 1545–1615) был родственником королю Иакову VI и в своих поэтических трудах стремился подражать поэтам-чосерианцам, писавшим сто лет назад. О его оппоненте, сэре Патрике Хьюме Полварте (Sir Patrick Hume of Polwart, ок. 1550–1609), нам почти ничего не известно, кроме того, что он занимал пост при королевской опочивальне и имел брата Александра Хьюма, который также был поэтом. В отличие от предыдущих перебранок, где имя победителя осталось нам неизвестным, в этом поединке верх одержал Монтгомери (впоследствии он упоминает об этом в своем сонете XXVII). Известно также, что король Иаков VI называл Монтгомери не только своим близким другом, но и поэтом-лауреатом [Mullan 2009: 204]: возможно, это звание Монтгомери получил именно после победы над Полвартом.

Поскольку придворная перебранка была в первую очередь не попыткой оскорбить собеседника, а поэтическим состязанием, тема творчества занимает важное место в речах соперников. Они как комментируют уровень литературного мастерства противника и восхваляют свои строчки, так и дают любопытные определения понятиям «поэзия» и «поэт», сополагая их с различными контекстами. Рассмотрим то, как участники перебранок обращаются к теме поэтического искусства на примере «Перебранки Данбара и Кеннеди» и «Перебранки Монтгомери и Полварта».

та». «Перебранка Дэвида Линдсея» является собой несколько другой случай, в сущности, не являясь настоящей перебранкой и «по большей части не следуя традициям жанра, а лишь имитируя их» [Ибрагимова 2023: 369].

Парадоксально, но само слово «поэт» в перебранках обыкновенно не употреблялось. В «Перебранке Данбара и Кеннеди» соперники чаще всего используют три слова, каждое из которых имеет значение «поэт», но они по-разному стилистически окрашены. Первое из них – *makar*, слово на языке скотс, по сути, являющееся калькой слова *poet* (др.-греч. ποιητής), близкородственное английскому *maker* и буквально означающее «делатель», «творец», что былоозвучно восприятию поэта как человека, владеющего своим ремеслом, искусством мастера, а не просто любимца муз [Bawcutt 1992: 19]. Поэзия, в свою очередь, именуется равно как *poetry*, так и *making* [Olson 1979: 274]. Шотландские поэты, начиная с короля Иакова I (1394–1437), который был известным поэтом, использовали исключительно это слово для самоидентификации. В современной традиции словом «makar» называют лишь тех поэтов, которые писали или пишут на скотс, но во времена, в которые создавались перебранки, оно обозначало любого значимого творца: к примеру, Данбар неоднократно в своих стихах называет так Чосера. Интересно, что *makar* ни разу не употребляется в «Перебранке Полвarta и Монтгомери»: напротив, один раз Полварт, риторически обращаясь к поэтам былым временам, говорит: «Простите меня, поэты, что я сейчас изменил свой стиль» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – К. И.) («Appardon me Poets to alter my style» [Montgomerie 2000: 165]) – очевидно, к концу XVI в. этот термин устаревает и перестает быть таким значимым, так как заканчивается эпоха шотландских придворных поэтов.

Так или иначе, это слово звучит в перебранке не так часто: для подчеркивания своего высокого поэтического статуса соперники обычно избирают более пышные титулы, оставляя сопернику другие, менее лестные, определения поэта. Так, полной противоположностью слову *makar* становится слово *baird* (бард). В контексте перебранки оно получает резко негативную окраску и отсылает к гэльской поэтической традиции: бард – это поэт, творящий на одном из кельтских языков [Elliott 1960: 37]. Примечательно, что «бардом» своего соперника в перебранке называет лишь Данбар; он же и превращает нейтральное слово в оскорбление: насмехаясь над гэльским происхождением Кеннеди, он связывает его с малограмотностью, отсутствием поэтического дарования, вульгарностью. Не случайно контек-

сты употребления слова «бард» указывают либо на происхождение, либо на низкий род занятий оппонента: это либо «ирландский бродячий бард» («Iersche brybour baird» [Dunbar 1834: 67]), либо «бард-богохульник», «лживый бард» («baird blasphemar» [ibid.], «fals baird» [ibid.: 69]), либо «бард-воришка» («theif baird» [ibid.: 72]) и т. д.

Интересно, что на этом отсылки к гэльской традиции не заканчиваются. Во вступлении к своей речи Данбар подчеркивает тот факт, что перебранка – это низкий жанр, недостойный истинного поэта. Он упоминает, что брань – прерогатива бардов, носителей гэльской культуры, и что участие в перебранке не дает ни радости, ни славы. Данбар подчеркивает свое первоначальное нежелание участвовать в перебранке из-за ее низкого статуса, однако утверждает, что для сохранения чести он готов показать свое мастерство и проучить обидчиков, вызывавших его на словесную дуэль:

Bot wondir laith wer I to be ane baird.
Flyting to use richt gritly I eschame,
For it is nowthir wynnnyng nor rewaird,
Bot tinsale baith of honour and of fame,
Ingres of sorrow, sklander, and evill name.
Yit mycht thay be sa bald in thair bakbytting
To gar me ryme and rais the feynd with flytting
And throw all cuntrieis and kinrikis thame
proclaime [ibid.: 65–66].

(Но не думай, что мне понравилось бы быть бардом. / Я всецело презираю перебранку, / П скольку она не дарует ни победы, ни удовлетворения, / Но только отнимает честь и славу, / Взращивает печаль, ложь и злословие. / Но пусть они в своей клевете отважатся / Дать мне рифмовать и вызвать дьявола для перебранки, / И на все страны и королевства я их ославлю.)

Действительно, вполне вероятно, что жанр шотландской перебранки берет свои истоки из кельтской традиции, включающей в себя не только гэльское, но также ирландское и валлийское наследие [Speirs 1962: 55]. По словам Иена Росса, поэтика сатиры, представленная в «Перебранке Данбара и Кеннеди», возможно, появилась при шотландском дворе благодаря гэльской традиции еще до Данбара [Ross 1981: 186]. Между бардами разных кланов были часты словесные поединки: соперники отстаивали не только свою личную честь, но и честь своего рода. Самые ранние из таких поэтических соревнований были зафиксированы в IX в. и были вполне самобытными [Hull 1906: 4], хотя сходные жанры существовали и в других культурах. Однако если в кельтской традиции перебранка не была игрой, то перенявшей ее шотландский двор использо-

вал ее как развлечение. Региональный, даже провинциальный характер подобной забавы Данбар и стремится высмеять.

Несмотря на то что сам же Данбар подчеркивает, что жанр перебранки гораздо ближе Кеннеди, чем ему самому, он настаивает на том, что он является лучшим поэтом, чем его противник, ведь, даже играя по чужим правилам и овладевая чуждым ему (по его словам) языком браны, он способен ославить Кеннеди и его секунданта навеки. «Такую риторику вы используете там, где говорят по-гэльски [в Хайланде]» (“Sic eloquence as thay in Erschry use” [ibid.: 69]), – говорит он Кеннеди, бросая ему упрек в том, что тот получает удовольствие от перебранки, в то время как для Данбара это лишь досадная необходимость.

Еще одним синонимом к слову «поэт» становится слово *skald* (скальд), что в этом случае означает «поэт оскорбляющий» и в ситуации перебранки относится к обоим ее участникам. Однако и этот термин в их устах превращается в оскорбление: к примеру, Кеннеди сравнивает оскорбительные стихи Данбара со своими «достойными лавров писаниями» (“Pretendand thee to wryte sic skaldit skrowis,/ Ramowd rebald, thou fall down att the roist / My laureat lettres at thee and I lowis” [ibid.: 66]), а в «Перебранке Полварт и Монтгомери» Полварт называет своего противника «пришибленным скальдом» (“skaid skald” [Montgomerie 2000: 172]). Однако если в словах Кеннеди основное оскорбление заключается в слове «оскорбляющий», «оскорбительный», что связано с низким статусом жанра перебранки в то время (оскорблять – это недостойное действие), то Полварт акцентирует внимание не на этом: его больше интересует характеристика, которую он дает скальду-Монтгомери; неизвестно, считалось ли оскорбительным слово «скальд» во времена Полварта.

Такой сдвиг значения связан с изменением статуса перебранки: если Данбар и Кеннеди воспринимают ее как низкий жанр, то через несколько десятилетий сам факт участия короля Иакова V в такой забаве существенно повышает ее значение. К тому же времени, когда свои оскорбительные речи создают Полварт и Монтгомери, статус перебранки уже достаточно высок, и поэты не только не боятся, как писал Данбар, из-за участия в ней потерять честь, а напротив, видят в ней шанс завоевать себе громкое имя (“Thy tratling, trewcour, I shall taime, / Quhair thou beleivit to win a naime” [ibid.: 155]). Участники перебранки отныне считают ее искусством, которому, как и всякому другому, нужно учиться: поэтому Полварт говорит Монтгомери, что тот лишь новичок в искусстве перебранки (“Thou art begunne in wreit to flyte” [ibid.]). Однако в дру-

гом месте своей речи Полварт неожиданно меняет тактику и утверждает, что обратился к такому низкому виду поэзии лишь потому, что этого захотел Монтгомери (“Onlie becaus, Oule, thou dois vs it, / I will wreit vers off commune kind” [ibid.: 158]), что свидетельствует о шаткости положения перебранки как жанра.

Однако, несмотря на то, какое место в системе жанров занимает перебранка, поэты, участвующие в ней, стремятся доказать, что даже здесь их искусство не знает себе равных. Соперники выдвигают ничем не подтвержденные тезисы, среди которых «безусловное мастерство оскорбляющего и безусловная бездарность оскорбляемого: в процессе перебранки те позиции, на которые оппоненты ставят себя и другого, не подлежат развитию и изменению». Таким образом, поэты в своих речах описывают ситуацию со своей точки зрения, которая, по их мнению, была незыблемой до момента перебранки и останется таковой после» [Ибрагимова 2020: 113]. Несмотря на то что «равенство оппонентов является необходимым исходным условием этого жанра» [Матюшина 1994: 22], сами поэты «воспринимают вербальный поединок как сражение с заведомо неравным соперником» [Ибрагимова 2020: 113]. Они избирают способ самовыражения, обратный топосу смирения, «напускной скромности» [Curtius 1963: 83], так как в случае словесной дуэли принижение себя невозможно.

Демонстрируемая противниками презумпция собственной исключительности, таким образом, выражается в уверенности в собственном поэтическом мастерстве. В контексте перебранки слово мыслилось как некая таинственная сила, оно становилось главным орудием битвы, поэтому в речах соперников присутствуют постоянные аналогии со сражением, лексика, связанная с ратным делом: так, к примеру, Данбар обещает Кеннеди «завершить его рифмы одним ударом» (“To red thy rebald rytyng with a rowt” [Dunbar 1834: 69]), в битве (“fecht” [ibid.]) отложить кинжал, меч и топор и высечь противника собачьим поводком (“With ane dog leich I schep to gar thee schowt / And nowther to thee tak knife, swerd, nor aix” [ibid.]); Полварт говорит Монтгомери, что тому придется с позором покинуть поле боя (“And sall resaue baith skaith and schame/ And syne be forcit to flie the field” [Montgomerie 2000: 155]). Человек, владеющий словом, практически неуязвим и в чем-то становится высшим существом, в соответствии с архаическим восприятием силы слова. Это ярче всего просматривается во вступительной речи Данбара, где он рисует апокалиптическую картину (ср. с Книгой пророка Исаи 13:10–13 и Откровением Иоанна Богослова 8:7–12) с помощью библейских образов: высмеивая

Кеннеди и его секунданта, которые осмелились в своих чаяниях занестись выше звезд, он предсказывает, что им суждено пасть, как некогда пал Люцифер. Однако не Господь покарает их, но сам Данбар, чье поэтическое искусство способно как сформировать новый мир, так и разрушить старый:

Quhilk hes thameself aboif the sternis styld.
Bot had thay maid of mannace ony mynting
In speciall, sic stryfe sould rys but stynting;
Howbeit with bost thair breistis wer als bendit
As Lucifer that fra the hevin discendit,
Hell sould nocht hyd thair harnis fra harmis hynting.
The erd sould trymbill, the firmament sould
schaik,
And all the air in vennaum suddane stink,
And all the divillis of Hell for redour quaik,
To heir quhat I suld wryt with pen and ynk;
For and I flyt, sum sege for schame sould sink,
The se sould birn, the mone sould thoill ecclippis,
Rochis sould ryfe, the warld sould hald no grippis,
Sa loud of cair the commoun bell sould clynk
[Dunbar 1834: 65].

(Они [Кеннеди и Квентин. – К. И.] вознеслись выше звезд. / Но так как они сделали попытку угрожать мне, / Эта борьба никогда не окончится; / Пусть их груди вздуты от гордости, / Они падут, как пал с небес Люцифер, / Ад не укроет их глаза от кары. / Земля содрогнется, небо задрожит, / И весь воздух наполнится ядом, / И от страха затрясутся все дьяволы в Аду, / Когда услышат, как я пишу пером и чернилами; / Ибо когда я бранюсь, мужи погибают от стыда, / Море загорается, начинается лунное затмение, / Скалы раскальваются, мир больше ничто не сдерживает, / Так громко об угрозе возвещает колокол.)

В «Перебранке Данбара и Кеннеди» искусство поэзии воспринимается как божественный дар (примечательно, что такая трактовка роли поэта не вполне соответствует традиционному средневековому взгляду на поэта как на мастерового). Поэты говорят скорее не об умении писать стихи (примечательно, что слова «рифмовать», «сочинять» они относят как к себе самим, так и к противникам, тем самым не отказывая им в техническом понимании и подражании процессу создания стиха), а о праве на творчество. Более страшным грехом становится не неумение, а дерзание. Поэтому так часто повторяется угроза заставить другого умолкнуть: стихи того, кто не является истинным творцом, не должны звучать в мире, это невиданная дерзость. Заявления оппонентов часто противоречат сами себе: к примеру, Кеннеди сначала заявляет, что заставит Данбара замолчать, а затем сам приглашает его высказаться, чтобы посмотреть, на что он способен.

Причинами такого недостатка таланта, которые отмечают оппоненты друг у друга, являются недостаточное образование, природная глупость, неблагосклонность Бога (или богов). Так, например, Данбар упрекает Кеннеди, что тот в своих стихах заговаривается, поскольку его разумом, как у всех безумцев, правит луна («Mismaid monstour, ilk mone owt of thy mynd, / Renunce, rebald, thy rymping, thow bot roysis» [ibid.: 67]), ему недоступно учение, так как он лишен всяких достоинств («Of every vertew voyd, as men may sie. / Quytclame clergie and cleik to thee ane club» [ibid.]). Данбар насмехается над самомнением Кеннеди, называющим себя оратором с золотыми устами – ведь он даже не знает, что такое хороший вкус в поэзии, а единственные дебаты, которые тот может вести, – споры за гроши («Uther pure beggaris and thow for wage debaitis» [ibid.: 70]). На этом основании Данбар заранее предсказывает исход поэтического сражения, называя Кеннеди побежденным («forflittin» [ibid.: 74]).

Кеннеди повторяет свои угрозы заставить Данбара умолкнуть и ответно обвиняет его, что тот заговаривается. Но большая часть аргументов Кеннеди связана с божественной сферой поэтического искусства, которое он рассматривает как дар. Упоминая, что во сне ему явилось видение о происхождении Данбара, которое он затем облеч в стихи, Кеннеди уподобляет себя визионеру, которому «по желанию высших сил открылась некая истина, иначе недоступная человеческому познанию» [Ярхо 1989: 21] («Yit of new tressone I can tell thee tailis / That cumis on nyght in visioun in my sleip» [Dunbar 1834: 76]). После этого Кеннеди рисует картину, напоминающую аллегорическое видение: он рассказывает, как побывал на Парнасе и пил там из источника воду красноречия, очищенную морозом. Данбар же, по словам Кеннеди, тоже побывал там, но из-за своей глупости прибыл туда гораздо позже – в марте или в феврале, и на его долю осталась лишь лужа с жабьей икрой:

I perambalit of Pernaso the montayn,
Enspirit wyth Mercury fra his goldyn spere,
And dulcely drank of eloquence the fontayne
Quhen it was purifit wyth frost and flowit clere.
And thou come, fule, in Marche or Februere
Thare till a pule and drank the padok rod
That gerris the ryme into thy termes glod
And blaberis that noyis mennis eris to here [ibid: 78].

(Я взошел на гору Парнас, / Вдохновленный Меркурием в его золотой сфере, / И с наслаждением пил из источника красноречия, / Когда он, чисто протекающий, был очищен морозом. / А ты пришел, глупец, в марте или феврале, / Оста-

лась лишь лужа, и ты пил жабью икру, / Которая даёт твоему бессмысленному языку рифмы, / И ты бормочешь, что утомляет слух остальных.)

Интересно сравнить этот отрывок с двумя строками, которые затем произносит в своей речи Кеннеди. Продолжая нападки на Данбара, он упоминает, что тот был зачат во время большого лунного затмения и создавался Меркурием как монстр (“Thou was consavit in the grete eclips, / A monstir maid be god Mercurius” [ibid.: 84]). Любопытно, что Кеннеди, вероятно, сам того не замечая, в своей речи использует образ Меркурия в двух разных ипостасях: несомненно, что, говоря о своем обретении «меда поэзии», он воспринимает Меркурия, указавшего ему путь, как светлого покровителя ораторского искусства, вступившего в брак с Филологией, однако тот же самый бог, создавший Данбара, делает это со злой целью из-за своего коварства. Здесь проявляется двоякое отношение соперников друг к другу: с одной стороны, они стремятся подчеркнуть злую ярдность другого, но при этом описывают соперника как некое демоническое существо, наделенное потусторонними силами, что проявляется в том числе и в поэтическом искусстве. Эти тезисы противоречат друг другу: к примеру, Данбар называет язык Кеннеди змеиным (“serpentis tung” [ibid.: 68]), но при этом это же язык предателя, неумехи и нищего (“trechour tung” [ibid.: 67]). Противоречия возникают и в пассажах, где поэты похваляются мощью своего слова: так, Кеннеди, до этого обвинявший Данбара в родстве с Дьяволом, тут же грозит ему этого Дьявола натравить на него, так как он подчиняется Кеннеди благодаря его мастерству (“And I sall send the blak devill for to bak thee” [ibid.: 82]), что можно сравнить с картиной разрушения мира, нарисованной во вступлении к речи Данбара.

Итак, Данбар и Кеннеди всячески утверждают каждый свое превосходство, однако их доводы по большей части голословны и недоказательны: они лишь выдвигают тезисы, которые почти не аргументируют. В «Перебранке Полварт и Монтгомери» мы видим несколько иную картину. Разумеется, и здесь оба поэта бросают друг другу в лицо немотивированные оскорблении: Монтгомери в первой же строке своей речи говорит Полварту, что тот пищит, словно мышь в кустарнике (“Polwart ye reip like a mouse among thornes” [Montgomerie 2000: 175]), утверждает, что с его пера капает яд (“And drink of that wel that poysnit thy pen” [ibid.: 143]); Полварт же объявляет, что стихи Монтгомери подобны жабьей отрыжке (“Thy tratling, tinklar, wald gar ane taid spew” [ibid.: 168]). Но этим соперники не ограничиваются: они предпринимают попытки

проанализировать поэтическую технику оппонента (конечно, не в его пользу).

Обвинений в несовершенстве поэзии оппонента, которые выдвигают противники, всего два. Первое из них связано с неумением писать, однако, в отличие от Данбара и Кеннеди, Полварт и Монтгомери касаются не темы дарования, а темы технической слабости чужих стихов. Полварт обращается к этому вопросу первым: он привлекает внимание к тому, что стихи Монтгомери то слишком коротки, то слишком длинны, то совсем выпадают из размера, содержание же их настолько нелепо, что могло быть вызвано лишь чрезмерными возлияниями:

Thy raggit roundaillis, reifand royt,
Sum schort, sum lang, and out of lyne,
With scabrous colouris, fowsome floyt,
Proceiding from ane pynt of wyne,
Quhilk haultis for fault of feit like myne [Ibid: 155].

(Твои грязные рондели, сумасшедший чужак, / То слишком коротки, то длинны, то невпопад, / Ты наполнил их скабрезными образами, глупая дудка, / Явившимися из чаши вина, / Они хромают на все стопы, в отличие от моих.)

Полварт советует сопернику потренироваться писать, основываясь на его, Полварта, примере (“Sen, loun, thy language I have laid, / And put the to thy pen to wrtyt” [ibid.]). В других частях своей речи Полварт вновь повторяет свои упреки, отмечая то же: «растрапанный», скачущий размер (“mankit, manschocht, manglit meitter” [ibid.: 157]), к которому добавляются «крысиные» (безумные, бессмысленные) рифмы (“roustie ratrymes” [ibid.]).

Монтгомери в ответе Полварту избирает другую тактику: он поднимает еще более важную тему – тему пластика. Как отмечает Джон Хайнс, в Англии понятие авторского права возникает во времена Чосера [Hines 2016: 25] и постепенно развивается; Полварт и Монтгомери же творят почти спустя два века после смерти Чосера, когда оно обрело большое значение. Так, обвинения Монтгомери, где он называет своего оппонента вором, имеют двойкий смысл: Полварт, по словам Монтгомери, крадет не только ягнят, чтобы прокормиться, но и промышляет литературным воровством. Вновь возникает образ повешенного за воровство (“Quhen I sall syne sie the hing by the heillis / For termes that thou steilis of ald Poetrie” [ibid.: 142]). Более того, Монтгомери называет имена поэтов, у которых, по его мнению, Полварт заимствовал свои строки: это в первую очередь Чосер (Монтгомери упоминает «Рассказ Повара» из «Кентерберийских рассказов») и Линдсей (“Thy scrowis obscur ar borrowit

fra sum buik / Fra Lindsay thou tuik, thow art Chawceris Cuik" [ibid.: 143].

В свою очередь Полварт ответно обвиняет своего соперника в плагиате, но подчеркивает, что Монтгомери ворует уже не у великих творцов прошлого, а у самого Полварта. Он прослеживает это на примере той самой перебранки, которая еще не закончена, таким образом, скорее всего, давая возможность своей аудитории по-иному воспринять то, что происходило у них на глазах. Полварт отмечает, что Монтгомери подражает той композиции, которую он избрал для ведения перебранки (впрочем, здесь можно вспомнить, как незадолго до этого Полварт иронически советовал своему противнику поучиться писать у него):

To prive my speikin probabill and plane
Thow must confes thow vsit my inventioun,
I raknit first thy race, syne thow agane
In the same sort maid of thy maister mentioune,
Thy wit is waik with me to have dissentioune,
For to my speichis thow nevir maid reply,
At libertie to ly is thy intentioun [ibid: 169].

(Подтвержу свои речи простым примером, / Признайся, что ты использовал мои идеи, / Я сперва свел счеты с твоей расой, затем это же сделал ты, / В моем же духе упомянул о мастерстве, / Твой разум слишком слаб, чтоб спорить со мной, / И на эту мою речь ты никогда не ответишь, / Ведь ложь – это твое намерение.)

Интересно, что предъявленные обвинения как в литературном воровстве, так и в техническом несовершенстве имеют под собой серьезную основу: другое дело, что трактовка их в устах соперников выглядит неоднозначной. Так, «расстрепанный размер», над которым потешается Полварт, – не что иное, как любовь Монтгомери к разнообразным строфическим формам, которые он заимствует из континентальной (преимущественно французской) поэзии и переносит на английскую почву. Известно, что Монтгомери проявлял большой интерес к поэзии «великих риториков» [Borland 1913: 129]: это видно даже по строфической организации его части «Перебранки», где широко используются внутренние рифмы, к примеру, первые пять его строф смешивают *rime brisée* (рифмуются цезуры и окончания строк) и *rime renforcée* (цезура рифмуется с окончанием строки):

Polwart ye *peip* like a Mouse among *thornes*,
Na cunning ye *keip*, Polwart ye *peip*:
Ye looke like a *sheep* and ye had twa *horns*,
Polwart ye *peip* like a Mouse among *thornes* [ibid.: 175].

В свою очередь тема плагиата возникает благодаря тому, что Полварт действительно считал своим главным авторитетом Чосера, упоминая, что он «человек Чосера» ("Also I may be Chawceris man" [ibid.: 158]), следовательно, подражание ему он не считает чем-то недопустимым. Таким образом, здесь мы видим столкновение представителей разных поэтических школ, вернее – два разных подхода к следованию за гением Чосера: если Полварт стремится подражать самому английскому поэту, то Монтгомери обращается за «золотыми словесами» к французской и итальянской поэзии так же, как это некогда делал Чосер.

Однако у Полварта и Монтгомери действительно больше общего, чем они признают, так как в ведении перебранки оба ориентируются скорее не на своих основных авторитетов, а на Данбара и Кеннеди. Поэтому неудивительно, что они невольно дублируют друг друга как в отношении содержания, так и в отношении композиции перебранки. Не только Монтгомери, но и Полварт использует сложные строфические формы; оба упрекают друг друга в схожих грехах.

Таким образом, поэты, критикуя мастерство соперников, используют как неаргументированные обвинения, так и основывают свои упреки на «предварительных инцидентах» [Матюшина 2011: 62] или примерах из творчества оппонентов. Для этого они используют различные синонимы к слову «поэт», которые могут быть как хвалебными, так и оскорбительными. Основной целью становится унизить собеседника не только как члена социума, но и как творца: он обвиняется либо в отсутствии божественного дара, либо в литературном воровстве, либо в неумении писать стихи. Интересно, что если бытовое оскорблечение было в первую очередь направлено на то, чтобы подчеркнуть инаковость оппонента, то с появлением темы творчества все изменяется: теперь поэт сам подчеркивает свое отличие от всех других, так как он владеет словом, сила которого сравнима с мечом, ударом или мощью стихий. Возникает парадоксальная ситуация, при которой поэт, стремящийся вывести противника за рамки возможного и с помощью этого доказать, что тот недостоин быть членом общества, выводит за эти рамки сам себя, однако это лишь укрепляет его позиции.

Список литературы

Ибрагимова К. Р. Образ поэта в «Перебранке Данбара и Кеннеди» // Stephanos. 2020. № 39. С. 111–117. doi 10.24249/2309-9917-2020-39-1-111-117

Ибрагимова К. Р. Притворная перебранка Дэвида Линдсея // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. 2023.

Т. 23, вып. 4. С. 364–369. doi 10.18500/1817-7115-2023-23-4-364-369.

Матюшина И. Г. Магия слова. Скальдические хулиганные стихи и любовная поэзия. М.: РГГУ, 1994. 128 с.

Матюшина И. Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М.: РГГУ, 2011. 296 с.

Ярхо Б. И. Средневековые латинские видения // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1989. С. 18–56.

Bawcutt P. Dunbar the Makar. Oxford: Clarendon Press, 1992. 396 p.

Borland L. Montgomerie and the French Poets of the Early Sixteenth Century // Modern Philology. 1913. Vol. 11. №1. P. 127–134.

Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages / Translated from the German by W.R. Trask. N.Y.: Bollingen Foundation Inc., Harper & Row, Publishers, Inc., 1963. 658 p.

Dunbar W. The Poems of William Dunbar, Now First Collected. With Notes, and a Memoir of His Life / Ed. by D. Laing. Edinburgh: Laing and Forbes, 1834. 498 p.

Elliott R.C. The Power of Satire: Magic, Ritual, Art. Princeton: Princeton University Press, 1960. 300 p.

Hines J. The Ownership of Literature: Reading Medieval Literature in its Historical Context // Medieval English Literature / ed. by B. Fannon. Basingstoke: Palgrave, 2016. P. 13–27.

Hull E. A Textbook of Irish Literature. Dublin: M.H. Gill & son, 1906. 312 p.

McKay D. Parish life in Scotland, 1500–1560 // Essays on the Scottish reformation, 1513–1625 / ed. by D. McRoberts. Glasgow: Burns, 1962. P. 85–115.

Montgomerie A. Poems. Vol. 1 / ed. by D.J. Parkinson. Edinburgh: Scottish Text Society, 2000. 303 p.

Mullan D.G. Literature and the Scottish Reformation. Abingdon: Routledge, 2009. 280 p.

Olson G. Making and Poetry in the Age of Chaucer // Comparative Literature. 1979. № 31. P. 272–290.

Ross I. S. William Dunbar. Leiden: E. J. Brill, 1981. 288 p.

Speirs J. The Scots Literary Tradition. L.: Faber and Faber, 1962. 200 p.

References

Ibragimova K. R. Obraz poeta v 'Perebranke Danbara i Kennedi' [The image of a poet in 'Flyting of Dunbar and Kennedy'], *Stephanos*, 2020, issue 39, pp. 111–117. doi 10.24249/2309-9917-2020-39-1-111-117. (In Russ.)

Ibragimova K. R. Pritvornaya perebranka Devida Lindsey [David Lindsay's fictive flyting]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnal*

nalistika

[Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2023, vol. 23, issue 4, pp. 364–369. doi 10.18500/1817-7115-2023-23-4-364-369. (In Russ.)

Matyushina I. G. *Magiya slova. Skal'dicheskie khulitel'nye stikhi i lyubovnaya poeziya* [The Magic of a Word. Skaldic Abuse Verse and Love Poetry]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1994. 128 p. (In Russ.)

Matyushina I. G. *Perebranka v drevnegermanskoy slovesnosti* [The Tradition of Flyting in Germanic Culture]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2011. 296 p. (In Russ.)

Yarkho B. I. Srednevekovye latinskie videniya [Medieval Latin visions]. *Vostok – Zapad: Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East–West: Research. Translations. Publications]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 18–56. (In Russ.)

Bawcutt P. *Dunbar the Makar*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 396 p. (In Eng.)

Borland L. Montgomerie and the French poets of the early sixteenth century. *Modern Philology*, 1913, vol. 11, issue 1, pp. 127–134. (In Eng.)

Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Transl. from German by W. R. Trask. N.Y., Bollingen Foundation Inc., Harper & Row Publishers Inc., 1963. 658 p. (In Eng.)

Dunbar W. *The Poems of William Dunbar, Now First Collected. With Notes, and a Memoir of His Life*. Ed. by D. Laing. Edinburgh, Laing and Forbes, 1834. 498 p. (In Eng.)

Elliott R. C. *The Power of Satire: Magic, Ritual, Art*. Princeton, Princeton University Press, 1960. 300 p. (In Eng.)

Hines J. The ownership of literature: Reading medieval literature in its historical context. *Medieval English Literature*. Ed. by B. Fannon. Basingstoke, Palgrave, 2016, pp. 13–27. (In Eng.)

Hull E. *A Textbook of Irish Literature*. Dublin, M.H. Gill & Son, 1906. 312 p. (In Eng.)

McKay D. Parish life in Scotland, 1500–1560. *Essays on the Scottish Reformation, 1513–1625*. Ed. by D. McRoberts. Glasgow, Burns, 1962, pp. 85–115. (In Eng.)

Montgomerie A. *Poems*. Vol. 1. Ed. by D. J. Parkinson. Edinburgh, Scottish Text Society, 2000. 303 p. (In Eng.)

Mullan D. G. *Literature and the Scottish Reformation*. Abingdon, Routledge, 2009. 280 p. (In Eng.)

Olson G. Making and poetry in the age of Chaucer. *Comparative Literature*, 1979, issue 31, pp. 272–290. (In Eng.)

Ross I. S. *William Dunbar*. Leiden, E. J. Brill, 1981. 288 p. (In Eng.)

Bard, Skald, Makar: A Poet and Poetry in Scottish Court Flyting

Karina R. Ibragimova

Lecturer in the Department of History of Foreign Literatures

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia. agitato72@mail.ru

SPIN-code: 4134-1117

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9639-3261>

ResearcherID: AAR-8598-2021

Submitted 26 Mar 2024

Revised 05 Oct 2024

Accepted 14 Oct 2024

For citation

Ibragimova K. R. Bard, skal'd, «makar»: poet i poeziya v shotlandskoy pridvornoy perebranke [Bard, Skald, Makar: A Poet and Poetry in Scottish Court Flyting]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 99–107. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-99-107. EDN NCAUUAU (In Russ.)

Abstract. The article explores the genre of Scottish court flyting using the example of *The Flyting of Dunbar and Kennedy* and *The Flyting betwixt Montgomerie and Polwart*. These two works are the only fully preserved compositions written in the genre of court flyting. The article aims to give a brief description of this genre, outlining its characteristic features, to identify the individual traits inherent in the poetic style of the flyting participants and their attitude to such verbal competitions. The focus is on the theme of art and creativity, which is repeatedly raised in the speeches of the opponents, and on their characteristics of a poet and poetry. The ambiguous status of flyting plays an important role here: in the times of Dunbar and Kennedy it was considered a low genre, and winning a 'flyting battle' both meant the poet's triumph and could potentially cast a shadow on his reputation; during the times of Montgomerie and Polwart, the attitude toward flyting improved. All the four poets use a rich arsenal of synonyms for the word 'poet', including 'bard', 'skald', 'makar' (creator, maker), among which not all are compliments by nature. To analyze the designations of a poet and the participants' views on poetry, the article employs the cultural-historical, comparative-typological, and biographical methods of analysis. The study has established that the poets expressed their attitude to art and criticized the skills of their opponents both using unsubstantiated accusations and basing their comments on examples from the opponents' works, turning to the topics of plagiarism and imperfection of style. They used various synonyms for the word 'poet', both laudatory and offensive. The main goal was to humiliate the interlocutor not only as a member of society but also as a creator.

Key words: flyting; abuse poetry; William Dunbar; Walter Kennedy; Alexander Montgomerie; Patrick Hume Polwart; Scottish Chaucerians.

УДК 821.111-312.9

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-108-116

<https://elibrary.ru/odwwqc>

EDN ODWWQC

Переосмысление традиционного портального фэнтези в романе Эрин Моргенштерн «Беззвёздное море»

Иванова Елизавета Андреевна

к. филол. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
410012, Россия, г. Саратов, просп. им. А. П. Столыпина, д. 1. elivan1988@gmail.com

SPIN-код: 4246-7986

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Статья поступила в редакцию 10.04.2024

Одобрена после рецензирования 02.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Информация для цитирования

Иванова Е. А. Переосмысление традиционного портального фэнтези в романе Эрин Моргенштерн «Беззвёздное море» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 108–116. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-108-116. EDN ODWWQC

Аннотация. Статья посвящена анализу жанровой природы романа американской писательницы Эрин Моргенштерн «Беззвёздное море» (2019). Этот роман принадлежит к литературе фэнтези в ее актуальном для начала XXI в. варианте, переосмысливающем и видоизменяющем традиции и клише жанра. В нашем анализе используется типология фэнтези, предложенная Ф. Мендлесон в книге «Риторика фэнтези» (2008). Согласно данной типологии «Беззвёздное море» можно отнести к типу портального, или квестового, фэнтези, в котором герой проходит через портал из обыденного в фантастический мир. В статье рассматривается проявление ключевых характеристик этого типа фэнтези в романе Моргенштерн. Текст анализируется на уровнях строения сюжета и системы персонажей. В «Беззвёздном море» можно найти множество элементов, типичных для портального фэнтези, но по сравнению с традиционными изменяется и порядок, и смысловое наполнение этих элементов. Под сомнением оказывается центральное положение героя в структуре повествования и возможность получения исчерпывающей правдивой информации о фантастическом мире даже от таких традиционно пользующихся безоговорочным авторитетом источников, как помощники-советчики или книги. Традиционный конфликт добра и зла замещается проблемой организации и понимания нарративов, необходимости выстраивания личной интерпретации мира. Суть основного квеста героя раскрывается только в конце романа, и сама является ускользающим объектом поисков, а не предзданной целью. Задачей героя оказывается не противостояние с антагонистом, а следование сюжетной линии и завершение рассказываемой истории. Моргенштерн использует характерные элементы портального фэнтези, но переосмыслияет их таким образом, что опыт героя сближается с опытом читателя, а роман отражает мировоззрение эпохи постмодерна.

Ключевые слова: фэнтези; Эрин Моргенштерн; портальное фэнтези; квест; жанр; жанровые конвенции; «Беззвёздное море».

Эрин Моргенштерн (Erin Morgenstern, 1978) – современная американская писательница, автор двух фантастических романов. Первый из них, «Ночной цирк» («The Night Circus», 2011), полу-

чил премию «Локус» за лучший дебютный роман [2012Locus Awards Winners] и привлек значительное внимание критиков, сравнивавших его с произведениями таких крупных современных

фантастов, как Р. Брэдбери, Н. Гейман, С. Кларк [Martini 2011; Peabody 2011; Rhule 2011]. Второй роман Моргенштерн, «Беззвёздное море» (“The Starless Sea”), был опубликован в 2019 г. «Ночному цирку» на данный момент посвящено несколько статей англоязычных исследователей, затрагивающих образ цирка и шекспировские мотивы в романе [Buccola 2018; Stoddart 2020]. Научные работы, посвященные «Беззвёздному морю», нам обнаружить пока не удалось, несмотря на то что роман представляет несомненный интерес для анализа как образец современной интеллектуальной фантастики. Одним из актуальных для исследования аспектов этого текста является то, каким образом он взаимодействует с жанровым каноном, историей и современными тенденциями литературы фэнтези. Именно эта проблема стоит в центре внимания нашей статьи.

Наиболее перспективным подходом к анализу жанровых особенностей «Беззвёздного моря» нам представляется рассмотрение романа в свете типологии фэнтези, предложенной британской исследовательницей Ф. Мендлесон в ее работе «Риторика фэнтези» (“Rhetorics of Fantasy”). В основе этой типологии лежит вопрос о том, каким образом фантастическое вводится в текст. Мендлесон показывает, что место и роль фантастического в описываемом в произведении мире прямо обуславливает использование целых комплексов взаимосвязанных нарративных техник, характерных типов взаимоотношений между персонажами и фантастическим миром, идеологических представлений.

Мендлесон предлагает выделять четыре основных разновидности фэнтези: портальное (или квестовое), иммерсивное, лиминальное и фэнтези вторжения. Портальное/квестовое фэнтези (portal/quest fantasy) подразумевает перемещение героев из обыденного в чужой для них фантастический мир и выполнение некоего квеста, связанного с восстановлением нарушенной гармонии в этом мире [Mendlesohn 2008: 1–2, 66–67]. Принципиальное отличие иммерсивного фэнтези (immersive fantasy) состоит в позиции героя относительно мира: в произведениях этой разновидности герои являются исконными обитателями фантастической реальности, прочно укоренены в ней и, в отличие от зависимых от объяснений со стороны персонажей-помощников персонажей портального фэнтези, способны ставить под сомнение получаемую ими в ходе сюжета информацию о мире, занимать в отношении нее антагонистическую позицию [ibid: 66–67]. При этом уже из примеров произведений обоих этих типов фэнтези, представленных в «Риторике фэнтези», следует, что портальный тип был

наиболее распространенным и популярным в период становления жанра, к нему относятся наиболее классические образцы литературы фэнтези, такие как «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина и «Хроники Нарнии» Кл. С. Льюиса. Именно в портальном фэнтези была создана узнаваемая структура сюжета, которую с 1960-х гг. активно использует массовая литература. «К концу 1970-х <...> квестовое фэнтези, “в традициях Дж. Р. Р. Толкина” грозило стать настолько мощным, что перевесило бы присутствие других форм» (“By the end of the 1970s <...> the quest fantasy, ‘in the tradition of J. R. R. Tolkien’ was threatening to become so powerful as to overwhelm the presence of other forms” [James, Mendlesohn 2009: 148].

Но уже начиная с конца 1980-х гг. всё больше новых произведений, которые можно соотнести с портальным фэнтези, содержат сознательные нарушения и ироническое обыгрывание его конвенций, и доминирующей разновидностью фэнтези к началу XXI в. становится иммерсивное. Элементы портального фэнтези используются современными авторами преимущественно в качестве легко опознаваемых и часто высмеиваемых или развенчивающих жанровых клише, например, в таких произведениях, как «Нон Лон Дон» Ч. Мьевиля, «Трилогия Первого закона» Дж. Аберкромби и др.

В романе Э. Моргенштерн «Беззвёздное море» можно усмотреть некоторые черты третьего типа фэнтези, по Мендлесон, – фэнтези вторжения (intrusion fantasy): оно подразумевает проникновение фантастического в обыденный реальный мир, к этому типу обычно относятся, например, произведения в поджанрах ужасов и мистики. В начале «Беззвёздного моря» главный герой, аспирант Закери Эзра Роулинс, случайно находит неучтенную в библиотечном каталоге книгу «Сладостные печали», в которой читает историю из собственного детства с неизвестными никому, кроме него самого, деталями. Пораженный, Закери пытается узнать больше об этой книге, что приводит его сперва на литературный маскарад, где он встречает нескольких загадочных людей, затем в штаб-квартиру некоего тайного общества и наконец в то самое место, которое было описано в «Сладостных печалих», рай для любителей историй, единственную Гавань Беззвёздного моря. Столкновение с книгой, в которой он оказывается персонажем, нарушает привычный ход жизни Закери, заставляет его совершать необычные поступки, и в этом смысле здесь можно говорить о характерном для фэнтези вторжения восприятии фантастического как нарушения порядка и источника хаоса. Однако появление книги выполняет единствен-

ную сюжетную функцию – привести Закери к двери в фантастический мир, которую он в этот раз, в отличие от случая в детстве, откроет и перенесется в фантастическое пространство, где и будет в дальнейшем разворачиваться сюжет. Поэтому в целом роман Моргенштерн очевидно принадлежит к типу портального или квестового фэнтези, хотя путешествие через портал здесь происходит позже, чем характерно для текстов такого типа.

Необычным можно назвать и то, что главный герой не оказывается сразу в фокусе внимания. Роман начинается с части под названием «Сладостные печали», состоящей из череды не связанных между собой глав, в которых появляются пират и девушка, загадочное место под названием Беззвёздная гавань, молодая женщина, которая становится его служительницей, мальчик, сын гадалки, наконец, странная книга, неизвестно как оказавшаяся в университетской библиотеке, и Закери Эзра Роулинс, который ее читает. Внимание автора и читателя как будто бродит и почти случайно останавливается на будущем главном герое. Далее будут чередоваться главы, посвященные Закери, и главы, рассказывающие, на первый взгляд, совершенно не связанные с ним истории, появятся вторая и третья сюжетные линии со своими героями. Гораздо позднее, уже во второй половине романа, в начале его пятой части, оказывается, что появление Закери в Беззвёздной гавани было давно предсказано, и это вызывает у него ощущение собственной значимости и неслучайности происходящего с ним. Портальному фэнтези свойственно использовать идею героя как Избранного, который единственный может совершить предназначенный для него подвиг, но обычно это предназначение открывается герою в завязке произведения и становится частью его мотивации с самого начала пути, и появление этой темы настолько поздно в тексте Моргенштерн ощущается запоздалым и невольно удивляет читателя.

Как уже упоминалось, в портальном фэнтези героев направляют персонажи-советчики, слушающие своеобразными гидами по волшебной стране. Они объясняют герою-чужаку происходящее, знакомят его с историей фантастического мира, формулируют для него задачи. Классическим образцом такого мудрого советчика является Гэндалф во «Властелине колец», рассказывающий мало знающему об истории Средиземья Фродо о Кольцах власти. При этом традиционно в портальном фэнтези подразумевается, что вся информация, сообщаемая советчиком, абсолютно истинна, и она никогда не ставится под сомнение. Существует неписаное «правило», которое говорит, что protagonista квестового нарра-

тива должен доверять тем, кто интерпретирует мир за него» (“rule that says the protagonist of the quest narrative must trust those who interpret the world on her behalf”) [Mendlesohn 2008: 52]. Поэтому, когда связанные с загадочной книгой улики приводят Закери на литературный маскарад и он встречает поочередно двух персонажей, очевидно имеющих некое отношение к этой книге и описанной в ней Гавани, и сам герой, и читатель вместе с ним ожидают получить от них исчерпывающие объяснения. Но первый из этих персонажей, рассказчик Дориан, ограничивается туманными фразами, затем попадает в плен к неизвестным, потом лежит без сознания. Когда они с Закери наконец могут поговорить, выясняется, что сам Дориан долгое время был пешкой в руках группировки, стремящейся уничтожить связь Гавани Беззвёздного моря с обычным миром, затем сменил сторону в этой борьбе, но его знания о происходящем остаются весьма ограниченными, а в Гавань он попадает впервые, как и Закери. Второй персонаж, розоволосая женщина по имени Мирабель, действительно обладает всей полнотой знаний о Гавани и принципах ее существования, но не спешит делиться ими с героем. На самом деле Мирабель является воплощенной Судьбой, которая на протяжении неизмеримо долгого времени стремится воссоединиться со своим возлюбленным, Временем. Легенду о том, как их разлучили, рассказывает Закери Дориан, но долгое время и герой, и читатель воспринимают ее только как красивую атмосферную сказку. Только постепенно становится понятно, что она имеет непосредственное отношение к основному сюжету, более того, что все события романа являются её продолжением и только небольшой ее частью. Разбираться во всем этом Закери приходится самому. Мирабель направляет его действия в конкретных ситуациях, но очень скрупулезно отвечает на вопросы о Гавани и Беззвёздном море и ничего не объясняет Закери о его основной задаче. «Ты здесь потому, что мне нужно, чтобы ты сделал то, что я сама не могу» [Моргенштерн 2021: 526]¹, – говорит она, никак не расшифровывая свои слова, и только гораздо позднее, когда это уже случится, Закери осознает, что речь была о необходимости умереть, чтобы попасть на самый глубинный уровень фантастического пространства Беззвёздного моря. В портальном фэнтези советники часто отправляют героя в путешествие, грозящее смертельной опасностью, но обычно предупреждают его об этом, оставляя возможность осознанного выбора. Здесь же Мирабель манипулирует Закери, использует его любопытство и желание помочь попавшему в беду знакомому, чтобы отправить его навстречу смерти.

Другим традиционно надежным источником информации в портальном фэнтези являются книги. Древние, часто волшебные тома содержат достоверные сведения о прошлом мира, его устройстве, легендарных исторических личностях, принципах действия магии и т. д. Эти сведения подаются как не вызывающие никаких сомнений и действительно всегда оказываются соответствующими истине, книги обладают в портальном фэнтези таким авторитетом, что Мендлесон говорит о царящем в нем «благоговении перед книгой» (“reverence for the book” [Mendlesohn 2008: 15]). Поэтому, когда Закери читает в «Сладостных печалях» описание Гавани Беззвёздного моря как своеобразной утопии, рая для всех, кто любит читать или рассказывать истории, места, полного жизни и людей, многие из которых живут там постоянно, работают, общаются, устраивают праздники, ни у него, ни у читателя не возникает сомнений, что всё это так и есть в действительности. Но когда Закери попадает в Гавань, его с самого первого момента встречают неожиданности. Пройдя через волшебную дверь-портал, он оказывается перед лифтом, отсутствовавшим в описаниях в «Сладостных печалях», что сразу заставляет героя задуматься, что еще там может быть не упомянуто (216). Спустившись на лифте, Закери узнает, что «Гавань закрыта», там уже давно никто не живет, кроме загадочного Хранителя (который на самом деле является Временем), одной служительницы, Мирабель и множества кошек. В одной из описанных в «Сладостных печалях» комнат, где вокруг кукольного дома постепенно вырос целый кукольный мир, случился пожар, и там не осталось почти ничего, кроме сажи и пепла. Само Беззвёздное море отступило далеко вниз и в глубину, из Гавани его больше невозможно ни увидеть, ни услышать. А бывшие стражи Гавани теперь считают необходимым для защиты полностью изолировать ее от обычного мира и пытаются уничтожить все волшебные двери, хотя это очевидно ведет к дальнейшему запустению и умиранию этого пространства. Здесь действительно огромное количество книг и новых гостей ждут волшебным образом подготовленные комфортные комнаты, но в остальном безлюдные тихие коридоры и помещения составляют разительный контраст с тем, о чём Закери читал и что ожидал увидеть. «Всё меняется. И места, и люди. <...> Книга – это интерпретация. Ты хочешь, чтобы здесь, в этом месте, всё было так, как в книге, но в книге – не место, там просто слова», – говорит Мирабель (298). Таким образом, традиционный пиетет перед письменным словом оказывается поколеблен, заменен идеей интерпретации, изменчиво-

сти мира и невозможности зафиксировать его с помощью описания.

Главный герой романа Моргенштерн оказывается в совершенно нехарактерном для протагониста традиционного портального фэнтези положении. Во-первых, хотя в произведениях такого рода речь часто идет о группе персонажей, которые могут разделяться и получать отдельные сюжетные линии, их всё же объединяет общая глобальная цель (как, например, отряд Хранителей во «Властелине Колец» Дж. Р. Р. Толкина или детей Певенси в «Льве, колдунье и платяном шкафе» Кл. С. Люйса). В «Беззвёздном море» основной сюжет связан с Закери, но две другие линии разворачиваются независимо, события одной происходят в прошлом, а другая становится заделом на будущее. Беззвёздное море много раз поднималось, и любители историй строили в разные времена бесконечное количество разных Гаваней на его новых берегах. История Закери – только одна из множества разворачивающихся здесь, и, хотя исход его путешествия важен, его приключения – только часть очень большого сюжета, где не менее значимую роль играют другие персонажи. А если рассматривать всё происходящее как завершающую часть легенды о влюбленных Времени и Судьбе, то Закери и вовсе оказывается не центральным, а только одним из второстепенных персонажей. И хотя идея потенциальной бесконечности и связанности между собой разных историй присутствовала уже в классических произведениях портального фэнтези (см. разговор Фродо и Сэма во втором томе «Властелина колец» [Толкиен 1991: 379] или многократно повторяющееся в «Бесконечной книге» М. Энде обещание «Но это уже другая история, и мы расскажем ее как-нибудь в другой раз» [Энде 1992: 30, 107, 198 и т. д.]), центральное положение главного героя произведения не ставилось под сомнение в такой мере никогда. Во-вторых, отсутствие надежных источников информации и невозможность в полной мере доверять ничему, кроме собственного опыта, в высшей степени нетипичны для этой разновидности фэнтези. Однако они отражают мировосприятие современного человека эпохи постмодерна, не доверяющего авторитетам, привыкшего к существованию множества интерпретаций одних и тех же фактов и невозможности установить однозначную истину.

Портальное фэнтези, по Мендлесон, как уже упоминалось выше, имеет также второе обозначение – квестовое (quest fantasy), поскольку главным сюжетообразующим элементом в нем традиционно выступает квест, то есть путешествие с целью выполнить некое задание, путешествие «за чем-то важным для его (протагониста)

выживания или выживания Страны, за которую он ответственен» (“for something important to his survival or the survival of the Land for which he is or will be responsible”), как пишет Дж. Клют в своей «Энциклопедии фэнтези» [Clute 1997]. Б. Аттебери отмечает, что отличие фэнтези от реалистической литературы состоит в том числе в том, что оно следует структуре комедии, то есть начинается с проблемы и заканчивается ее решением [Attebery 1992: 15], и начало фэнтезийного произведения, знакомя читателя с проблемой, уже тем самым обещает определенный конец, а читательский интерес поддерживает неизвестность, каким именно образом он будет достигнут и что будет на самом деле означать для героев [ibid.: 65]. Поэтому ожидаемым элементом сюжета в портальном фэнтези является объяснение герою стоящей перед ним глобальной задачи в самом начале произведения. Часто эту сюжетную функцию выполняет дающий все необходимые разъяснения советчик, но, как уже обсуждалось выше, в «Беззвёздном море» это не так. Более того, на протяжении долгого времени герой вовсе не получает никаких указаний, что ему нужно сделать.

В начале романа Закери шокирован и заинтригован обнаруженной в книге историей из собственной жизни и хочет понять, что это означает, поэтому начинает расследование происхождения этой книги. Это исключительно личная цель, которую он ставит себе сам. В результате он втягивается в противостояние Мирабель и главы стражников, Аллегры, но совершенно не понимает его сути. Наконец, попав в Гавань Беззвёздного моря и увидев ее увядание и медленное разрушение, Закери полагает, что нашел свой квест: «Если мы восстановим двери, люди вернутся» (298). Закери – любитель чтения и аспирант, изучающий строение нарративов в компьютерных играх, часто использующих структуру квеста. Оказавшись в разрушающемся фантастическом пространстве, он быстро приходит к идее попытаться вернуть ему процветание и потому, что так подсказывают ему эмоции, и потому, что это соответствует знакомым ему схемам развития сюжета. Но Мирабель дает ему понять, что такая попытка бессмысленна, и только просит не прощать и не спускаться слишком далеко вниз – естественно, такая просьба срабатывает как неизбежно нарушаемый сказочный запрет, и именно вниз, в глубины Гавани Закери и отправляется, пытаясь узнать об этом месте больше и понять, что же ему делать. Во фрагментах рассыпающейся в его руках древней книги он неожиданно читает формулировку задания: «три сущности потеряны во времени. меч. книга. человек. найди человека» (332). Закери тут же

вспоминает прочитанные им ранее связанные с Гаванью тексты и одного из их персонажей, которого можно назвать потерявшимся во времени, и задается вопросом, как же его найти. Его опыт читателя и, в еще большей степени, игрока подталкивает его к активному взаимодействию с пространством Гавани, попыткам найти там улики, намеки, свидетельства прошлого, раскрыть ее тайны, расшифровать и прочитать ее прошлое и возможное будущее. Блуждая по лабиринту сумрачных коридоров, Закери открывает потайные комнаты, находит неожиданные проходы, читает оставленные там тексты, сопоставляет их и пытается понять взаимосвязи между отдельными элементами, сюжетами и персонажами, найти их место в единой цельной картине. Это действия геймера в связанных с понятием «квест» жанрах видеоигр, если соотносить поступки героя с повседневным опытом реальной жизни многих читателей, и вместе с тем – процесс интерпретации знаков, структурного анализа текста. Закери удаётся найти потерянного во времени человека, Саймона, одного из прежних героев этой истории, который, по его собственным словам, «находился внутри истории, а потом вышел из нее и взамен нашел это место, где я могу слушать, а не быть прочитанным», а потом история «сломалась» (441) и починить ее нельзя, “there is no fixing. There is only moving forward in the brokenness” [Morgenstern 2022: 378]. Саймон не помнит своего прошлого и даже своего имени, его слова напоминают речь сумасшедшего и мало что объясняют Закери, который снова вынужден самостоятельно решать, что делать дальше, и отправляется на поиски ответа на главную загадку Гавани – того самого Беззвёздного моря, причем руководствуется в выборе пути он только интуицией. Закери приходит к лагерю, напоминающему локацию из компьютерной игры – палатка и костер посреди бесконечных пещер, стол с едой и набором предметов, которые могут быть полезны путешественнику. Тропинка от лагеря приводит к шести дверям, помеченным разными уже знакомыми Закери связанными с Гаванью символами, и очередная записка призывает героя выбрать дверь. Однако здесь Закери окончательно отказывается полагаться на чьи-либо подсказки и берет ответственность за поиск пути на себя: он игнорирует предлагаемые ему двери и находит в стороне другую, потайную и едва заметную, как бы читает предлагаемый ему текст между строк. Далее он находит ледяную статую Судьбы, которая просит рассказать ей историю, и Закери рассказывает всё о своей жизни и событиях, которые привели его к ней, затем начинает пытаться сочинять эту историю дальше и наконец останавливается на вопросе “Where does it

end, Max?” [ibid.: 427]. И это оказывается необходимым правильным вопросом (причем заданным напрямую Судьбе), после которого для героя открывается дверь на берег Беззвёздного моря, состоящего, как оказывается, вовсе не из соленой воды, а из меда, явственно отсылая нас к мифологическому меду поэзии. Здесь Закери находит своего потерянного друга Дориана, который не узнает и случайно убивает его. Но смерть оказывается не концом, а способом перейти на самый глубинный и потаенный уровень этого фантастического пространства, именно для этой задачи Закери был нужен бессмертной Мирабели, которая не могла сделать этого сама. Он попадает туда, где обитают местные демиурги, выглядящие как гигантские пчелы, «боги, мифы о которых забыты, и они сочиняют себе новые» (443), и таким образом приносит к ним с собой эту слишком разросшуюся, затянувшуюся и запутавшуюся историю Времени, Судьбы и Гавани. Все ее элементы, включая потерянные и забытые раньше, оказываются найдены, поняты и собраны воедино героем, и в результате теперь она может быть наконец завершена. Пчелы благодарят его за то, что он принес концовку, и теперь историю можно «запереть, сложить и убрать, чтобы ее читали и рассказывали» (545). Беззвёздное море начинает подниматься, пока полностью не затапливает Гавань. Вместо традиционного возрождения истончившегося фантастического пространства происходит его разрушение, но оно оказывается необходимо, чтобы дать место чему-то новому: другая героиня в последних строках романа открывает дверь в уже новую Гавань на Беззвёздном море. А Закери получает вторую жизнь и свой счастливый конец, который тоже становится для него новым началом.

Завершением квеста в романе Моргенштерн оказываются не сражение с антагонистом и не добыча или избавление от могущественного артефакта, как это свойственно традиционному порталному фэнтези, и даже не моральная победа над злом, как это было в ключевом для данной жанровой разновидности тексте, «Властилине колец» Дж. Р. Р. Толкина. Четкое разделение добра и зла до сих пор часто считается отличительной чертой литературы фэнтези в целом, причем это мнение, очевидно, обычно основывается на знакомстве исследователей именно с квестовым фэнтези [Jackson 2009: 30–32; Епанчинцев, Фролова 2016: 22]. Но в «Беззвёздном море» нет злодеев, фактически нет антагонистов. Стражница Аллегра, которая уничтожает двери в Гавань, действует из любви к этому месту и под воздействием заблуждений. Пугающий Совиный король из сказок и легенд в конце концов оказы-

вается не врагом, а олицетворением перемен, “the future crashing into the present like a wave” [Morgenstern 2022: 372]. Здесь нет персонажей, которые являлись бы однозначно злыми, с которыми бы необходимо было сражаться. Закери получает легендарный меч, но теряет его, он не вписывается в череду многочисленных героев-воинов из произведений фэнтези. Как отмечает в своей статье Ю. П. Хорошевская, для фэнтези, в отличие от научной фантастики, характерна предельная индивидуализированность героя и решение им «вечных» вопросов с позиции конкретной личности, а не обобщённого собирательного персонажа [Хорошевская 2017: 36]. Моргенштерн развивает эту особенность квестового фэнтези, лишая своего героя традиционной героичности, подчеркивая его будничность, интерес к удобным вещам и вкусной еде, отсутствие магических способностей или других необыкновенных талантов. «Героическими» действиями в «Беззвёздном море» становится упорное продвижение вперед по сюжету запутанной истории, внимательное чтение, смелость задавать вопросы и находить на них собственные ответы, интерпретировать предложенный набор знаков и текстов. Главный герой романа не случайно оказывается специалистом по нарратологии, именно професионал в области рассказывания историй, так сказать, профессиональный читатель идеально подходит для выполнения этого рода квеста. И таким образом он оказывается максимально сближен с предполагаемым реальным читателем, держащим в руках книгу. Чтобы успешно добраться до завершения книги, читателю, как и Закери, нужно увидеть текстовые переклички, заметить разбросанные по роману намеки, уследить за несколькими сюжетными линиями и понять их взаимосвязи. Конечно, как любое постмодернистское произведение, «Беззвёздное море» может быть прочитано и пассивно, на поверхностном уровне, но Моргенштерн до самого конца не объясняет и не проговаривает многие из внутритекстовых связей открыто, их можно обнаружить только при внимательном чтении, а уж первые фразы романа – “There is a pirate in the basement. (The pirate is a metaphor but also still a person)” [Morgenstern 2022: 3] – подсказывают и настраивают на необходимость обращать внимание на особенности строения текста. Неслучайно именно на эту особенность романа обращают внимание критики; например, обозреватель The Guardian характеризует его как фэнтези, которое не опирается на уже существующие мифы, а само является искусственно созданным мифом и, как таковой, отказывается объяснять собственную символику, оставляя ее расшифровку на долю читателя [Pulley 2019].

Таким образом, мы видим, что Моргенштерн действует в своем романе все основные нарративные элементы портального фэнтези, но видоизменяет каждый из них, трансформирует и наполняет новым содержанием. Переосмысливается роль героя, его отношения с квестом и с окружающей его фантастической реальностью, функции других персонажей, уже не являющихся, как в традиционных сюжетах, безусловно надежными помощниками, центральный конфликт и, в связи с этим, сам тип героя, который отходит от привычной приключенческой роли борца со злом и сближается с расшифровывающим и интерпретирующим текст читателем. Все эти изменения соответствуют мироощущению человека эпохи постмодерна, не доверяющего авторитетам, сомневающегося и ищущего свой индивидуальный путь в окружающем хаотичном мире. Встречая в романе узнаваемые жанровые элементы портального фэнтези, но в измененном виде, читатель испытывает одновременно узнавание и удивление, вовлекаясь тем самым в игру с автором и текстом произведения. Трансформируя портальное фэнтези, Моргенштерн тем самым пересоздает его, обновляя и делая актуальным для современного читателя.

Примечание

¹ В статье ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

Список литературы

Епанчинцев Р. В., Фролова А. А. К вопросу о жанре фэнтези в современной литературе // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2016. № 26. С. 22 – 24.

Моргенштерн Э. Беззвёздное море / пер. с англ. Э. Меленевской. М: ACT: CORPUS, 2021. 592 с.

Толкиен Дж. Р. Р. Две твердыни / пер. В. Муравьев. М.: Радуга, 1991. 414 с.

Хорошевская Ю. П. Герой фэнтези в художественном мире science fiction: Рауль Эндимион в тетралогии Дэна Симмонса «Песни Гипериона» // В поисках границ фантастического: на пути к методологии / под науч. ред. А. В. Синицкой, Е. А. Нестеровой. Вроцлав, 2017. С. 36–45.

Энде М. Бесконечная книга. М.: ЗнАК, 1992. 352 с.

2012 Locus Awards Winners. URL: <https://locusmag.com/2012/06/locus-awards-2012-winners> (дата обращения: 03.04.2024).

Attebery B. Strategies of Fantasy. Indiana University Press, 1992. 152 p.

Buccola R. The school of (The) Night Circus: Performing Shakespeare Arcana in Novel Forms // Hartley A. J. Shakespeare and Millennial Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 64–80.

Jackson R. Fantasy: The Literature of Subversion. London; New York: Routledge, 2009. 126 p

James E., Mendlesohn F. A Short History of Fantasy. Middlesex University Press, 2009. 285 p.

Martini A. Adrienne Martini reviews Erin Morgenstern // Locus. 30.09.2011. URL: <https://locusmag.com/2011/09/adrienne-martini-reviews-erin-morgenstern> (дата обращения: 03.04.2024).

Mendlesohn F. Rhetorics of Fantasy. Wesleyan University Press, 2008. 306 p.

Morgenstern E. The Starless Sea. Vintage, 2022. 494 p.

Peabody R. The Night Circus // Washington Independent: Review of Books, 14.09.2011. URL: <https://www.washingtonindependentreviewofbooks.com/bookreview/the-night-circus/> (дата обращения: 03.04.2024).

Pulley N. The Starless Sea by Erin Morgenstern – a myth from and for the US // The Guardian. 1 Nov 2019. URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/nov/01/starless-sea-erin-morgenstern-review> (дата обращения: 03.04.2024)

Clute J. The Encyclopedia of Science Fiction / Ed. by J. Clute and J. Grant. Orbit, 1997. URL: <https://sf-encyclopedia.com/fe/> (дата обращения: 03.04.2024)

Rhule P. Erin Morgenstern creates a magical “Night Circus” // USA Today. 10.09.2011. URL: <https://www.usatoday.com/story/life/books/2013/06/28/morgenstern-creates-a-magical-night-circus/2470263> (дата обращения 3.4.2024)

Stoddart H. Contemporary Circus Literature: Authenticity and Illusion in Sara Gruen’s Water for Elephants and Erin Morgenstern’s The Night Circus // Fuchs M., Jürgens A.-S., Schuster J. Manegenküste: Zirkus als ästhetisches Modell. Series: Edition Kulturwissenschaft (162). transcript Verlag: Bielefeld, 2020. P. 7–22.

References

Епанчинцев Р. В., Фролова А. А. К вопросу о жанре фэнтези в современной литературе [On the fantasy genre in the contemporary literature]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of North-Eastern Federal University], 2016, issue 26, pp. 22–24. (In Russ.)

Morgenstern E. *Bezzvezdnoe more* [The Starless Sea]. Transl. from English by E. Melenevskaya. Moscow, AST: CORPUS Publ., 2021. 592 p. (In Russ.)

Tolkien J. R. R. *Dve tverdyni* [Two Towers]. Transl. by V. Murav’ev. Moscow, Raduga Publ., 1991. 414 p. (In Rus.)

Хорошевская Ю. П. Герой фэнтези в художественном мире science fiction: Рауль Эндимион в тетралогии Дэна Симмонса ‘Песни Гипериона’ [A fantasy hero in the world of science fiction: Raul Endymion in the tetralogy of Dan Sim-

mons 'The Hyperion Cantos']. *V poiskakh granits fantasticheskogo: na puti k metodologii* [Searching for Limits of the Fantastic: On the Way to a Methodology]. Ed. by A. V. Sinitskaya, E. A. Nesterova. Wrocław, 2017, pp. 36-45. (In Russ.)

Ende M. *Beskonechnaya kniga* [The Neverending Story]. Moscow, ZnaK Publ., 1992. 352 p. (In Russ.)

2012 *Locus Awards Winners*. Available at: <https://locusmag.com/2012/06/locus-awards-2012-winners> (accessed 3 Apr 2024). (In Eng.)

Attebery B. *Strategies of Fantasy*. Indiana University Press, 1992. 152 p. (In Eng.)

Buccola R. The school of (The) Night Circus: Performing Shakespeare arcana in novel forms. In: Hartley A. J. *Shakespeare and Millennial Fiction*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018, pp. 64-80. (In Eng.)

Jackson R. *Fantasy: The Literature of Subversion*. London, New York, Routledge, 2009. 126 p. (In Eng.)

James E., Mendlesohn F. *A Short History of Fantasy*. Middlesex University Press, 2009. 285 p. (In Eng.)

Martini A. Adrienne Martini reviews Erin Morgenstern. *Locus*, 2011, 30 September. Available at: <https://locusmag.com/2011/09/adrienne-martini-reviews-erin-morgenstern> (accessed 3 Apr 2024). (In Eng.)

Mendlesohn F. *Rhetorics of Fantasy*. Wesleyan University Press, 2008. 306 p. (In Eng.)

Morgenstern E. *The Starless Sea*. Vintage, 2022. 494 p. (In Eng.)

Peabody R. The Night Circus. *Washington Independent: Review of Books*, 2011, 14 September. Available at: <https://www.washingtonindependentreviewofbooks.com/bookreview/the-night-circus/> (accessed 3 Apr 2024). (In Eng.)

Pulley N. 'The Starless Sea' by Erin Morgenstern – a myth from and for the US. Review. *The Guardian*, 2019, 1 November. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2019/nov/01/starless-sea-erin-morgenstern-review> (accessed 3 Apr 2024). (In Eng.)

Clute J. Quests. *The Encyclopedia of Fantasy*. Ed. by J. Clute and J. Grant. Available at: <https://sf-encyclopedia.com/fe/> (accessed 3 Apr 2024). (In Eng.)

Rhule P. Erin Morgenstern creates a magical 'Night Circus'. *USA Today*, 2011, 10 September. Available at: <https://www.usatoday.com/story/life/books/2013/06/28/morgenstern-creates-a-magical-night-circus/2470263> (accessed 3 Apr 2024). (In Eng.)

Stoddart H. Contemporary circus literature: Authenticity and illusion in Sara Gruen's Water for Elephants and Erin Morgenstern's The Night Circus. In: Fuchs M., Jürgens A.-S., Schuster J. *Manegenkünste: Zirkus als ästhetisches Modell*. Series: Edition Kulturwissenschaft (162). transcript Verlag, Bielefeld, 2020, pp. 7-22. (In Eng.)

Reinterpreting the Traditional Portal Fantasy in Erin Morgenstern's Novel 'The Starless Sea'

Elizaveta A. Ivanova

Associate Professor in the Department of the Humanities

Saratov State Conservatory

1, prospekt imeni Stolypina, Saratov, 410012, Russia. elivan1988@gmail.com

SPIN-code: 4246-7986

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Submitted 10 Apr 2024

Revised 02 Sep 2024

Accepted 30 Sep 2024

For citation

Ivanova E. A. Pereosmyslenie traditsionnogo portal'nogo fentezi v romane Erin Morgenshtern «Bezzvezdnoe more» [Reinterpreting the Traditional Portal Fantasy in Erin Morgenstern's Novel 'The Starless Sea']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 108–116. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-108-116. EDN ODWWQC (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the novel *The Starless Sea* (2019) by American fantasy author Erin Morgenstern. This novel belongs to the modern branch of fantasy literature that reimagines and transforms the traditions and clichés of the genre. The analysis is based on the typology of fantasy suggested by Farah Mendlesohn in her book *Rhetorics of Fantasy* (2008). According to this typology, *The Starless Sea* refers to

the type of portal, or quest, fantasy, where the protagonist goes through a portal and comes from the mundane world to a fantasy one. The article explores how the key features of portal fantasy are manifested in the Morgenstern's novel. The text is mainly analyzed at the levels of the plot and the system of characters. In *The Starless Sea* one can find most of the typical portal fantasy elements, but all of them are presented in a subverted version: not only the order of their appearance but also the meaning of these elements is changed dramatically. The central position of the protagonist is placed in question, and so is the possibility to gain complete and accurate information about the world even from the sources that have always been considered trustworthy in the traditional portal fantasy, such as guide figures and books. Instead of the eternal conflict between good and evil, the main focus of the novel is on the problems of storytelling, constructing and understanding the narratives, building your own interpretation of the world. The protagonists' quest is also a subject of investigation and comprehension, it is not only about receiving and fulfilling a task. The main part of this quest appears to consist not in a confrontation with the antagonist, but in a steadfast following the plot line and in finishing the story. These transformations of traditional elements of the portal fantasy make the protagonist's experience closer to that of the reader and reflect the postmodern worldview.

Key words: fantasy; portal fantasy; quest; genre; Erin Morgenstern; genre conventions; *The Starless Sea*.

УДК 82-254

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-117-128

<https://elibrary.ru/wlzbvb>

EDN WLZBVB

Карусель и планетарий: диалектика драматизма и эпичности в интеллектуальном театре

Лебедева Анастасия Игоревна**аспирант кафедры теории литературы**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. liebedeva@yandex.ru

SPIN-код: 2382-7991

ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-6489-7646>

ResearcherID: KMX-7640-2024

*Статья поступила в редакцию 01.08.2024**Одобрена после рецензирования 07.09.2024**Принята к публикации 02.12.2024***Информация для цитирования**

Лебедева А. И. Карусель и планетарий: диалектика драматизма и эпичности в интеллектуальном театре // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 117–128.
doi 10.17072/2073-6681-2025-1-117-128. EDN WLZBVB

Аннотация. Драматизм и эпичность – две проблемы, решение которых в современном литературоведении позволяет определить специфику развития драмы в мировом литературном процессе. Цель исследования – анализ функционирования драматизма и эпичности на материале теории эпического театра Б. Брехта, предвосхитившего концепцию пейзажной пьесы Г. Стайн. Привлечение к типологическому анализу пьес Скриба, Островского, Брехта на фоне односторонних контактных связей позволяет выявить сходства и различия техники драматургов при построении сюжета. Интересен вопрос о функции ретардации, нарушающей единство действия в пьесе, а также о влиянии ее места в композиции на зрительскую перцепцию. В работе были использованы приемы литературоведческого наблюдения и интерпретации роли ретардации в композиции пьес. Ключевым исследовательским методом стал типологический анализ пьес Скриба, Островского, Брехта в их связи с оппозицией драматизм/эпичность. Результатом исследования стало определение границ двух типов театра (карусель, планетарий), тяготеющих к полярным тенденциям эмоционального вовлечения реципиента. В оппозиции драматизм/эпичность выявлен диалогизм, обусловленный игровой природой театра. Определены способы введения ретардации в пьесу, среди которых ретроспектива, песенно-лирический комментарий к действию, сближающий поэтику Островского и Брехта. Автор статьи приходит к выводу, что увеличение частотности использования приема ретардации в драме связано с развитием реализма и обусловлено противоречием, относящимся к временному плану пьесы и его отсроченному восприятию зрителем.

Ключевые слова: Б. Брехт; А. Островский; Э. Скриб; театр-карусель; театр-планетарий; драматизм и эпичность; сюжет; реализм.

Теория родов литературы неоднократно рассматривалась исследователями в период XIX–XX вв. (Б. Кроче, Э. Штайгер, В. Рутковский и др.). Однако очевиден факт изначального отсутствия строгих границ между литературными ро-

дами, складывавшихся вне преемственности форм из религиозно-обрядовых ритуалов. П. А. Гринцер заметил, что ранние индийские драмы «являются, по сути дела, как бы сокращенными сценариями эпоса» [Гринцер 1971: 43].

На родственную связь между драмой и эпосом как родами литературы обращали внимание многие ученые. Г. Гегель (вслед за Жан-Полем) в лекциях по эстетике утверждал, что драматический род представляет собой синтез эпического и лирического способов воспроизведения жизни, общность объективного и субъективного начал творчества [Гегель 1971: 419]. Б. Брехт, хорошо знакомый с философией Гегеля, характеризовал свою драматургию как эпическую. В определении понятий *драматизм* и *эстетичность* существует терминологическая проблема. Данные термины употребляют для обозначения родовых особенностей произведений, типов художественного содержания, а также в качестве идейно-эмоциональных категорий. В современной науке последнюю точку зрения поддерживает В.Е. Хализев. Вслед за литературоведом мы используем термины *драматизм* и *эстетичность* в качестве оценки эмоционального наполнения пьес. Анализ функционирования драматизма и эстетичности на материале теории эпического театра Б. Брехта и выступает целью данной статьи. Для достижения цели исследования автор решает следующие задачи: выявление способов реализации драматизма и эстетичности в пьесе; анализ роли ретардации как основного композиционного приема эпики в пьесах Э. Скриба, А. Островского, Б. Брехта; оценка взаимосвязи зрительской рецепции с изменением драматической формы. Новизна подхода состоит в обсуждении важных аспектов истории и теории современной драмы. Практическая значимость связана с возможностью применения полученных результатов при анализе сюжета драматического текста. Обратимся к материалу исследования.

Появление в театре XX в. концепции режиссера как demiourga действия способствовало активному критическому осмыслиению перспектив сцены. Подверглись переоценке ключевые категории в их взаимодействии: драматург, актер, зритель. Эпическая теория Б. Брехта противостоит традиционному драматическому театру. В пьесе «Покупка меди» («*Dialoge aus dem Messingkauf*», 1937–1951) Б. Брехт противопоставил теоретические концепции театра-карусели (*karussell-theater*) и театра-планетария (*planetarium-theater*) с целью разграничить драматический и эпический театры. Каждое понятие (карусель, планетарий) схематично воспроизводит наивную модель изображенного мира по типу их воздействия на публику. Так, старинный аристотелевский театр представляет собой об разную карусель (тип «К»), на которую попадает зритель спектакля. Движение аттракциона его эмоционально захватывает, создавая иллюзию

правдоподобия при отождествлении себя с персонажами пьесы. Драматизм как следствие переживания зрителем ситуаций, которые, по В. Е. Хализеву, «воплощаются в поведении внешне ярким и богатом выразительностью» [Хализев 1978: 58], усиливает напряжение. Все средства выразительности театра как синтетического вида искусства при типе «К» направлены на достижение одной цели – дать зрителю иллюзию власти над каруселью, то есть над миром в его тревожной неустойчивости. Наконец, привести к катарсису. Однако в объективной реальности очевидна ситуация зависимости индивида от заданного движения карусели. Зритель пассивен в своем переживании – он волен лишь следовать за перевоплощениями актера, заражаясь его настроением. Известно, что персонажи пьес в драматургии внешневолового действия полностью находятся во власти судьбы, рока. Фатальное видение жизни проявляется и в структуре архетипической пьесы, навязывая зрителю ощущение предопределенности событий в соответствии с высшим (авторским) замыслом, а не логикой характеров. Так, персонажи классической драмы должны были проявить личные качества (ум, инициативу), чтобы достигнуть успеха. В античности способность к интригосложению является свойством сознания автора, за счет чего интрига управляет сюжетом. По мнению Дж. Гасснера, театральность как игровой элемент является неотъемлемым свойством драматургии, поэтому уже «древнегреческая драма не была реалистически подражательной» [Gassner 1956: 141]. Под театральностью традиционно принято понимать то подчеркнуто искусственное, условное, что есть в драме. Характерно, что термин «театральность» применяется по отношению как к театру, так и к другим видам искусства, что расширяет его значение. В частности, по Р. Барту, «феномен театральности» состоит в «информационной полифонии... то есть особой толщи знаков (une épaisseur de signes)» [Барт 1989: 276]. Подчеркнутая искусственность презентации является ключевым компонентом эпической теории Брехта. Когда условная драматическая карусель завершает полный оборот, от завязки к успокаивающей развязке, иллюзия полностью рассеивается. В концепции театра-карусели акцентируется исключительно развлекательная функция старого театра. Важно отметить, что зритель здесь может находиться только внутри предлагаемых обстоятельств, что мешает ему самостоятельно критически их оценивать. Брехт полностью не отвергает традиционных для театра функций «развлечения и поучения», но предлагает «наполнить их новым содержанием» [Брехт 1965: 92]. Реформа предполагала как со-

циально востребованное наполнение пьесы, так и подходящую для трансляции актуальных идей форму.

На наш взгляд, яркой иллюстрацией театра-карусели служит творчество Э. Скриба, достигшего максимальной выразительности формы в традиционном сюжетосложении. В основе «хорошо сделанной драмы» (*pièce bien faite*) лежит драматизм положений. Во французском театре периода Реставрации Скриб, в противовес романтикам, утверждал возможность благополучной и счастливой жизни. Сквозные сюжеты своих пьес Скриб создавал на фоне значимых исторических событий, которые он низводил до уровня салонных сплетен, за что некоторые современники его критиковали. Однако техника драматурга была образцовой: «Действие представляет собой череду подъемов и спадов, цепь недоразумений, эффектов или неожиданных развязок. Цель всего этого очевидна: постоянно удерживать внимание зрителя, используя для этого натуралистические приемы» [Пави 1991: 423]. В пьесах Скриба заметно преемственное влияние ренессансной комедии дель арте, где линия серьезных персонажей была очерчена бледнее и потому менее притягательна для публики, чем комичные импровизации пронырливых дзанни. Впрочем, речь не столько о конкретных влияниях, сколько о типологических схождениях благодаря общности черт, объединяющих персонажей.

Ретардаций (от лат. *retardatio* – «запаздывание»), нарушающих единство действия, у Скриба мало. Драматург вводит сюжетную ретардацию перед кульминацией пьесы через неожиданность в сюжете. Авторская преднамеренность, проявляющая себя в сюжетосложении, находит прямое выражение в ироничном замечании персонажа пьесы «Стакан воды, или Причины и следствия» (*“Le Verre d'eau, ou les Effets et les causes”*, 1840) лорда Болингброка о значении случайности в крупных делах:

Абигайль. А вы можете создать эту песчинку?

Болингброк. Нет, но если я найду ее, то подброшу под колесо... Талант вовсе не в том, чтобы соперничать с провидением и выдумывать события, а в том, чтобы уметь ими пользоваться. Чем ничтожнее они, тем, на мой взгляд, они важнее. Великие следствия малых причин!.. Вот моя система!.. Я верю в нее и скоро дам вам доказательства ее правильности [Скриб 1960: 394].

Идея власти случая связана с видением жизни в ее богатстве и фатальной непредсказуемости. Традиционное сюжетосложение воплощает прецедентную картину мира, свойственную мифологическому сознанию, при котором человек от-

казывается «наделить значимостью <...> нерегулярные события (то есть события, не имеющие архетипической модели)» [Элиаде 1998: 132]. Сила обстоятельств, проявляющая себя в пьесах аристотелевского типа, потенциально предстает как созидающей, так и разрушительной. Позже Б. Шоу в эссе «Квинтэссенция ибсенизма» (1891) объявит о втором типе драматического действия, основанном на внутренней, психологической динамике героев [см.: Шоу 1963: 65]. Уплотненное действие в драматургии Скриба является максимально активным благодаря ухищрениям интриганов (таковы и, например, комедии «Дон Жуан, или Каменный гость» Ж.-Б. Мольера, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Ревизор» Н. В. Гоголя). В пьесах Скриба заметно преобладание диалогов-поединков, требующих плутовской инициативности, предприимчивости и неутомимости. Так, в сатирической комедии «Бертран и Ратон, или Искусство заговора» (*“Bertrand et Raton, ou L'art de conspirer”*, 1833) придворный интриган Бертран в беседе с Королевой о будущем раскрывает свой искусный замысел относительно Ратона:

Королева (оживленно). Неужели вы думаете, что ему удастся поднять народ?

Ратон. Ему одному?... Нет, ваше величество.

Королева. Но вчера ему это удалось.

Ратон. Тем больше оснований, что сегодня ему это не удастся; власти предупреждены, они настороже и приняли все меры. Кроме того, ваш Ратон Буркенстафф не способен действовать по собственной инициативе! Это орудие, машина, рычаг, который, будучи приведен в действие умелой или мощной рукой, может оказать большие услуги, но только при условии, что он не будет знать, для кого и как он старается!.. Если он захочет понять это, он уже ни на что не будет годен [Скриб 1960: 207].

Консерватизм Скриба проявляется в нежелании выйти за тесные рамки концентрического сюжета, из-за чего характеры оказывались шаблонными, а благополучная развязка предсказуемой. Обращение только к чувственному опыту зрителя снижало высокую общественную роль театра и уже подвергалось критике в классической эстетике в полемике между Г. Гегелем и М. Мендельсоном: «Самым дурным, менее всего подходящим для духа отношением между ним и художественным произведением является чисто чувственное восприятие этого произведения <...> Человек не находится в таком отношении вожделения к художественному произведению» [Гегель 1968: 42–43]. Всё же в мировой театральной ситуации середины XIX в. «встречные течения», как обозначил А. Н. Веселовский пе-

переработку чужого опыта воспринимающей культурой [Веселовский 1889: 115], начались с творчества Эжена Скриба. Ранний Г. Ибсен пробовал в драматургии некоторые приемы, характерные для поэтики Скриба. Однако, по словам Г. Иегера, автора одной из первых монографий об Ибсене, «в литературном отношении он чувствовал себя весьма мало расположенным к произведениям этого писателя» [Иегер 1892: 82]. В комедии «Союз молодежи» («De unges forbund», 1869) Ибсен впервые обращается к современной социальной проблематике, ведя водевильную интригу амбициозного адвоката Стенсгора для запутывания сюжетных узлов. Пышная развязка, состоящая сразу из трех свадеб, сохраняет конфликт комедии в рамках концентрического сюжета, что не могло удовлетворить эстетическим поискам Ибсена. Скрибизм к 70-м гг. XIX в. уже изжил себя и стал для норвежского драматурга ученическим этапом в поиске необходимой формы. Ибсен одним из первых среди литераторов обратил внимание, что легкий водевильный характер таких драм не подходит для трактовки серьезных общественных проблем – форма обесценивает содержание, важность поднимаемой темы обращается в шутку, достояние театральной условности. П. Сонди связывает кризис европейской драмы конца XIX в. с тематической сменой относительно прежних эпох: таким образом благодаря «динамическому взаимопроникновению субъекта и объекта» новой драмы «противостоит их статическое столкновение в содержании» [цит. по: Филиппов-Чехов 2020: 136].

Известно, что главная функция любого искусства – эстетическая. Театр вовсе не обязан обладать выраженной общественно-политической повесткой ради собственного развития. Однако религиозные истоки драмы влияют на ее тематический диапазон, исторически сохраняя социально-нравственную функцию наряду с развлекательной. Ибсен, а за ним и его младшие современники (А. Чехов, Г. Гауптман, М. Метерлинк и др.) переносят внешнюю интригу в область внутреннего действия. «В то время как внешнее действие на сцене забавляет, развлекает или волнует нервы, внутреннее заражает, захватывает нашу душу и владеет ею» [Станиславский 1988: 290], – высказал свое мнение о драматургии Чехова К. С. Станиславский. Борьба идей в новой драме вовлекает идеального зрителя в активную духовную работу, размышление и с творчество. Однако и здесь достижение зрителем катарсиса возможно только через мимезис, с чем полемизировал Брехт как режиссер. Для идеи эстетического театра-планетария (тип «П») Брехта важна потенциальная возможность зрителя контролировать происходящее с ним во время спектакля,

всматриваться и критически оценивать. В. Е. Хализев под эстетическим в драме понимал «растяжение действия в пространстве и времени, при котором драматург, уподобляясь повествователю, как бы говорит читателям и зрителям: а теперь перенесемся туда-то <...> Театр “эстетический”, опирающийся на раздробленные сценические эпизоды, осваивает изображаемое действие как нечто прошедшее» [Хализев 1978: 82]. Зрителю дается шанс дистанцироваться от удвоенной художественными средствами реальности, увидеть мир на осознанном расстоянии во всей его тревожной нестабильности. Позиция снаружи, а не внутри аттракциона порождает эффект очуждения (verfremdungseffekt). Возможность осуществлять «многократный переход от образа к понятию и от понятия к образу» [Днепров 1960: 165] позволяет зрителю оценивать происходящее с внешней точки зрения наблюдателя. В частности, актер в эстетическом театре не стремится полностью слиться с ролью, как того требует система К. С. Станиславского, а создает определенные границы и словно смотрит на происходящее со стороны вместе со зрительным залом. Дистанция достигается благодаря выходам из роли (обращение напрямую к публике, повторы, зонги), предусмотренным в тексте пьесы и имеющим для действия ретардирующее значение.

Сам прием очуждения вместе с идеей вывести человека «из автоматизма восприятия» перекликается с гегелевской теорией отчуждения и понятием «остранение», впервые предложенным В. Б. Шкловским в 1917 г. в статье «Искусство как прием» [Шкловский 1917]. Брехт познакомился с концепциями русских формалистов в 1935 г. во время очередного визита в Москву, что отразилось в смене терминологии в его статье «Эффекты остранения в китайском театральном искусстве» (1936) [Гюнтер 2009: 60]. Во избежание путаницы И. М. Фрадкин предложил переводить брехтовский термин как очуждение. Общность подходов формальной школы и эстетической теории Брехта наблюдается во взглядах на сюжето-сложение. В статье «Связь приемов сюжето-сложения с общими приемами стиля» (1919) Шкловский указывает приемы, усиливающие ощущение фабулы: повтор, ступенчатость, тор-можение и др. Схожие взгляды на значимость ослабления движения сюжета высказывал Брехт, утверждая необходимость строить фабулу «с перерывами», способствующими очуждению, а именно «необходимо отдельные события драмы связывать между собой так, чтобы узлы были очевидны; события не должны следовать одно за другим неприметно; нужно, чтобы в промежутках между ними могло родиться суждение» [Брехт 1965: 204]. Брехт видел свою цель в том,

чтобы способствовать взаимодействию эстетического опыта искусства и повседневности и выступал за литературизацию театра. В его текстоцентрических постановках основой спектакля является пьеса. Поэтому основная задача драматурга – в первую очередь организовать драматический материал таким образом, чтобы режиссер и актер могли правильно выстроить коммуникацию со зрителем. В рамках процесса переосмысливания модели взаимодействия со зрителем, начавшегося на рубеже XIX–XX вв., примечательна теория перформативности Э. Фишер-Лихте [см.: Фишер-Лихте 2015]. Что касается идей Брехта, то их исходной точкой была прямая дидактическая установка по отношению к зрителю, рассчитанная на активное вмешательство театра в жизнь. Говоря языком психологии, по сути, Брехт предлагает применять деятельностный подход по отношению к зрителю, выводя его из подчиненной позиции объекта в позицию субъекта на равных с другими участниками театрального процесса (драматургом, режиссером, актером). Равноправная позиция делает единственным объектом влияния и герменевтического познания непосредственно действие спектакля. М. Векверт по поводу пьес самого Брехта заметил, что без практического применения теории “verweigern diese Stücke einfach den Dienst. Sie werden langweiliger als alle anderen Stücke, denn bei denen kann man sich wenigstens auf die äußere Spannung verlassen” [Wekwerth 2009: 27]: «эти произведения просто отказываются служить. Они получаются скучнее всех других пьес, потому что в тех, по крайней мере, можно положиться на внешнее напряжение» (перевод наш. – А. Л.). Это тонкое наблюдение подмечает основную особенность предметной композиции драматургии Брехта: фокус внимания читателя его пьес автор намеренно смещает с событийного плана в сторону рефлексии над героями.

При всей оригинальности теории Брехта, эпические черты уже существовали в средневековых мистериях, классических театрах Азии, елизаветинском и классицистическом театрах Европы (например, у У. Шекспира и К. Гольдони, переводчиком которых был А. Островский). В классицистической драме, замкнутой в единствах места и времени, главный интерес для зрителя представляет развязка. Ее приближение возможно благодаря действенному слову. Диалог-поединок, обладающий в драме основной силой развития сюжета, является также способом представления действующих лиц. Благодаря активному освоению драматургией эпических элементов «меняется роль диалога как основного средства создания речевого портрета персонажа» [Картавцева 2018: 197], что неизбежно привело к

ослаблению пространственно-временной динамики драмы. По наблюдению О. А. Журавлевой, традиционно «сюжет драмы динамичен, а композиция и хронотоп прерывисты, в то время как сюжет романа в известном смысле последователен, а хронотоп непрерывен и как бы растянут, поскольку действия персонажей так или иначе призваны отодвигать развязку» [Журавлева 2021: 33]. Сближение драмы с романом возможно благодаря последовательному включению в текст пьесы ретардаций: второстепенные персонажи, ретроспектива в прошлое героев, песенно-лирический комментарий к действию и др. Такой ход позволяет драматургу равномерно распределить внимание читателя между всеми этапами действия и одновременно служит средством характеристики персонажей. Во второй половине XIX в. в России композиционный прием ретардации практиковал А. Н. Островский, в связи с чем современники (Ф. М. Достоевский, П. Д. Бобошкин и др.) нередко называли его драматургию эпической. Это связано с сознательным отказом драматурга от такого явного приема театральности, как лихо закрученная интрига, вследствие тяготения к масштабам романной всеохватности.

Вхождение репертуара А. Островского на подмостки театров Германии середины XIX в., начавшееся при жизни драматурга, было трудным не только по социально-экономическим причинам. Отчасти это связано с вольным переводом его пьес на немецкий язык, представлявшим свободное обращение с материалом из-за его «нечленичности». Пьесы Островского оказались публике, воспитанной на энергичных французских мелодрамах Скриба, Ожье, Сарду, Дюма-сына, затянутыми. Поэтому переводчики позволяли себе значительно сокращать диалоги и вырезать целые сцены, принципиальные для восприятия оригинала. Профессор А. Брюкнер, высоко оценивая комический талант А. Островского, заметил, что он “niemals reifst er den Dialog an der entscheidenden Stelle ab, wo bei dem europäischen Dramatiker der Vorhang förmlich von selbst fällt; immer wird er ihn noch um Unbedeutendheiten fortsetzen, wird die Erregung abschwächen, abfallen lassen” [Brückner 1905: 460]: «никогда не прерывает диалог в решающей точке, когда у европейского драматурга занавес буквально падает сам собой; он всегда продолжит его по пустяковому поводу, ослабит волнение, даст ему угаснуть» (перевод наш. – А. Л.). По результатам неоднократных визитов в Москву Б. Брехт был хорошо знаком с классическим наследием А. Островского. В частности, он видел постановки «Лес», «На всякого мудреца довольно простоты», «Доходное место» В. Мейерхольда, «Горячее сердце» К. Станиславского.

Позднее традиция А. Н. Островского неожиданно отзывалась в немецкой театральной практике. В 1955 г. идеолог эпического театра инициировал постановку «Воспитанницы» (1859) в Берлинер Ансамбль под режиссурой А. Гурвиц. По воспоминаниям Б. Райха, выбор Брехтом ранней пьесы среди обширного наследия Островского его не удивил, потому что «в пьесе много эпически-поучительного, зато сравнительно мало аристотелевской драматургии, с ее конденсацией и нарастанием людских столкновений и противоречий» [Райх 1972: 332]. Сам Брехт в заметке о процессе постановки «Воспитанницы» указывает судьбоносную для Нади сцену чаепития с помещицей как ключ к обнаружению скрытой в пьесе социальной повестки [Брехт 1960: 219]. «Относительная торопливость» в показе актерами этой второстепенной сцены, на наш взгляд, уже задана драматургом введением в текст пьесы *досужего разговора*:

Василиса Перегриновна. Эка жизнь! Эка жизнь! Не от чаю я, милая, высохла, от обиды людской я высохла.

Гавриловна. Обидишь вас! Вы сами всех обижаете, точно вас что поджигает.

Василиса Перегриновна. Не смеешь ты так со мной разговаривать! Ты помни, кто я. Я сама была помещица; у меня такие-то, как ты, пикнуть не смели, по ниточке ходили. Не давала я вашей сестре зазнаваться.

Гавриловна. Были, да сплыли. То-то вот бодливой корове бог рог не дает [Островский 1974: 178].

Для создания типов досужие разговоры имеют определяющее значение, ведь «неторопливые и приносящие удовольствие участникам, такие беседы вводят в круг повседневных интересов персонажей» [Чернец 2019: 81]. При этом диалог увлекает с той же силой, что и распутывание внешней интриги в старинной драматургии. Постепенное освобождение от догматизма нормативных поэтик позволило драматургам устремить взгляд от исключительной личности к обычному человеку, поэтому театральное действие отошло от изображения игры страстей. Это было продиктовано усилением интертекстуальных связей между литературой, театром, живописью и музыкой, в результате чего произошла модификация традиционных жанров. Герои-авантюристы в драматургии второй половины XIX в. отошли на второй план, уступив место характерам, которых беспокоят вопросы нравственности, чувство духовной ответственности за моральный облик. Высшая степень характерности – тип. Известно, что Островский создал целую галерею типов (самодура, делового человека, красавца-мужчины и др.).

В литературоведении давно закрепилось противопоставление пьес А. Островского с четкой фабулой репертуару А. Чехова как представителей разных эпох развития русского театра. Однако эпически размежеванное творчество Островского содержит внутренний драматизм, предваряя развитие новодраматического реализма. Как справедливо заметила Л. Г. Тютелова: «Русская драма с момента своего рождения оказывается способна выразить идею относительной автономности судьбы человека и мира» [Тютелова 2023: 36]. Счастливые концовки пьес Островского обычно обусловлены ограничениями, накладываемыми жанром комедии, которую традиционно должен венчать благополучный, эмоционально приподнятый финал. Зачастую концовки у Островского психологически недостоверны и не могут претендовать на полное освобождение от сюжетных узлов (в развязке пьесы «Красавец-мужчина» отходчивая Зоя выражает надежду на второй шанс снова полюбить и быть любимой циником-мужем; будущий учитель Петя Мелузов из пьесы «Таланты и поклонники», потерявший расположение Негиной, в финале не теряет веру в прогрессивную силу образования в решении женского вопроса). Традиционная развязка снимает локальный конфликт, чего нельзя сказать о пришедших им на смену конфликтах постоянных. Л. В. Чернец по поводу неестественных развязок Островского отмечает: «Будущее героев он нередко предлагает домыслить зрителю – на основании представленных в пьесе характеров» [Чернец 2020: 12]. Внутреннее действие в пьесах Островского подталкивает развитие действия внешнего. Переосмысление конфликта и окончательный поворот пьесы к драматизму, скрытому в повседневности героев, совершился в новой драме. Так, А. П. Чехов в пьесах отказывается от единства действия в привычном понимании, а также от единства времени, заменяя его монтажным эффектом. Новая драма, сформировавшаяся на рубеже XIX–XX вв., доказала, что классицистические единства места, времени и действия, а также конфликт, благополучно разрешающийся в развязке, не являются обязательными.

Для экспозиции пьес Островского характерен ретроспективный взгляд (например, разговор Кнупова с Вожеватовым об обстановке в доме Огудаловых в драме «Бесприданница»). Исследование развития человеческих взаимоотношений во времени соответствует поэтике психологического романа (получившего распространение в творчестве Ф. М. Достоевского), останавливающегося на важных подробностях жизни персонажа. Устойчивый сюжетный конфликт в драме нуждается в развернутой (порой до 3 ак-

тов) ретроспективе, раскрывающей его сущность. «Основные мотивы действия заключены в прошлом, возможное разрешение конфликта – в будущем» [Хайченко 2020: 380], – рассуждает Е. Хайченко о мифе об Атридах как основе трагедии Эсхила «Агамемнон», что правомерно и для эпических пьес Островского. Введение прошлого персонажей позволяет судить не об интриге, но о характерах действующих лиц и о социальной среде, их сформировавшей.

Драматургии самого Брехта свойственна открытая композиция: сюжет пьесы разворачивается за счет смены последовательных сцен, условно самостоятельных по отношению друг к другу. Некоторые исследователи связывают особенности композиции пьес Брехта с влиянием экспрессионизма. И. М. Фрадкин опровергает эту теорию, считая, что Брехт «шел своей особой дорогой, продолжая и развивая шекспировскую традицию в самом широком ее значении» [Фрадкин 1965: 311]. Невозможно не согласиться с подобной оценкой творчества Брехта, никогда не откликавшегося от основы пьесы – драматического действия. Только это действие вместе со зреющимостью обрело у него осозаемые аналитические черты. Ретроспективный взгляд, способствующий очуждению, сближает поэтику Брехта с поэтикой Островского: пьеса-парабола «Добрый человек из Сычуани» (“Der gute Mensch von Sezuan”, 1941) открывается обращенным монологом водоноса Вана о своем тяжелом ремесле, а диалоги в его ранней комедии «Барабаны в ночи» (“Trommeln in der Nacht”, 1920) на протяжении всего действия обращены к общему романтическому прошлому Анны и Краглера, скорректированному войной. Все средства эпического театра устремлены к тому, чтобы зритель воспринимал происходящее на сцене не как реальную жизнь за четвертой стеной, а как рассказ о жизни. Для создания дистанции между сценой и зрителем немецкий драматург активно осваивает паратекст, который актеры должны были произносить в зал. Пример типичной оценочной ремарки, предваряющей сцену, находим в рамке хроники «Мамаша Кураж и ее дети» (“Mutter Courage und ihre Kinder”, 1939):

В том же году в битве под Лютценом пал шведский король Густав Адольф. Мир грозит мамаше Кураж разорением. Отважный Эйлиф совершает один лишний подвиг и находит бесславный конец. (III, 59) (выделено нами. – А. Л.).

Брехт сообщает своим пьесам притчевый характер благодаря музыкальным вставкам – зонгам, необходимым для выражения субъективных чувств героев по отношению к прошлому или будущему. Зонги, в свою очередь, также способствуют эффекту очуждения: «Разрушение орга-

нической непрерывности действия усиливается тем, что и без того разрозненные, не спаянные между собой эпизоды прерываются эстрадным пением (зонгом), совершенно не обязательным для развития сюжета... <...> Зонг разваливает сюжет и убивает сценическую иллюзию» [Зингерман 1979: 224]. Так, например, песня Кураж, звучащая в начале, седьмой картине и финале пьесы, является лейтмотивом всего произведения. Для маркитанки войны, несмотря на все личные горести, – источник коммерческого обогащения. Музыкальность, хотя и в меньшей степени, свойственна многим пьесам Островского («Бедность не порок», «Доходное место», «Бесприданница» и др.), с той разницей, что адресатом поэтического текста обычно является персонаж, а не зритель спектакля. Чередование свободных, но психологически важных эпизодов с привычным парированием репликами между героями сообщает пьесе ритм действия и отдыха. Лирические отступления у Островского служат реалистическим средством раскрытия характеров, а также дают возможность передать зрителям важную информацию, которую нельзя выразить прямо в диалоге. Первое и последнее действия «Грозы» (1859) открываются песнями Кулигина, любующегося панорамой Волги. Ключевой мотив одиночества Катерины, мечты которой так и остались мечтами, созвучен образу тоскующего лирического героя. Таким образом, Островский и Брехт нарушают единство действия сознательно, с установкой на определенную реакцию публики, что в терминологии Брехта и является очуждением.

Амбивалентная сущность драматургии – в принадлежности пьес (в том числе *lesedrama*) к художественной литературе и потенциальной возможности их реализации на сцене. При этом с середины XX в. театральные поиски ведут к обрядовым, праздничным первоистокам с установкой на отказ от текстоцентричности. П. Брук в работе «Пустое пространство» (англ. “The empty space”, 1996), выделяя елизаветинский театр, подметил, что всякий, кто пытается оживить театр, обычно возвращается к народному источнику [Brook 1996: 78]. В разные эпохи этот возврат осуществляется на определенных уровнях формы и содержания. Так, театр Островского органично внедрил на русскую сцену народную речь, узнаваемую и современными зрителями. Национальный колорит проявляется у драматурга не только в теле пьесы, но и в ее раме – нередко заглавия представляют собой пословицы («Свои собаки грызутся – чужая не приставай», «Не в свои сани не садись» и др.), выражющие специфику русской картины мира. Красочный язык позволил Островскому наделить своих персона-

жей особыми национальными и сословными чертами, за счет которых современники могли легко считывать знакомые типы. Верное изображение купеческого быта именно через язык (при всей важности диалога для развития сюжета драмы, в отличие от других родов) позволяло не только сохранить в пьесах психологическую достоверность изображения характеров, но и развернуть широкую панораму прошлого в настоящем. В жанровом отношении Островский подчеркивал значимость охвата статичного пространства, называя свои комедии картинами, сценами и др. Очевидны параллели глубинной связи театрального пространства с пейзажем, рисующим образ мироздания.

Сатирические пьесы Островского («Бешеные деньги», 1869; «Лес», 1870; «Волки и овцы», 1875 и др.) выделяются остротой конфликта и стремительно развивающейся интригой. Ретардаций, задерживающих развитие сюжета, становится меньше. Творчество русского драматурга испытывало прямое влияние французской «хорошо сделанной пьесы», с принципами построения которой Островский был знаком. Это подтверждает письмо Островского от 1874 г. И. С. Тургеневу относительно постановки в Европе «Грозы». Модель легкой остроумной пьесы отразилась в комедии «На всякого мудреца довольно простоты». И все же В. И. Немирович-Данченко, читая актерам лекции об Островском при постановке «Мудреца», заметил: «В пьесе много эпического покоя Островского» [Станиславский 1988: 564]. По наблюдению А. И. Журавлевой, «чем дальше, тем меньше антагонизма будет в пьесах Островского между “эпическим” и “театральным”, тем органичнее будет сочетание этих двух стихий» [Журавлева 1981: 154]. Насыщенные действием поздние комедии «Красавец-мужчина», «Таланты и поклонники» сохранили широту эпического взгляда за счет включения в сюжет комментирующих и анализирующих сцен, сплетения нескольких сюжетных линий на фоне основного конфликта, присутствия второстепенных персонажей. Центр творческого внимания Островского всегда локализован на содержании – не эффектная интрига (в суть которой читатель нередко посвящен уже в завязке), а характеры протагонистов и их оппонентов, их поведение в быту составляют драматическое напряжение пьес. Сознательная сосредоточенность на бытописании, психологической выверенности лиц вернула Островского к собственным приемам построения драматической формы.

Брехтовская концепция статичного театрапланетария перекликается с вырастающей из нее теорией пейзажной пьесы (*landscape play*) Г. Стайн, подробно описанной Х.-Т. Леманом в книге «Постдраматический театр» (1999, пер. с

нем. – 2013). Г. Стайн в лекции «Пьесы» (1935) оставила краткие пояснения своей теории (с частными примерами из живописи, откуда и берет свое начало наряду с идеями С. Витковича), направленной против временной динамики в драматургии. Как и идеи Брехта, пейзажная теория направлена прежде всего на изменение восприятия адресата, переставшего быть пассивным объектом в театре. Стайн в этом отношении идет дальше Брехта – она хочет не просто дистанцировать зрителя от сюжета, предложив ему рационализаторскую функцию, а дать свободу спокойно созерцать пространство пьесы с целью избавить его от «непрерывного усилия» [Леман 2013: 101]. Самостоятельную роль в драматическом действии пейзаж начинает играть уже у Г. Ибсена и А. Чехова, позволяя осмысливать через призму живописи специфику современного театра. Экспериментальные поиски теоретиков путем перекодировки драматургии на языки других родов и искусств во многом связаны с противоречием, относящимся к временному плану пьесы и его отсроченному восприятию зрителем. Пейзажная драма строится на принципах «продолженного настоящего» (*prolonged present*), которое реализуется в «начинании снова и снова» (*beginning again and again*), постоянном повторении (*constant recurring*), включении всего (*including everything*) [Stein 1970: 98]. Для понимания сущности пейзажного театра важна мысль С. Витковича о бессознательном в русле его теории «чистой формы» о постановке-сне, которая «вызывала бы метафизические рефлексии и эстетические эмоции» [Хорев 2012: 14]. Освобождение пейзажной пьесы от принципов традиционной драматургии закрепило ее в статусе драмы для чтения, трудной для сценической постановки. Несмотря на это, стайновские произведения неоднократно ставились на оперной сцене – в частности, весьма успешна театральная судьба оперы «Доктор Фауст зажигает огни» (англ. «Doctor Faustus Lights the Lights», 1938).

Зрелищность является как фундаментом, так и вечным источником динамики в драме. «Театр – это преображение на всех уровнях, это метаморфоза», – справедливо утверждает немецкий театроревед Х.-Т. Леман, поэтому, отбросив действие в постдраматическом театре, «мы вовсе не приходим к концу театра вообще» [Леман 2013: 121]. Выделяя необходимый для существования театра минимум, исследователь не раскрывает его сущность. Метаморфоза может быть воспринята как взаимная смена счастья и несчастья, что уже отмечалось в античных риториках как неотъемлемый элемент действия. Со спорной лемановской теорией полемизирует Ю. М. Барбай: «Выходит, если театр и перестал зависеть от драматическо-

го действия пьесы, то всего лишь пьесы одного рода; ее драматическое действие – авторитетный, но не единственный вариант и уж тем более не универсальная форма» [Барбай 2016: 291]. Внешнее напряжение традиционной катарсической драмы, как доказала театральная практика начала XX в., уступило место вдумчивой эпической расслабленности с ее собственными художественными доминантами. При этом драматизм как примета театральности всегда свойственен драме в той или иной степени. Особенностью собственно театральной драмы является положение о том, что последняя не пытается выдать театр за нечто иное: если по сцене проходит кошка, Сальвини может отдохнуть.

Драматургия эволюционирует только вне отрыва от социальной повестки, постоянно открывая в себе самой грани для появления новых эстетических концепций, отвечающих основам театральной выразительности. Интерпретация концепции Б. Брехта о двух типах театра позволяет раскрыть потенциал категорий драматизма и эпичности для теории драмы. В результате типологического анализа пьес Скриба, Островского, Брехта мы пришли к выводу, что драматизм достигается благодаря преобладанию внешней сюжетной динамики (карусель), а эпичность – сочетанием динамики со статикой (планетарий). Главное, на наш взгляд, различие типов театра в брехтовской эстетической программе состоит в том, куда направлено внимание драматурга (а за ним – и зрителя). Карусельная драматургия реализует мифологическую картину мира через диалоги-поединки, продвигающие сюжет. Так, непрерывное развитие действия в пьесах Скриба нагнетает напряжение зрителя перед развязкой и способствует появлению драматизма. Введение событийной ретардации через неожиданность в сюжете усиливает эффект саспенса. Напротив, для драматургии Островского, Брехта событийность – это необходимый фон, служащий для выявления характеров. Последовательное введение в пьесу ретардаций позволяет зрителю встать на точку зрения наблюдателя, заняв принципиально внешнюю позицию по отношению к пьесе. Ритмическая фрагментарность действия обладает для зрителя успокаивающим свойством и сообщает драме эпичность. Повествовательная стратегия Островского, Брехта обусловлена развитием реализма с вниманием к социально-нравственной функции театра.

Брехтовская философская система появилась как открытая экспериментальная площадка и постоянно дополнялась ее автором. В уточнениях Брехта «Дополнение к Малому Органону» (1954) уже нет строгого разделения драматического и эпического театра как диаметрально противопо-

ложных систем. Действие, как и связанный с ним драматизм, является неразложимой основой пьесы с античных времен. Старая и новая театральные парадигмы неотделимы от исторических первоистоков и могут полноценно существовать только в рамках взаимодополняемого целого. Действие может выступать на первый план, полностью захватывая внимание зрителя, или намеренно ретардироваться драматургами ради конкретной эстетической установки. Однако действенность, связующая элементы драмы в единое целое, всегда сохраняется. Концепция М. М. Бахтина о диалогичности слова и культуры актуализирует брехтовскую тенденцию последних лет: «у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [Бахтин 1986: 392].

Список литературы

- Барбай Ю. М. Театр и проблемы постдраматизма // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 288–295.*
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.*
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.*
- Брехт Б. О театре. Сб. статей: пер. с нем. М.: Изд. иностр. лит., 1960. 363 с.*
- Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. Т. 5/2. М.: Искусство, 1965. 566 с.*
- Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5. 494 с.*
- Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1: Введение; Часть первая. Идея прекрасного в искусстве, или Идеал / пер. Б. Г. Столпнера. М.: Искусство, 1968. 312 с.*
- Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3: Часть третья. Система отдельных искусств / пер.: Б. С. Чернышев, П. С. Попов, Ю. Н. Попов, А. М. Михайлов. М.: Искусство, 1971. 621 с.*
- Гринцер П. А. Две эпохи литературных связей // Типология и взаимосвязи литературу древнего мира. М.: Наука, 1971. С. 7–67.*
- Гюнтер Х. Остранение – Брехт и Шкlovский // Русская литература. 2009. № 2. С. 59–66.*
- Днепров В. Интеллектуальный роман Томаса Манна. Вопросы литературы. 1960. № 2. С. 143–166.*
- Журавлева А. И. А. Н. Островский – комедиограф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 216 с.*
- Журавлева О. А. Драма для чтения XVIII–XIX вв. как явление романизации драматической формы. Новый филологический вестник. 2021. № 4(59). С. 30–40. doi 10.54770/20729316_2021_4_30*
- Зингерман Б. И. Очерки истории драмы XX века. М.: Наука, 1979. 392 с.*
- Иегер Г. Генрик Ибсен (1828–1888): Литературный портрет. М., 1892. 382 с.*

Картавцева И. В. Эпические включения в языке драматургического текста Б. Брехта // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 193–197. doi 10.37494/2409-1030-2018-3-193-197

Леман Х.-Т. Постдраматический театр: пер. с нем. М.: ABCdesign, 2013. 312 с.

Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2 / под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.]. М.: Искусство, 1974. 806 с.

Пави П. Словарь театра: пер. с фр. под ред. К. Разлогова. М.: Прогресс, 1991. 480 с.

Райх Б.Ф. Вена – Берлин – Москва – Берлин. М.: Искусство, 1972. 455 с.

Скриб Э. Пьесы: пер. с фр. / вступ. ст. и прим. Е. Финкельштейн. М.: Искусство, 1960. 720 с.

Станиславский К. С. Собрание сочинений в 9 т. Т. 1. М.: Искусство, 1988. 621 с.

Тютелова Л. Г. Эпическое в русской драматургии XIX века (на примере пьес А. Н. Островского) // Сфера культуры. 2023. № 3 (13). С. 13–35. doi 10.48164/2713-301X_2023_13_35

Филиппов-Чехов А. О. Петер Сонди о кризисе драмы // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2020. Т. 5, № 1. С. 128–141. doi 10.18522/2415-8852-2020-1-128-141

Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности: пер. с нем. М.: «Play&Play» – «Канон+», 2015. 376 с.

Фрадкин И. М. Бертольд Брехт: Путь и метод. М.: Наука, 1965. 374 с.

Хайченко Е. От драмы к эпосу: внесценические персонажи // Вопросы театра. Proscaenium. 2020. № 1/2. С. 376–403.

Хализев В. Е. Драма как явление искусства. М.: Искусство, 1978. 240 с.

Хорев В. А. С. И. Виткович и русская революция. Лингвистика и методика в высшей школе: сб. ст. Вып. 4. Гродно, 2012. С. 11–19.

Чернец Л. В. О композиции пьес А. Н. Островского и ее эволюции // Щелыковские чтения 2018. Кострома, 2019. С. 73–89.

Чернец Л. В. О развязках и концовках в пьесах А. Н. Островского // Stephanos. 2020. Вып. 5 (43). С. 9–17. doi 10.24249/2309-9917-2020-43-5-9-17

Шкловский В. Б. Сборники по теории поэтического языка. Вып. 2. Пг, 1917. С. 3–14.

Шоу Б. О драме и театре: пер. с англ. М.: Издво иностр. лит., 1963. 640 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.

Brook P. The Empty Space. New York: Simon and Schuster, 1996. 141 p.

Brückner A. Geschichte der Russischen Litteratur. Leipzig: Amelang, 1905. 508 с.

Gassner J. Form and Idea in Modern Theatre. New York: Dryden, 1956. 289 p.

Stein G. What are Masterpieces. N. Y.: Pitman Pub. Corp., 1970. 104 p.

Wekwerth M. Mut zum Genuss. Ein Brecht-Handbuch für Spieler, Zuschauer, Mitstreiter und Streiter. Berlin, 2009. 232 S.

References

Barboy Yu. M. Teatr i problemy postdramatizma [Theater and Post-Dramatic Nature Problems]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2016, issue 5, pp. 288–295. (In Russ.)

Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Искусство Publ., 1986. 444 p. (In Russ.)

Brecht B. *O teatre* [About the Theater]: a collection of articles. Transl. from German. Moscow, 1960. 363 p. (In Russ.)

Brecht B. *Teatr. P'esy. Stat'i. Vyskazyvaniya* [Theatre. Plays. Articles. Statements]: in 5 vols. Moscow, Искусство Publ., 1965, vol. 5/2. 566 p. (In Russ.)

Veselovsky A. N. *Razyskaniya v oblasti russkogo dukhovnogo stikha* [Researches in the Field of Russian Spiritual Verse]. St. Petersburg, 1889, issue 5. 494 p. (In Russ.)

Hegel G. W. F. *Estetika* [Aesthetics]: in 4 vols. Vol. 1. Transl. by B. G. Stolpner. Moscow, Искусство Publ., 1968. 312 p. (In Russ.)

Hegel G. W. F. *Estetika* [Aesthetics]: in 4 vols. Vol. 3. Transl. by B. S. Chernyshev, P. S. Popov, Yu. N. Popov, A. M. Mikhaylov. Moscow, Искусство Publ., 1971. 621 p. (In Russ.)

Grintser P. A. Dve epokhi literaturnykh svyazey. *Tipologiya i vzaimosvyazi literatur drevnego mira* [Typology and Interrelationships of Ancient World Literatures]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 7–67. (In Russ.)

Gyunter Kh. Ostranenie – Brekht i Shklovskiy [Distancing – Brecht and Shklovsky]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2009, issue 2, pp. 59–66. (In Russ.)

Dneprov V. Intellektual'nyy roman Tomasa Manna [An intellectual novel by Thomas Mann]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 1960, issue 2, pp. 143–166. (In Russ.)

Zhuravleva A. I. A. N. Ostrovskiy – komediograf [A. N. Ostrovsky as a Comedian]. Moscow, Moscow University Press, 1981. 216 p. (In Russ.)

Zhuravleva O. A. *Drama dlya chteniya XVIII–XIX vv. kak yavlenie romanizatsii dramaticeskoy formy* [Closet drama of the 18–19th centuries as a phenomenon of dramatic form novelization]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2021, issue 4 (59), pp. 30–40. doi 10.54770/20729316_2021_4_30. (In Russ.)

- Zingerman B. I. *Ocherki istorii dramy XX veka* [Essays on the History of the 20th Century Drama]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 392 p. (In Russ.)
- Jæger H. *Genrik Ibsen (1828-1888): Literaturnyy portret* [Henrik Ibsen (1828-1888): A Literary Portrait]. Moscow, 1892. 382 p. (In Russ.)
- Kartavtseva I. V. Epicheskie vkljucheniya v yazyke dramaturgicheskogo teksta B. Brekhta [Epic inclusions in the language of B. Brecht's dramatic text]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Research], 2018, issue 3, pp. 193-197. doi 10.37494/2409-1030-2018-3-193-197. (In Russ.)
- Lehmann H.-T. *Postdramaticheskiy teatr* [Post-dramatic Theater]. Transl. from German. Moscow, ABCdesign Publ., 2013. 312 p. (In Russ.)
- Ostrovsky A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]: in 12 vols. Ed. by G. I. Vladykin et al. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974, vol. 2. 806 p. (In Russ.)
- Pavi P. *Slovar' teatra* [Dictionary of the Theater]. Transl. from French. Ed. by K. Razlogov. Moscow, Progress Publ., 1991. 480 p. (In Russ.)
- Reich B. F. *Vena – Berlin – Moskva – Berlin* [Vienna – Berlin – Moscow – Berlin]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. 455 p. (In Russ.)
- Scribe E. *P'esy* [Plays]. Transl. from French. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 720 p. (In Russ.)
- Stanislavskiy K. S. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]: in 9 vols. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988, vol. 1. 621 p. (In Russ.)
- Tyutelova L. G. Epicheskoe v russkoy dramaturgii XIX veka (na primere p'es A. N. Ostrovskogo) [Epic in Russian drama of the 19th century (exemplified by A. N. Ostrovsky's plays)]. *Sfera kul'tury* [Sphere of Culture], 2023, issue 3 (13), pp. 13-35. doi 10.48164/2713-301X_2023_13_35. (In Russ.)
- Filippov-Chekhov A. O. Peter Sondi o krizise dramy [Peter Szondi about the crisis of drama]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2020, vol. 5, issue 1, pp. 128-141. doi 10.18522/2415-8852-2020-1-128-141. (In Russ.)
- Fischer-Lichte E. *Estetika performativnosti* [Performance Aesthetics]. Transl. from German. Moscow, «Play&Play» – «Kanon+» Publ., 2015. 376 p. (In Russ.)
- Fradkin I. M. *Bertol'd Brekht: Put' i metod* [Bertolt Brecht: The Way and the Method]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 374 p. (In Russ.)
- Khaychenko E. Ot dramy k eposu: vnestsenicheskie personazhi [From Drama to Epic: Off-Stage Characters]. *Voprosy teatra. Proscenium* [Questions of the Theater. Proscenium], 2020, issue 1/2, pp. 376-403. (In Russ.)
- Khalizev V. E. *Drama kak yavlenie iskusstva* [Drama as an Art Phenomenon]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 240 p. (In Russ.)
- Khorev V. A. S. I. Vitkevich i russkaya revolutsiya [Vitkevich and the Russian Revolution]. *Lingvistika i metodika v vysshey shkole* [Linguistics and Methodology in Higher Education]: a collection of articles. Issue 4. Grodno, 2012, pp. 11-19. (In Russ.)
- Chernets L. V. *O kompozitsii p'es A. N. Ostrovskogo i ee evolyutsii* [On the composition of A. N. Ostrovsky's plays and its evolution]. *Shchelykovskie chteniya 2018* [Shchelykovo Readings 2018]. Kostroma, 2019, pp. 73-89. (In Russ.)
- Chernets L. V. O razvyyazkakh i kontsovakh v p'esakh A. N. Ostrovskogo [On the denouements and the last cue of A. N. Ostrovsky's plays]. *Stephanos*, 2020, issue 5 (43), pp. 9-17. doi 10.24249/2309-9917-2020-43-5-9-17. (In Russ.)
- Shklovsky V. B. *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Collections on the Theory of Poetic Language]. Issue 2. Petrograd, 1917, pp. 3-14. (In Russ.)
- Shaw B. O drame i teatre [About Drama and Theatre]. Transl. from English. Moscow, 1963. 640 p. (In Russ.)
- Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashhenii* [The Myth of Eternal Return]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 249 p. (In Russ.)
- Brook P. *The Empty Space*. New York, Simon and Schuster, 1996. 141 p. (In Eng.)
- Brückner A. *Geschichte der Russischen Litteratur* [History of Russian Literature]. Leipzig, AmeLang, 1905. 508 p. (In Ger.)
- Gassner J. *Form and Idea in Modern Theatre*. New York, Dryden, 1956. 289 p. (In Eng.)
- Stein G. *What are Masterpieces*. N.Y., Pitman Pub. Corp., 1970. 104 p. (In Eng.)
- Wekwerth M. Mut zum Genuss [The Courage to Enjoy]. *Ein Brecht-Handbuch für Spieler, Zuschauer, Mitstreiter und Streiter*. Berlin, 2009. 232 p. (In Ger.)

Carousel and Planetarium: The Dialectic of the Dramatic and the Epic in the Intellectual Theater

Anastasiia I. Lebedeva

Postgraduate Student at the Department of Literary Theory

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia. liebedeva@yandex.ru

SPIN-code: 2382-7991

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6489-7646>

ResearcherID: KMX-7640-2024

Submitted 01 Aug 2024

Revised 07 Sep 2024

Accepted 02 Dec 2024

For citation

Lebedeva A. I. Karusel' i planetarij: dialektika dramatizma i jepichnosti v intellektual'nom teatre [Carousel and Planetarium: The Dialectic of the Dramatic and the Epic in the Intellectual Theater]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 117–128. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-117-128. EDN WLZBVB (In Russ.)

Abstract. The dramatic and the epic are two problems the solution of which in modern literary criticism makes it possible to determine the specifics of the development of drama in the global literary process. The article aims to analyze the functioning of the dramatic and the epic based on the theory of the epic theater by B. Brecht, who anticipated G. Stein's concept of the landscape play. The paper provides a typological analysis of plays by Scribe, Ostrovsky, and Brecht against the background of one-sided contact relationships. This analysis makes it possible to identify similarities and differences in the playwrights' techniques when creating the plot. Of particular interest is the question about the function of retardation, which disrupts the unity of action in a play, as well as about the influence of its place in the composition on the audience's perception. The study employed the methods of literary observation and interpretation of the role of retardation in the composition of plays. The key research method was a typological analysis of the plays by Scribe, Ostrovsky, and Brecht in their connection with the dramatic/epic opposition. The result of the study is the definition of the boundaries of two types of theater (carousel, planetarium), leaning toward the polar tendencies of the recipient's emotional involvement. In the opposition of the dramatic/epic, the research revealed dialogism determined by the acting-centered nature of the theater. The study has also identified the methods of introducing retardation into a play, including a retrospective, a song-lyrical commentary on the action, bringing together the poetics of Ostrovsky and Brecht. The author of the article concludes that the increasing frequency of the use of the retardation technique in drama is connected with the development of realism and is due to the contradiction related to the temporal aspect of a play and its delayed perception by the viewer.

Key words: Bertolt Brecht; Alexander Ostrovsky; Eugène Scribe; carousel theater; planetarium theater; dramatic and epic; plot; realism.

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2025-1-129-137

<https://elibrary.ru/rygetu>

EDN RYGETU

Страх в новелле В. Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца» в связи с особенностями нарративных модальностей

Перевалова Елизавета Михайловна

аспирант кафедры истории русской литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. perewalowa.elizaveta@yandex.ru

SPIN-код: 9831-3006

Статья поступила в редакцию 01.08.2024

Одобрена после рецензирования 03.11.2024

Принята к публикации 02.12.2024

Информация для цитирования

Перевалова Е. М. Страх в новелле В. Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца» в связи с особенностями нарративных модальностей // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежной филологии. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 129–137. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-129-137. EDN RYGETU

Аннотация. Выбор страха в качестве предмета изучения обусловлен его системообразующей ролью в произведениях романтиков. Страх как философско-эстетическая категория маркирует столкновение материального начала с духовным, а потому обнаруживается на всех уровнях художественного произведения. В статье основное внимание уделено функционированию страха как эмоции, транслируемой различными коммуникативными инстанциями произведения. Цель исследования – определить, как нарративная структура художественного текста позволяет воздействовать на читателя и, в частности, транслировать эмоцию страха. В ходе работы были использованы аналитический, структурный, мотивно-образный, классификационный, компаративный методы. Изучение проводилось с опорой на теорию В. Шмida о субъектной структуре нарратива, идеи В. И. Тюпы о нарративных стратегиях и их роли в синхроническом и диахроническом изучении литературы, разработки Б. А. Успенского в области поэтики композиции. В результате исследования выявлены особенности функционирования страха на нарративных уровнях персонажей, нарраторов и абстрактного автора, что позволяет делать предположения об оптимальной для восприятия новеллы позиции адресата. Было установлено, что страх в художественном мире В. Ф. Одоевского создается за счет конструирования внутренне непротиворечивой, монологичной картины мира, убеждающей в непреодолимой власти материального начала. Стратегии создания этого эффекта различны. В первой части нарратор позиционируется как всеведущий, вездесущий, внутринаходимый по отношению к персонажам и открыто вступающий с ними в ценностную полемику. Во второй части нарратор менее проявлен, а идеологическая позиция выражается за счет комбинирования фактов, реплик, а также композиционной и мотивной соотнесенности с первой частью новеллы.

Ключевые слова: страх; В. Ф. Одоевский; нарративная модальность; художественная философия; романтизм.

Феномен страха

Страх является одной из базовых эмоций, то есть «эволюционно значимой эмоцией с ярко выраженным физиологическими и поведенческими проявлениями» [Апресян 2015: 345]. В нашей рабо-

те страх будет рассматриваться как реакция субъекта на реальную или воображаемую опасность, угрожающую организму, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам) [Философский энциклопедический словарь 1983].

Формальными показателями будут являться характеристики поведения и психологического состояния героя (которые может давать сам герой, другие персонажи, нарратор). Эмоциональное состояние нарратора может быть определено через его отношение к герою и повествуемому миру.

Лингвистический анализ показывает, что прототипическая ситуация страха перед будущими негативными событиями включает следующие компоненты.

1. Мнение субъекта X о возможности/вероятности некоторой ситуации Р.

2. Негативная оценка субъектом X ситуации Р – оценка ситуации как плохой/опасной.

3. Мнение субъекта X о невозможности предотвращения ситуации Р: осуществление ситуации Р не зависит от воли субъекта X.

4. Наличие переживания [Иоанесян 2015: 99–100].

Страх перед непосредственной опасностью можно описать иначе.

1. Имеет место некоторая негативная для субъекта ситуация Р.

2. Субъект предпринимает определенные действия, чтобы избежать ситуации Р.

3. Субъект физиологически и психологически реагирует на ситуацию Р определенным образом [там же: 100].

Причинами возникновения прототипической ситуации страха Е. Р. Иоанесян среди прочих называет темноту, смерть, неожиданность, агрессию, незнание и сомнение [там же: 154]. Эти данные соотносятся с философскими и психологическими представлениями о страхе. Согласно М. Хайдеггеру и С. Кьеркегору, через страх раскрывается конечность экзистенции: метафизический страх (*angst*) «открывает перед экзистенцией ее последнюю возможность – смерть»; «страх есть «форма переживания человеком “ничто”» [Философская энциклопедия 1970: 139]. Е. Н. Романова в качестве причины возникновения страха называет экзистенциальную неопределенность: «Подлинный страх возникает, когда само существование для человека становится проблемой. <...> Теряя опору, утрачивая чёткие ориентиры и привычные дефиниции, человек мгновенно становится уязвимым» [Романова 2002: 19]. Ж.-П. Сартр связывал страх и тревогу с «покинутостью» человека, неопределенностью его будущего, виной и ответственностью [Сартр 2000: 256], что устанавливает взаимосвязь страха, в том числе, с социальным бытием человека [Боровой 2006: 20]. На страх влияют социокультурные факторы, ведь для понимания смысла жизни человеку необходима опора на ценности и нормы. Е. М. Боровой к основаниям страха относит: 1) духовные, актуализирующиеся как

утрата смысла социального бытия человека; 2) нравственные, исходящие из мотивации вины [там же: 16].

«Страх» часто используется в качестве обобщающего обозначения тревоги, тревожности, ужаса, настороженности, смятения, мнительности и т. д. Рассуждение о философских и психологических основаниях такого обобщения находим в статье В. И. Подороги, предложившего классификацию страха по признакам его интенсивности, динамики, наличия непосредственного объекта [Подорога 2020: 57].

Страх является сложной эмоцией. Количество трактовок и определений иногда приводило к мысли о том, что страх бессущностен [Пятигорский 2009: 3] или имеет бесконечно много форм выражения. Для полноценного описания страха в произведении представляется важным обратить внимание на большое число параметров: особенности ситуации, в которой возникает страх; причины, по которым субъект рассматривает ситуацию в качестве негативной; ценности, которые ставят под угрозу ситуация; наличие у субъекта возможности повлиять на ситуацию и т. д.

Специфика нарративного метода

Нарративный метод видится продуктивным в связи со спецификой изучаемой категории: представление о страшном зависит от воспринимающего сознания, а эмоция имеет коммуникативную природу и предполагает наличие отклика, ответной реакции. Так, С. Н. Зенкин, говоря об изучении эмоции в художественном тексте, уделяет большое внимание фокализации (точкам зрения): «...фантастическое повествование всегда фокализовано на герое...» [Зенкин 2017: 519]. Существенна и идея исследователя о роли эмоциональной солидаризации при восприятии фантастического: «ее [фантастики. – Е. П.] эффект потому оказывает на нас столь сильное воздействие, что заставляет ощутить инаковость и одновременно существенность другого человека: мы миметически сопереживаем опыту героя именно как чужому опыту» [там же: 521]. Романтическая фантастика сделала взаимодействие сознаний повествовательных инстанций главным событием в процессе чтения [там же: 519].

Потребность в комплексном описании художественного текста как коммуникативного акта вдохновила создателей нарратологии. Основополагающие идеи, на которых будет базироваться наше исследование, высказаны в монографиях Б. А. Успенского «Поэтика композиции» [Успенский 1970] и В. Шмид «Нарратология» [Шмид 2003]. Дальнейшую разработку нарратологические идеи и категории получили в статьях В. И. Тюпы и Г. А. Жиличевой. Исследо-

ватели теоретически обосновывают понятие нарративной (коммуникативной) стратегии, которое, несмотря на долгую традицию использования, не имело развернутого описания. В обычном словоупотреблении термин «стратегия» применяется для характеристики неких избираемых деятелем фундаментальных установок, в дальнейшем направляющих его креативное поведение и во многом определяющих конечный результат деятельности. Применительно к литературному творчеству термин обозначал авторское намерение, метод, технику письма¹. В. И. Тюпа, привлекая некоторые идеи дискурс-анализа, предлагает иное, более широкое осмысление термина. По мнению исследователя, нарративная стратегия «состоит в позиционировании когнитивным субъектом коммуникации (автором) вербального субъекта (нarrатора) относительно объектов и реципиентов рассказывания» [Тюпа 2018: 9]. Возможно переформулировать: «категория нарративной стратегии представляет собой регулятивный принцип объединения двух событий – референтного (рассказываемого) и коммуникативного (события самого рассказывания)» [Тюпа 2020: 24]². Иными словами, речь идет о соотношении событийной составляющей, легшей в основу сюжета, и способе ее представления в повествовательном тексте. Сходное определение дает Г. А. Жиличева, которая термином «нарративная стратегия» обозначает «принцип взаимодействия сторон коммуникативного события: субъекта, объекта и адресата» [Жиличева 2014: 278].

Нарративная стратегия реализуется через выбор повествовательных возможностей и представляет собой взаимодействие трех взаимообусловленных аспектов единого высказывания: 1) нарративной картины мира; 2) нарративной модальности; 3) нарративной интриги. Соответственно, можно говорить о трех «компетенциях дискурса», определяемых соотношением позиций объекта, субъекта и адресата высказываний: референтной (метаобъектной), креативной (метасубъектной) и рецептивной (метаадресатной) [Тюпа 2016: 20]. Референтная компетенция обозначает возможные типы предметного содержания высказывания. Креативная компетенция дискурса – это характеристика сознания и речевого поведения участников коммуникации: их компетенции, отношения к передаваемой информации. Рецептивная компетенция – это позиция, которую должен занять получатель высказывания для адекватного восприятия. В нашей работе речь пойдет прежде всего о нарративной модальности (креативной компетенции дискурса).

В. И. Тюпа и Г. А. Жиличева считают теорию нарративных стратегий продуктивной для изучения диахронических процессов в литературе.

Так, В. И. Тюпа формулирует признаки четырех базовых в истории культуры нарративных стратегий. Первоначальная протонарративная стратегия характеризуется модальностью знания и прецедентной картиной мира. Следующей стратегии свойственна императивная картина мира со строгим, заданным свыше миропорядком и модальностью авторитарного убеждения. Третья нарративная стратегия связана с модальностью частного мнения, окказиональной (анекдотического типа) картиной мира [Тюпа 2011: 14]. Четвертая нарративная стратегия предполагает «вероятностную» картину мира и модальность понимания равнодостойным сознанием, которая порождается коммуникативным событием причастного соприсутствия субъективностей [там же: 15].

Итак, предложенное понятие нарративной стратегии позволяет дать комплексное описание произведения как коммуникативного акта, совершающегося на многих уровнях. Опираясь на объективные характеристики внутритекстовой коммуникации, мы получаем возможность установить, какое влияние ее конфигурация способна оказать на внетекстовую (между реальным автором и реальным читателем).

Функционирование страха в новелле «Насмешка мертвеца»

Избранная новелла входит в роман В. Ф. Одоевского «Русские ночи», который часто считают итоговым произведением, наиболее полно выражавшим результаты художественных и философских исканий автора. По утверждению Е. А. Маймина, роман «Русские ночи» – самое значительное произведение В. Одоевского, «вовлекшее в себя многие его замыслы, синтезировавшее его взгляды на жизнь, выразившее в цельном и концентрированном виде его любимые философские идеи. Это итоговое произведение в точном смысле этого слова» [Маймин 1975: 262]. В роман входят четыре новеллы, содержащие «страшные» образы, мотивы, указания на переживание страха героями («Бал», «Последнее самоубийство», «Насмешка мертвеца», «Город без имени»). В результате их анализа автором были получены хорошо согласующиеся друг с другом представления о художественной философии В. Ф. Одоевского [Перевалова, Штуккерт 2022: 123–125].

Приведем сюжет новеллы. Красавица Лиза с мужем едут на бал, но путь им преграждает похоронная процессия. Хоронят Юношу, любовь которого Лиза предала в угоду мнению светского общества. Во время бала в комнаты врываются волны, но знатные и всесильные господа оказываются беспомощны перед стихией. Воды вносят в залу гроб Юноши, который становится единственным

средством спасения для Красавицы. В финале из разговора двух прохожих читатель узнает, что на балу Лиза упала в обморок, чем очень недоволен ее муж, ведь он вынужден был прервать удачную игру. Таким образом, потоп был лишь видением Лизы, вызванным «сильным движением души».

Выявим характерные для новеллы точки зрения и соотнесем с инстанциями разных уровней (персонажами и нарратором).

В пространственно-временном плане используется точка зрения нарратора, иногда совмещающаяся с точками зрения отдельных персонажей. Часто нарратор предстает вездесущим и всеведущим, что дает возможность владеть всеми измерениями созданной реальности и давать представление о них читателю с собственных позиций. Всеведение и вездесущесть нарратора позволяют ему ввести ретроспективный рассказ о любви Юноши и предательстве Красавицы. В сцене потопа нарратор находится будто над действием, ему принадлежит свободная в своем движении точка зрения, позволяющая обозревать необозримое для обыкновенного человека: *Здесь послышалось незначащее слово, привязанное к глубокому долголетнему плану; здесь улыбка презрения скатилась с великолепного лица и оледенила какой-то умоляющий взор; здесь тихо ползут темные грехи и торжественная подлость гордо носит на себе печать отвержения...* [Одоевский 1975: 50].

Психологический (перцептивный) план дает нарратору возможность быть внутри- и вненаходимым по отношению к персонажам. Возможна интроспекция в сознание любого героя: Юноши, присутствующих на балу, Красавицы и ее мужа. Однако каждый раз информация о внутреннем мире персонажей подается с позиций нарратора, а не самого персонажа. Это позволяет выстроить непротиворечивую картину мира. Так, нарратор говорит за красавицу о впечатлениях от встречи с мертвецом (*Что я рассказал долгими речами, то в одно мгновение пролетело через сердце красавицы при виде мертвого*), за представителей света – о переживаниях во время потопа (*Но вы не слушаете, но вы трепещете, холодный пот обдает вас, вам страшно*) [там же: 51].

Во второй части новеллы интроспекция не используется, нарратор устраняется, давая возможность персонажам говорить самим о себе. Это, однако, только подчеркивает объективность оценок, данных нарратором ранее: – *Aх, бога ради, – возразила дама [Красавица – Е. П.] с негодованием, – избавьте меня от этих замечательных молодых людей с их мечтами, чувствами, мыслями! Говоря с ними, надообно еще думать о том, что говоришь, а [думать] для меня и скучно и беспокойно* [там же: 53].

При описании внешнего мира нарратор не использует данные восприятия персонажей; мир дан с объективных позиций. Это кажется особенно странным в эпизоде видения Красавицы: нарратор не маркирует переход к субъективной точке зрения героини, а решается представить потоп существующим так же реально, как и бал: *Но со всех сторон раздаётся крик: «Вода! вода!»; все бросились к дверям: но уже поздно! Вода захлестнула весь нижний этаж* [там же: 51]. Таким образом проявляется идеологическая позиция нарратора и абстрактного автора. При этом, как кажется, нельзя говорить о случае перехода от гетеронарративного рассказа о герое к автонарративному, как в случае с «Пиковой дамой» или «Медным всадником» Пушкина [Тюпа 2019: 13], ведь героиня не согласилась бы с оценками, которые дает нарратор, не смогла бы идентифицировать себя с предлагаемым нарратором образом: *Пораженная его взором, она то оставляет гроб, то снова, мучась невольно любовью к жизни, хватается за него...* [там же: 52].

Построение фразеологического плана имеет характерные особенности. Так, обличение светских людей совершается через диалогизированный монолог³, позволяющий сочетать точку зрения нарратора и персонажей (разумеется, в представлении нарратора о ней). Соприсутствие этих точек зрения, конечно, не означает их равноправия, что подтверждается преобладанием в репликах фразеологии нарратора: *Как, милостивые государи, так есть на свете нечто, кроме ваших ежедневных интриг, происков, расчетов? Неправда! пустое! все пройдет! опять наступит завтрашний день! опять можно будет продолжать начатое! Где же все мощные средства науки, смеющейся над усилиями природы? Милостивые государи, наука замерла под вашим дыханием* [там же: 51]. Обратим внимание на единицы с pragmatischen komponenten значений: «происки», «расчеты», «интриги».

Фразеологическая точка зрения часто служит выражению идеологической позиции нарратора и персонажей, что особенно явно в именованиях лиц. Так, в первой части Красавица именуется нарратором «молодой женщиной» – 1 раз и во всех остальных случаях «Красавицей» (19 раз); мертвец же именует ее «благоразумная Лиза» (2 раза). Во второй части главная героиня получает другие именования: «Лиза» (1 раз), «княгиня» (3 раза), «дама» (4 раза). При этом зачастую о героине говорится с фразеологической точки зрения общества, а не нарратора. Приведенные факты могут свидетельствовать о постепенной утрате героиней индивидуальности, но приобретении социального статуса. Характер-

ны также контрастные именования героя: в середине текста – «Юноша» (9 раз), а в начале и конце – «Мертвец» (8 раз).

Идеологическая точка зрения нарратора является доминирующей, то есть включает в себя другие представленные точки зрения. Идеология персонажей полярна и трактуется нарратором через противопоставление материального и духовного начал. Выразителем ценностей духовного мира является Юноша, с образом которого связаны любовь и творчество. Выразителем антиценостей становится общество, разуверяющее героя в романтических представлениях и губящее его духовно. Нарратор идеологически солидаризуется с Юношем и высказывает оценки, которые могли быть свойственны герою.

В первой части идеологическая позиция выражается открыто и экспрессивно: (*Красавица. – Е. П.*) *покорилась не чувству, — нет, она затоптала святую искру, которая было затеплилась в душе ее, и, падши, поклонилась тому демону, который раздает счастье и славу мира; и демон похвалил ее повиновение...* [там же: 50]. Во второй же части нарратор устраняется и, как кажется, только комбинирует факты. На самом же деле оценка продолжает подаваться через реплики персонажей, содержание которых хорошо соглашается с тем, что обличал нарратор: *— Ax, не брали ее! — возразил первый. — Бедненькая! я чай, и без того ей досталось от мужа. Впрочем, и вся кому будет досадно: он отроду не бывал еще в таком ударе; представь себе, он десять раз сряду замаскировал короля, в четверть часа выиграл пять тысяч...* [там же: 53]. Интересно отметить особую осведомленность говорящего, которая позволяет предположить, что нарратор передает ему свое (до этого монопольное) право на оценку. Кроме того, вторая часть новеллы представляет право на высказывание и «отрицательной» героине. Точка зрения княгини резко противопоставлена нарраторской и открыто выступает против романтических ценностей: *...избавьте меня от этих замечательных молодых людей с их мечтами, чувствами, мыслями!* [там же]. Можно говорить о своеобразном повторении ситуации первой части новеллы: Красавица вновь избегает встречи с духовным. Таким образом, изменить героиню не может даже испытанное потрясение.

Для идеологической характеристики персонажей используется также хронотоп бала⁴. А. В. Леонович выявлены инвариантные мотивы указанного хронотопа: ночь как время проведения бала; роскошный интерьер; яркое освещение; великолепные одежды участников; толпа, шум, теснота; танцы; музыка; любовные интриги, флирт [Леонович 2015: 32]. Упомянутые

мотивы служат акцентированию вещного и телесного мира, что часто встречается у В. Ф. Одоевского при описании светского общества. Важными характеристиками являются духота, несвобода, изобилие материи, и страх перед этим приравнивается к страху перед неполнотой бытия.

Итак, стратегии нарратора в первой и второй частях новеллы «Насмешка мертвеца» достаточно сильно различаются. В первой части нарратор вседесущий, всеведущий и внутринаходимый по отношению к персонажам, и избыток его видения используется для идеологического и эмоционального воздействия. В этой части нарратор не включает никаких реплик героев, пропуская всё через призму собственного видения. Это позволяет создать целостную субъективную картину мира, но представить ее в качестве объективной. Нарратор недиегетичен, непричастен к происходящим событиям, предстает внешней безличной силой, и всё это поддерживает впечатление о беспристрастности повествования. В этом смысле характерно слияние голоса нарратора с природной стихией, которое позволяет представить его позицию внеположной миру общественных установлений. Возможно провести параллели с образом «философского нарратора», о котором в связи с прозой А. Кима говорит А. А. Джундубаева: «...философский нарратор говорит не о переходящем, а о вечном», «...его размышления не имеют временного плана», а интерес направлен на «человека вообще» [Джундубаева 2018: 307].

Во второй части нарратор использует новую маску и выполняет иные функции. Нарратор не использует позицию внутринаходимости и не дает эксплицитно выраженной оценки героям. Реплики персонажей преобладают, но это, как мы видели, является лишь новым способом подтверждения объективности нарратора, оправданности его идеологической позиции.

Эмоция страха, передаваемая новеллой, конструируется через динамическое взаимодействие различных повествовательных уровней, на каждом из которых имеет свою специфику. Страх на уровне персонажей вызван вторжением в их привычный мир того, против чего они бессильны: близость смерти делает явной тщету их стремлений. Этот тип страха наиболее характерен для сцен потопа и пребывания Красавицы наедине с Мертвецом. На уровне нарратора присутствует страх перед угнетенным положением духовного начала и враждебностью к нему мира. Этот вид страха создается за счет пронизанности всего произведения идеологической точкой зрения нарратора. Позиция абстрактного автора близка к нарраторской, поэтому указанный вид страха только усиливается представлениями о неразрешимости конфликта и «безнаказанности» материального

начала. На уровне абстрактного автора оценка выражается за счет комбинирования эпизодов: потоп и встреча с мертвецом происходят только в пространстве ирреальном; во второй части текста продолжается то, что обличалось в первой и т. д.

Можно высказать некоторые предположения об оптимальном отношении наррататора и абстрактного читателя к тексту. Во-первых, нарратор рассчитывает на отношение к себе как к авторитетной инстанции, имеющей право разоблачать пороки, быть голосом возмездия. Во-вторых, нарратор предполагает в наррататоре владение сходными кодами и нормами: ему должны быть близки мысли о ценности любви, науки, искусства. Скорее всего, из-за идеологического сходства нарратора, героя (Юноши) и абстрактного автора наррататор и абстрактный читатель также должны быть похожи⁵. Возможно сомнение в том, насколько хорошо нарратор представляет своего адресата и имеют ли вообще его произведения какую-то внешнюю цель. В связи с этим новое звучание получает и реплика Фауста о том, что рассказы писались Юношей «в стол».

Повествование в рассмотренной новелле можно признать протекающим в модальности убеждения. Об этом свидетельствует монологичное построение текста, идеологическая близость нарратора и абстрактного автора, четкая моральная оценка, которую эти инстанции дают миру. Недиегетический нарратор предстает авторитетной инстанцией, приближаясь к идеальной для притчи нарраторской маске. Однако проблема целевой направленности произведения остается достаточно сложной: текст не имеет четкой цели наставить читателя на путь, ведь по отношению к родственному сознанию иерархия «поучающий – поучаемый» не может быть выстроена.

Нarrативная картина мира представляется императивной. В самом деле, события, которые могут показаться окказиональными (появление похоронной процессии перед каретой Красавицы или потоп), актуализируются нарратором в качестве ценностных. Каждый выбор, который делают герои, оценивается однозначно с точки зрения нравственности, а спонтанные события не служат раскрытию индивидуальности и характеров героев. Герои своими поступками реализуют не самобытную жизненную стратегию, но нравственный смысл: либо живут духовной жизнью, либо следуют общественным установлениям и формальностям. Интересно, однако, что присутствуют формальные черты новеллы: так, есть пунт (вторая часть новеллы, «опровергающая» первую), а многие события, в которых реализуется нравственный смысл, представлены окказиональными, случайными. Открыто притчевым

событием является только выбор героини между чувством и общественным одобрением.

Выводы

Традиционно «страшное» изучается как элемент формально-содержательной стороны произведения и рассматривается прежде всего через такие категории, как образ и сюжетный мотив. В нашей работе мы стремились установить место страха в художественной философии В. Ф. Одоевского путем определения коммуникативной специфики страха и его воздействующей роли при восприятии текста читателем. Для этого мы обратили внимание на нарративную модальность текстов.

В новеллах В. Ф. Одоевского наиболее значимым уровнем при создании страха является идеологический, большую роль играет не только эмоциональная, но и интеллектуальная солидаризация читателя с нарратором в оценках. Специфика состоит в появлении на уровне нарратора и абстрактного автора страха перед философскими идеями о мироустройстве. Повествование такого типа для воздействия на читателя и передачи ему чувства страха конструирует картину мира с тотальным и непреодолимым конфликтом добра и зла (материального и идеального) и представляет ее в качестве объективной. Страх оказывается связан с невозможностью осуществления жизненной стратегии, представленной в качестве единственно верной. На читателя воздействуют полярность оценок нарратора, его монологичность, парадоксализм, разбивающий привычные установки. Страшное используется не для того, чтобы вызвать интерес, страх является результатом идеологического воздействия на читателя. Спецификой стратегии создания страха в новеллах В. Ф. Одоевского можно считать конструирование картины мира, totally пронизанной авторской оценкой.

Страх как эмоция и философско-эстетическая категория в художественных системах функционирует различно, что связано со спецификой избираемых нарративных стратегий. Избираемые В. Ф. Одоевским стратегии (модальность убеждения и императивная картина мира) свидетельствуют об идеологической близости эпохи Проповеди для этого автора. Кроме того, используются нравственные критерии оценки, важна установка на поучение, заметна тенденция к рационалистической интерпретации романтических конфликтов, что согласуется с общими для русского романтизма тенденциями.

Примечания

¹ Словарь The Penguin Dictionary of Literary Terms And Literary Theory дает такое определение

ние: «стратегия <...> может означать либо отношение автора к его теме и предмету, либо его метод или технику». “Strategy – A jargon (q.v.) term which appears to have come into literary criticism some time in the 1930’s. It can mean either (a) an author’s attitude towards his theme and subject; or (b) his method or technique of dealing with it” [The Penguin Dictionary 1998: 866].

² Основано на идеи М. М. Бахтина: «Перед нами два события: событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания; события эти происходят в разные времена и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» [Бахтин 1975: 406].

³ Б. А. Успенский со ссылкой на Волошинова говорит об этом случае как о замещенной прямой речи: автор говорит за героя. Формально замещенная прямая речь может быть представлена как в контексте авторского повествования, так и в прямой речи героя [Успенский 1970: 61].

⁴ А. В. Леоновичус в статье «Хронотоп бала в русской литературе» утверждает, что бал является именно хронотопом, а не образом, мотивом или темой: он имеет четкую структурную выраженность в тексте, повторяется, но во множестве различных стилистических тональностей [Леоновичус 2015: 32–33].

⁵ См. статью В. И. Тюпы «Автор и нарратор в истории русской литературы», в которой соотношение фигур автора и нарратора рассматривается в диахроническом аспекте. Так, указанные инстанции могут быть конкретически слиты (пример Карамзина) или резко отличны друг от друга (пример Пушкина). Случай Одоевского, как представляется, ближе к карамзинскому, что хорошо согласуется с упреком Пушкина Одоевскому. «Форма изменилась у меня по упреку Пушкина о том, что в моих прежних произведениях слишком видна моя личность; я стараюсь быть более пластическим...» [Цит. по: Турьян 1991: 236].

Список литературы

Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 43 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.

Боровой Е. М. Страх и социальное бытие человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.

Джундубаева А. А. Концепция адресата и идеального реципиента в прозе А. Кима // Вестник

РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15, № 2. С. 303–319. doi 10.22363/2312-8011-2018-15-2-303-319

Жиличева Г. А. Категория нарративной стратегии в современных исследованиях сюжетно-повествовательного текста // Европейский журнал социальных наук. 2014. Т. 3, № 7. С. 278–287.

Зенкин С. Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 617 с.

Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2015. Т. 7. С. 98–223.

Леоновичус А. В. Хронотоп бала в русской литературе (к истокам традиции) // Новый филологический вестник. 2015. № 4. С. 32–38.

Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 247–277.

Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 325 с.

Перевалова Е. М., Штуккерт М. Л. Страх в новелле Одоевского «Бал» в контексте специфики нарративных модальностей // Вестник Иркутского государственного университета. 2022. Вып. 25. С. 123–125.

Подорога В. А. Имя: Страх. Об одной экзистенциальной страсти // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 3. С. 49–66. doi 10.21146/2072-0726-2020-13-3-49-66

Пятигорский А. М. Страх из 2009 года // Неприкосновенный запас. 2009. № 5. С. 3–16.

Романова Е. Н. Основные смыслы категории «страх» в аспекте феноменологического и социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2002. 25 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 644 с.

Турьян М. А. Странная моя судьба. М.: Книга, 1991. 401 с.

Тюпа В. И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39. doi 10.25205/2307-1737-2020-1-22-39

Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 148 с.

Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. № 2(52). С. 19–24. doi 10.26710/fk18-02-03

Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3. С. 8–24.

Тюпа В. И. Пограничные состояния в литературном нарративе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2019. № 2. С. 10–18. doi 10.28995/2686-7249-2019-2-10-18

Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 258 с.

Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильчева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М.: Сов. энцикл., 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1163/СТРАХ (дата обращения: 10.03.2023).

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константина. М.: Сов. энцикл., 1960–1970. Т. 5. 740 с.

The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / ed. by J. Cuddon. L.: Penguin Books, 1998. 1024 p.

References

Арпесян В. Ю. *Mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [The mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 43 p. (In Russ.)

Бактиян М. М. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)

Боровoy E. M. *Strakh i sotsial'noe bytie cheloveka*. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk [Fear and human social existence. Abstract of Cand. philos. sci. diss.]. Novosibirsk, 2006. 23 p. (In Russ.)

Джундубаева А. А. Концепция адресата и идеалного адресата в прозе А. Кима [Concept of the addressee and the ideal recipient in prose by A. Kim]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], 2018, vol. 15, issue 2, pp. 303-319. doi 10.22363/2312-8011-2018-15-2-303-319. (In Russ.)

Жиличева Г. А. Категория повествовательной стратегии в современных исследованиях языкового смысла и повествовательного текста [The category of narrative strategy in modern studies of narrative text]. *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Social Science Journal], 2014, vol. 3, issue 7, pp. 278-287. (In Russ.)

Зенкин С. Н. *Teoriya literatury: problemy i rezul'taty* [Literary Theory: Problems and Results]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 617 p. (In Russ.)

Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке [Naming fear in language]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and Language Teaching], 2015, vol. 7, pp. 98-223. (In Russ.)

Леонавичус А. В. Кхронотоп бала в русской литературе (к истокам традиции) [Chronotope of the ball in Russian literature (Revisiting the origins of the

tradition)]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2015, issue 4, pp. 32-38. (In Russ.)

Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман 'Русские ночи' [Vladimir Odoevsky and his novel 'Russian nights']. In: Odoevskiy V. F. *Russkie nachi* [Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 247-277. (In Russ.)

Одоевский В. Ф. *Russkie nachi* [Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 325 p. (In Russ.)

Перевалова Е. М., Штуккерт М. Л. Страх в новелле Одоевского 'Бал' в контексте специфики повествовательных модальностей [The fear in V. F. Odoevsky's novel 'The Ball' in the context of the specifics of narrative modalities]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University], 2022, issue 25, pp. 123-125. (In Russ.)

Подорога В. А. Имя: Страх. Об однотой экзистенциальной страсти [Name: Fear. On one existential passion]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], 2020, vol. 13, issue 3, pp. 49-66. doi 10.21146/2072-0726-2020-13-3-49-66. (In Russ.)

Пятигорский А. М. Страх из 2009 года [The Fear from 2009]. *Neprikosnovennyj zapas* [Reserve Stock], 2009, issue 5, pp. 3-16. (In Russ.)

Романова Е. Н. *Osnovnye smysly kategorii 'strakh' v aspekte fenomenologicheskogo i sotsial'no-filosofskogo analiza*. Avtoreferat diss. kand. filos. nauk [The main meanings of the category 'fear' in the aspect of phenomenological and socio-philosophical analysis. Abstract of Cand. philos. sci. diss.]. Omsk, 2002. 25 p. (In Russ.)

Сартre J.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness. An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 644 p. (In Russ.)

Турыан М. А. *Strannaya moya sud'ba* [My Strange Fate]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 401 p. (In Russ.)

Тупа В. И. Автор и повествователь в истории русской литературы [The author and narrator in the history of Russian literature]. *Kritika i semiotika* [Critique & Semiotics], 2020, issue 1, pp. 22-39. doi 10.25205/2307-1737-2020-1-22-39. (In Russ.)

Тупа В. И. *Vvedenie v sravnitel'nyyu narratologiyu* [Introduction to Comparative Narratology]. Moscow, Intrada Publ., 2016. 148 p. (In Russ.)

Тупа В. И. Жанровая природа повествовательных стратегий [The genre nature of narrative strategies]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2018, issue 2 (52) pp. 19-24. doi 10.26710/fk18-02-03. (In Russ.)

Тупа В. И. Нarrативная стратегия романа [The narrative strategy of the novel]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2011, issue 3, pp. 8-24. (In Russ.)

Тупа В. И. Пограничные состояния в литературном повествовании [Border states in the literary narra-

tive]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [RSUH/RGGU Bulletin], 2019, issue 2, pp. 10-18. doi 10.28995/2686-7249-2019-2-10-18. (In Russ.)

Uspenskiy B. A. *Poetika kompozitsii* [The Poetics of Composition]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 258 p. (In Russ.)

Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Ed. by L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. Available at:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1163/STRAKh (accessed 10 Mar 2023). (In Russ.)

Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2003. 312 p. (In Russ.)

Filosofskaya entsiklopediya [Philosophical Encyclopedia]: in 5 vols. Ed by F. V. Konstantinov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1960–1970, vol. 5. 740 p. (In Russ.)

The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. Ed. J. Cuddon. London, Penguin Books, 1998. 1024 p. (In Eng.)

Fear in Vladimir Odoevsky's Short Story 'The Mockery of the Corpse' in Connection with the Features of Narrative Modalities

Elizaveta M. Perevalova

Postgraduate Student at the Department of History of Russian Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119234, Russia. perevalowa.elizaveta@yandex.ru

SPIN-code: 9831-3006

Submitted 01 Aug 2024

Revised 03 Nov 2024

Accepted 02 Dec 2024

For citation

Perevalova E. M. Strakh v novelle V. F. Odoevskogo "Nasmeshka mertvetsa" v svyazi s osobennostyami narrativnykh modal'nostey [Fear in Vladimir Odoevsky's Short Story 'The Mockery of the Corpse' in Connection with the Features of Narrative Modalities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 129–137. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-129-137. EDN RYGETU (In Russ.)

Abstract. The choice of fear as a subject of study is due to its system-forming role in the works of Romantics. Fear as a philosophical and aesthetic category marks the collision of the material with the spiritual, and therefore is found at all levels of a literary work. The article focuses on the functioning of fear as an emotion transmitted by various communicative instances of the short story. The purpose of the study is to determine how the narrative structure of a literary text allows the author to influence the reader and, in particular, to convey the emotion of fear. The study employed analytical, structural, motif-imagery, classification, and comparative methods. The research is based on V. Schmid's theory of the subjective structure of narrative, V. I. Tyupa's ideas about narrative strategies and their role in the synchronic and diachronic study of literature, and B. A. Uspensky's developments in the field of poetics of composition. The study has revealed the features of the functioning of fear at the narrative levels of the characters, narrators, and the abstract author, which allows us to make assumptions about the optimal position of the addressee for the perception of the story. It has been found that fear in the artistic world of Vladimir Odoevsky is created through the construction of an internally consistent picture of the world convincing of the irresistible power of the material. Strategies for creating this effect vary. In the first part, the narrator is positioned as omniscient, omnipresent, intrinsic in relation to the characters and openly entering into a controversy over values with them. In the second part, the narrator manifests himself to a lesser extent, while the ideological position is expressed by means of combining facts, replicas, as well as by compositional and motif correlation with the first part of the story.

Key words: fear; Vladimir Odoevsky; narrative modality; artistic philosophy; Romanticism.

Научный периодический журнал «**Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология**» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «**Вестник Пермского университета**», издаваемого с 1994 г. («**Филология**» и «**Иностранные языки и литературы**»).

Цель журнала «**Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология**» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкоznания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литературы; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «**Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология**» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “**Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология**”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “**Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология**” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляющей статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлегией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редакции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте **ФОРМОЙ**, должна поступить вместе с **ПАСПОРТОМ СТАТЬИ** по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещеных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 17. Выпуск 1 / 2025

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *Е. И. Герман*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 27.03.2025. Дата выхода в свет 31.03.2025

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,16. Тираж 500 экз. Заказ 38

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/8963075/>

Распространяется бесплатно и по подписке